

Небывалое бывает

Что это такое? И тем более в художественной литературе?

За годы моей долгой и сложной жизни приходилось сталкиваться с непредвиденными ситуациями.

В беседах с интересными людьми, они тоже приводили в своих рассказах удивительные факты и случаи, я отбирал лучшие образцы. По жизни у меня отличная память, и я интуитивно откладывал всё «небывалое» на будущее.

Это, во-первых.

А во-вторых, я пошёл по проторенной дорожке знаменитых уральских писателей Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Бажова. У них «небывалое» было широко представлено в сказах и преданиях. Я учился у них, и очень благодарен им.

В моей новой книге я собрал лучшие прозаические тексты.

Итак, уважаемый читатель, пора за дело!

Сказка о жадном рыбаке

Жил в деревне Шичатке жадный рыбак Ваня Сыкулев. Бывало, в жаркий день набьёт полный пестерь рыбы, а всё мало. Сидит до заката солнца, удит,

только удилица сверкают. Придёт домой, а рыба в пестере от жары вся испортится. Тухлятина одна, а не рыба! Как-то он умудрялся ещё этой рыбой торговать! Брали люди, хотя рыба Ванькина – дрянь!

И стала роптать рыба в пруду на Ванькины проделки. Собрались в стаи, пошумели и послали главных рыб к столетней Щуке, которая доживала свои годы в глубоком омуте.

– Матушка Щука! От Ваньки Шичатского житья не стало! Портит, гноит нашего брата

тысячами, сотнями почём зря! Хочется в уху попасть, а попадёшь на свалку!

– Не все разом, – строго прошамкала беззубым ртом Щука. – Говорите по одному. Пусть сначала Лещ скажет!

Лещ лениво махнул хвостом и начал:

– Все знают, как с нами обращается жадный Ванька. По всем берегам пруда, рекам и речкам разбросаны косточки лещовой породы. На днях на берегу около культбазы Ванька жарил на костре леща, крупного и жирного. Немного поел, а остальное в траву скидал. У леща, мол, костей много, нечего с ним церемониться. Это ли не обида нашему брату?

– Что Сорога скажет?

– Сорогу и мелкую плотву Ванька Шичатский за рыбу не признаёт. Ему, видите ли, такая мелочь не нужна, никто её не купит. Крупную плотву наловит, набьёт пестерь, а тело наше нежное, от жары гибнем, портимся...

Взял слово Окунь:

– Ванька Шичатский хуже людоеда. Схватишь у

него червяка, проглотить поглубже, а он нет, чтобы осторожно с крючка снять, суёт свой грязный палец в рот нам, жабры рвёт, голову калечит. А ведь рыба с головы гниёт!

Помолчала Щука и говорит:

– Объявляю Ваньке бойкот: не клевать, крючков его в рот не брать! Пусть хоть каких жирных червей на крючки навесит – не брать, обходить стороной! Если кто ослушается – за жабры и бока и вон навсегда из пруда!

И началась полоса невезения у Вани Сыкулева. Люди ловят, а у Вани – пшик! И так он, и сяк – пусто! И давай Ваня ругать весь рыбный народ. А рыба всюду плавится, но на удочку к нему не идёт! И решился Ваня на богохульное дело. Нашёл нужных людей на заводе, и изготовили ему бомбы, начинённые порохом. Подпалил он первую – и в воду! Оглушил рыбу и давай собирать её в лодку.

Кинулись опять все к Щуке:

– Барыня Щука! Озверел Ванька окаянный, губит нас бомбами!

Отвечает им Щука:

– Погодите здесь! Сплаваю я за советом к водяному царю!

Через час вернулась и говорит:

– Идите по домам. Водяной примет меры!

На следующий день Ванька Шичатский на лодке примеривался, куда забросить вторую бомбу, но не успел. Налетели на лодку два огромных сома и две щуки и давай её качать в разные стороны. Ванька струхнул сильно, повалился на дно лодки и закричал благим матом. Поздно! Лодка перевернулась, и рыбак камнем ушёл на дно. Под руки его подхватили два пристава-жереха и прямёхонько поволокли во дворец водяного, под его грозные очи.

– Ты пошто в моём царстве рыбную живность истребляешь? Мало крючков, за бомбу взялся? Смерти захотел, сморчок сухопутный?

– Помилуй, батюшка царь водяной! – взмолился Ванька. – Виноват, бес попутал, жадность подвела. Отпусти меня домой, всё сделаю, что повелишь!

Подумал царь водяной и молвит:

– Ладно, отпущу на берег, если выполнишь два моих условия. Первое: никогда тебя не увижу на пруду ни с удочкой, ни с мерёжей! Второе... Внесите блюдо! – приказал

он. И щуки поставили перед Ванькой блюдо. На нём лежала прогнившая рыба. Смордом и плесенью пахла она.

– Вот что от рыбы остаётся, когда ты на реке побываешь. Съешь эту пакость и отправляйся домой. А если нет – дорога тебе на Забегаевскую яму на съедение налимам! А вы, приставы, колите что есть мочи в бока его, подгоняйте к еде!

– Всё исполню, всё сделаю, – прошептал Ваня, закрыл глаза и начал есть прогнившую рыбную массу. Он задыхался, его тошнило, но он упрямо глотал угощение с царского стола. Ване стало плохо, и он потерял сознание...

Очнулся рыбак на берегу речки Фоминки недалеко от моста. И с тех пор Ванька Шичатский на реку не заглядывал.

Векша

Было это очень давно. Но уже после манифеста царя о воле. Жил на Таврической улице недалеко от нас лесник Матвей Мороз. Хозяин был крепкий. Хозяйство большое вёл: две коровы, лошадь, овцы, птица домашняя. Работал лесником от завода. Жена управлялась по дому. В старые годы не принято было бабе где-то робить. Сиди дома, рожай детей, воспитывай. Трое детей подрастало у Матвея. Старшенький Александр, кличка Большак. Высокий, статный, косая сажень в плечах, кудрявый, улыбчивый, очень добрый и обходительный. Мухи не обидит. В свободное время уходил с ружьём в леса. А ещё больше любил помогать отцу в его лесных работах.

Матвей Мороз в то время занимался посадкой сосны за лугами на берегу Камы. Сашка, его сын, был у Матвея первым помощником. Отстоит с утра смену на мартене, у огненной печи, и скорей к отцу в лес. Не одну тыщу деревьев посадил он вместе с отцом.

Однажды принёс Александр из леса белку больную, всю израненную. Видно, куница или

рысь её трепали, а задавить не смогли. Убёгла векша от них. И прозвали эту белку Векшей.

К весне она поправилась, окрепла, раздобрела, привыкла к людям, особенно к Сашке и Алёне. Зверь, а понимает, что о нём забота есть: и с рук охотно всё ела, и по голове и плечам Сашки бегает, с ним играет. Подоспело время, и Сашка отнёс зверюшку обратно в лес. В этот год только уже поздней осенью по снегу пошёл Александр в сосновый бор с ружьишком. Долго ходил он по бору, устал, присел на пенёчек под сосной и задумался. И прилетает ему сосновая шишка в лоб. Оглянулся, вверх посмотрел. На ветке белка сидит и шишку лушит.

– Векша, Векша,
– позвал Сашка белку и положил кусочек шанежки на ладонь. Она спустилась и принялась за еду. Съела белка гостинец, потом отбежала прыжками на край поляны, сидит у ёлки и верещит. Звал, звал охотник Векшу – не

идёт. Дай посмотрю, что она там нашла? Подходит и видит: огромная нора ведёт под корни вглубь дерева. Белка скрылась в норе и опять верещит. Любопытно стало Сашке: куда его белка зовёт? Слышал от стариков про клады, про лешего, про добрых и злых колдунов, которые богатство охраняют. А вдруг клад?

Оставил ружьё на траве и полез в тёмную нору. Белка впереди, он за ней. И попал вскорости парень в большую земляную комнату. Огляделся, видит железную дверь, в скважине ключик. А где белка? Нет её – исчезла! У Сашки, конечно, руки-ноги задрожали. Клад! Батюшки святы! Неужели счастье привалило? Осенил он себя крестным знаменем, открыл дверь и вошёл. Смотрит, большая комната, сверху струится голубоватый свет, посреди комнаты стол, заставленный всякими украшениями, а у стен лари дубовые. Подошёл он к первому – там деньги медные, заглянул во второй – рубли серебряные, к третьему ларю бросился – Господи, одни золотые монеты старой чеканки! Что делать, как быть? И решил Сашка: возьму монеты

золотые, набью карманы, сколь влезет. Размечтался: ружьё себе куплю бельгийское, бате лошадь чистокровных кровей, оденусь, остальные деньги на новый дом.

Стал выходить, толкнул дверь, а она закрыта, и ключика нет! Полчаса целых бился парень с дверью – ни туда, ни сюда, ни вперёд, ни назад! Струхнул тут Сашка. Нечистая сила не выпускает! Как подумал, что ему навеки не выйти, волосы на голове дыбом, мороз по коже продрал, ноги подкосились – не идут! Руки машинально крестное знамение кладут, а губы шепчут молитовку.

– Что-то ты быстро приуныл, – слышит он сзади девичий звонкий голос. Обернулся. Стоит перед ним стройная красивая девушка в чёрном сарафане, на голове корона блестит, на плечах богатая беличья шуба. В руках она держит поднос.

Клад этот в подzemелье завещан знаменитым разбойником Бусаем. Он тому в руки дастся, кто поклянётся богатство его употребить на общее дело. Читай молитву и твори клятву!

Пообещал Сашка деньги взятые употребить на строительство церкви. Как раз в это время у нас, Подгорой, её закладывали.

Улыбнулась красная девица:

– Добро, так и будет! А теперь искушай пива моего лесного и закуси.

И подаёт ему кружку пенного пива и пироги из брусники. Выпил, закусил и промолвил Сашка:

– Спасибо за всё.

– Помни, что клятву дал, – сказала девушка. – От себя дарю сосновую веточку с шишкою. Прими дар от чистого сердца.

Взял Сашка подарок. Оглянуться не успел, как опять в лесу оказался, на том пенёчке, под той самой сосной. Сидит и размышляет: сон это был или не сон? В руках у него ветка сосновая. Спohватился, руки в карманы сунул. Золото! Значит, был он наяву в подземелье и клад нашёл. А кто же эта девушка? Потом уже до него дошло: белка Векша, им спасённая. А как перешагнул порог дома, ветка, волшебницей дареная, в раз потяжелела. Глядит парнице – в руках ветка из чистого серебра, а сосновая шишка чистым

золотом сверкает. Вот такая история с ним приключилась.

Сашка Мороз

– Назавтра, как бы мне не соврать, на льду речки Чёрмоз сошлись в кулачном бою горские и подгорские парни и мужики. Помню я этот бой. Мы с Алёнкой забрались на крышу конюшни Ефима Авдеева, хорошо нам оттуда было видать.

Сначала, как водится, мелочь сражалась. Мальчишки кулаками помахали, носы поразбивали и разошлись. А потом пошла стенка на стенку. Бойцы все крепкие, могучие, не раз в кулачном, жестоком бою проверенные. У подгорских, естественно, вожак Сашка Мороз. А у горских Савка Сырвачев, сын богатого на весь завод купца Фёдки Сырвачева. Савка был парень крепкий, ухарь, хитёр и изворотлив. Весь в своего батюшку купца-пройдоху. И сошлись они, и началась

промеж их драка, другого слова не придумаешь. Стали одолевать горские мужики подгорских. Савка во всю разошёлся. Как ударит, так супротивник валится на лёд. Дивится народ: откуда у Савки такая прыть? И подошло время к тому, что трое остались подгорских и Сашка Мороз, а горских десятка полтора. Окружили они Подгору и давай метелить! Народ с горы уже начал ликовать:

– Ура! Наша ломит!

Но не тут-то было! Глядел с берега вместе с подгорскими на этот бой Матвей Мороз. Взыграло у него сердце. В стары годы был он непобедимый боец. Сбросил шубу и кинулся на лёд.

– Сашка, – кричит, – держись!

Ох, что тут было! К этому времени Сашка один уже бился с шестью горскими. Подбежал

отец к мужикам, раскидал их и бросился к Сашке. Встали отец и сын друг к другу спиной и давай молотить горских. Не могут

те у Морозов слабинку найти: как подойдут, так от могучих ударов Морозов на лёд валятся.

Прошло минут десять, и остался на ногах один Савка. Сашка и говорит отцу:

– Батя, охолонись маленько. С Савкой я сам разберусь.

Первым ударил Савка в лоб Морозу. Покачнулся Сашка, но устоял. Кровь струйкой потекла по лбу. Ударил и он в свою очередь. Плашмя, как чурка, на лёд свалился Савка. Мороз подошёл к противнику, сдёрнул перчатку и вытащил маленькую чугунную гирьку на резине и показал всем:

– Нечестно дерётся Гора. За это Савку не так надо наказывать!

Поднялся Савка под свист и осуждающие крики зрителей, сплюнул два зуба со слюной и кровью и пригрозил:

– Подожди, щенок подгорский, я тебя достану! И ушёл.

А через день прямо на работе у печи Александра Мороза арестовали.

– За что? – возмутился Мороз.

– Убивец ты и грабитель, вот ты кто, – отвечал заводской пристав.

И надо же, как чудно сплелось всё в одно время. Сашка золото нашёл, на церковь его отдал, об этом многие узнали. И в эту же пору в лесу, неподалёку от дороги Чёрмоз – Ильинское, покойника подняли. Богатый, говорили, купец из Карагая ехал по делам в Чёрмоз и тут себе смерть нашёл. Сырвачев Фёдор по навету Савки жалобу настрочил на Александра. Что, дескать, Мороз купца убил и золото себе присвоил, на церковь для отводу глаз дал, а сколько себе захапал, надо ещё разобратся! Золото, стало быть, не из клада, а купеческое! Вот так умело Сашку обложили, что ему и нечего сказать.

А что он мог рассказать? Как он в нору полез за белкой, клад нашёл? Сказки это всё! Его бы на смех судьи подняли. Скорёхонько суд собрали, обсудили, засудили и приговорили за убийство и грабёж к двенадцати годам каторжных работ в рудниках Сибири.

Дней через пять после суда слышим, Сашка Мороз убёг. Решётки в окне сломал и был таков. Искали его долго и в лугах, и в лесах. Напрасно! Как в воду канул! В народе

слух пошёл: Векша-колдунья его к себе забрала. Женился он на ней, в подземных палатах живёт. А жена его, колдунья, на волю к родным не пускает. А может, и зря говорят. Взял он лодку, сколько их на Каме стоит, и уплыл вверх или вниз по реке. А потом подался на Алтай ли в Сибирь, поселился под другой фамилией или в казаки записался. И больше его в Чёрмозе не видали.

Бой-баба

Из дому появилась мать Ермолая. По лицу и рукам можно ей дать лет семьдесят пять. Привлекали её рост приблизительно 185-190 сантиметров и крепкая, мощная фигура.

– Сынок, я ушла за коровой!

Хлопнула дверью калитки и скрылась за соседним домом.

Проводив восхищённый взгляд Николая Свиридова, Ермолай сказал:

– Мамадя Анфиса у меня видная, красивая, человек непростой судьбы. О ней в нашей округе легенды ходят. Родилась крупным ребёнком, а мамадя её после тяжёлых родов умерла. Воспитывала мать мою тётя Зинаида. Характер у мамани сформировался твёрдый и независимый. Всякую работу в нашей крестьянской среде делала быстро и качественно. И за бабу, и за мужика! С 16 лет по вечеркам пошла. А через год с мужиками на льду схлестнулась в кулачном бою. И враз доказала, что она не жиже мужика! От её ударов бойцы плашмя валились на лёд. А чужие удары держала, как надо!

С 20 лет её купцы нарасхват брали в обоз или в одиночку товары по Екатерининскому тракту возить в Чёрмоз и Соликамск. Они знали – мамадя не подведёт! Однажды она везла товар в Чёрмозский завод и наткнулась на пьяных мужиков, которые на двух кошёвах возвращались в село Усть-Косьву. Попросила она басенько их уступить

ей дорогу, чтобы дальше проехать. В ответ оголтелый мат и угрозы:

– Ты кто такая?

– Молчи, стерва! А то юбку задерём, задницу начешем!

Не сдержалась Анфиса! Подбежала к бунтующей пьяни и повыкидывала их из саней в снег!

– Лежать в снегу харей вниз и не вякать, пока я не уеду!

Села на повозку и уехала. Это ещё не всё. Лицом матушка моя была красивой, характером весёлым, обращением к людям задушевным! Парни за ней бегали – страсть! Все были влюблены в неё.

Однажды парни из деревни Соболяки подвалили к ней с серьёзным предложением:

– Выходи замуж, Анфиска! Выбирай любого.

Она молчит и ждёт, что дальше будет. А они, как молодые петухи, в драку между собой.

– Оженись, Анфиска, выбирай!

А она им в ответ:

– Зачем орёте, кулаками машете?

Гордая она была.

– Я вам не курица, а вы не петухи. Чего клювы свои наточили, дурни!

За шкирки их обоих схватила, подняла над землёй и сшибла лбами. Они взревели от боли и вмиг отстали! Силач-баба, да и только!

В гражданскую войну 1918-1920 годов Анфиса в партизаны ушла и воевала с Колчаком, пока его не прогнали с Урала. А мужа она нашла под стать себе: богатыря земли камской! Звали его Филиппом. Ростом с сажень, в плечах широк, мышцы на руках, что гири пудовые! 18 пудов груза на спор на

руках поднял и носил. Горжусь: это папаня мой родной!

И ещё удивительный факт о его силе. С парнями из чужой деревни схлестнулся и погнал их прочь. Они режут матом и его площадно кроют! Подбежали к деревне и кинулись за подмогой. А папаня догнал одного беглеца, шапку с головы долой! Подошёл к строящейся бане, поднял четыре ряда брёвен и шапку туда положил.

– Прощевайте, угланы! За мной не бегите! Лучше шапкой займитесь.

Парни так и сделали. Целый час молозгались, пока её достали.

Вот так-то! А когда Филипп женился на Анфисе, то решил жить самостоятельно, своим домом. А денег на лес нет! Но он нашёл выход. Дом построил, а потом заболел. Начну с начала. Пошёл к леснику.

– Подскажи, как бесплатно лес заиметь? Денег у меня нету!

И лесник посоветовал по секрету:

– На лошади привезёшь без оплаты – штраф большой и лес обратно. Ты, сказывают, очень силён. На себе брёвна из леса стаскаешь – штрафа минуешь. Думай сам!

И отец стаскал рубленый лес на своих плечах, с маманей дом сложил. А через год я родился в новом доме. А ещё через год не стало папани. Он умер, и все были удивлены: какая болезнь-лихоманка его подкосила? Обратились к фельдшеру из деревни Палкино. Осмотрел он моего отца и заявил:

– Обычная простуда лёгких его сгубила! Болезнь на ногах перенёс, поздно спохватился заняться лечением!

После такого страшного удара мама сильно страдала и замуж больше не пошла! Всем любопытным отвечала кратко:

– Кроме Филиппушки мне никого не надо! Буду я верной ему вдовой. Поговорили и хватит!

Три дочери Рамона Пятого

Было это давным давно, тысячу лет назад. По всему Уралу местный люд жил племенами. На Уральских горах

Чусовая

находилось царство рифеев. Царём у них был Рамон Пятый.

У царя было три дочери. Старшая – Чусовая, девушка бойкая, сердитая, взбалмошная. Средняя – Вишера. Про неё говорили спокойная, добрая, весёлая. На голове у неё серебряный платок, по бокам алмазы сверкают. Младшую звали Косьва. Девушка скромная, тихая, самая красивая. Как выйдет в люди, все глядят на неё и не могут налюбоваться. Лицо чистое, белое, брови соболиные, глаза лучистые смотрят на мир божий

восторженно.

Весной и летом царь дочерей отправлял на заработки. Они собирали всю воду с Уральских гор и гнали её через луга и леса на соединение с матушкой Камой. Зимой по крепкому льду сёстры возвращались в отцовский дом.

Кама в те годы ещё в девках ходила и приглядывала себе жениха – ладного, красивого, богатого. И понравился ей вождь одного племени в районе Кизела. Далековато до Камы, и встречи влюблённых были очень редки. Уговорила она вождя, звали его Уфалей, переселиться поближе. И завязалась

у них страстная любовь!

Однажды Уфалей увидел Косьву, подошёл к ней и обомлел! И навсегда влюбился! Узнала

Кама, что её милый с Косьвой спутался, зло зыркнула глазами и пригрозила:

– Этому не бывать!

Дождалась она весны, заманила Уфалея на журавлиный луг и приказала юношу заковать в цепи и бросить в подземную тюрьму. А поверх тюрьмы озеро Дикарь образовала. Попробуй найди заключённого!

Бросилась Косьва к отцу:

– Батюшка, вызволи Уфалея!

Но не смог Рамон Пятый совладать с Камой. Только упросил её по весне во время ледохода разрешить короткую встречу двум любящим сердцам. Прорвётся Косьва на луга, соединится с Уфалеем на два-три дня и обратно в слезах откатится в русло. Говорят, что она родила от него любимого сына. Это река Лух...

Студенческий фольклор

Обезьяна

Гуляла по филфаку у студентов одна байка. Ваня Сорокин прочитал объявление: «Зоопарку срочно требуется работник». И кинулся туда.

– Будете обезьяной всего неделю?

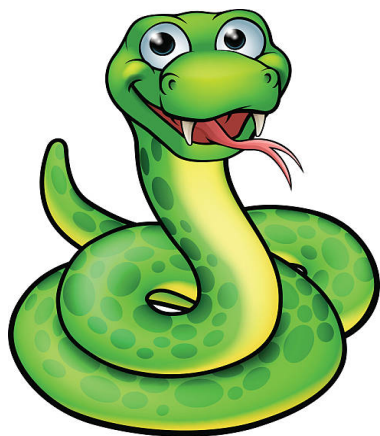
– Как обезьяной? – удивился студент.

– Обезьяна внезапно сдохла, а новую привезут позднее. В шкуру залезете – и в клетку. Всего неделю. Соглашайтесь!

И Ваня решился. Поместили его в клетку. Прошло пять дней. Он даже научился любопытных ребяташек смешить. На шестой день клетку Вани забыли закрыть, и в неё ворвался лев, живущий по соседству. Ваня в ужасе забился в угол, закрыл глаза. Царь зверей тихо подошёл к Ване, понюхал и в ухо сказал:

– Братан, ты с какого факультета?

Змея

Между Свердловском и Пермью в те годы ходил один раз в сутки товарно-почтовый поезд, все места в нём общие. На этот поезд-тихоход (он останавливался на каждой станции!) билет купить всегда было можно, а вот место в этом поезде надо завоевать, работая энергично ногами и локтями. Если ты не хочешь стоять всю ночь в коридоре, приходи за час до посадки, а там как повезёт! Кто порасторопнее, понаглее – сидит и дремлет под стук колёс, а кто опоздал – тому место в тамбуре.

Андрей заранее подготовился к этой процедуре, поэтому занял сидячее место. Рядом с ним разместилась шумная компания будущих инженеров из УПИ (политехнический

институт). Играла гитара, звучали студенческие песни, а в перерывах байки.

«Один бедолага-студент из УПИ купил билет до Перми за пять минут до отхода поезда. На бегу зацепился за подножку, забрался в тамбур, а там тупик: народу набилось – жуть! Он полез вперёд.

– Куда прѐшь! Сейчас схлопочешь! – закричал народ.

Но он не растерялся, упал на колени и пополз между ног пассажиров. Люди удивились – и расступились! А вот и первое купе. Он шмыг под лавку.

– Ты чего потерял? – спросили его.

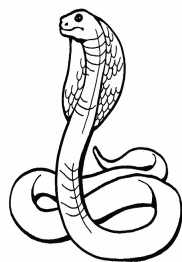
– Змею, блин. Она была в чемодане, проверю.

Кто сидел в купе – как ветром сдуло! Студент улѐгся на лавку и уснул. Рано утром вышел в тамбур.

– Где стоим? – спросил у проходящего рабочего-путейца.

– Свердловск –
сортировочная.

– Как, почему?!

– Студентишка-негодяй змею в вагон забросил. Вот вагон и решили отцепить».

Концовку рассказа Андрей уловил интуитивно, его сморил сон.

Дела студенческие

Старостой комнаты номер семь единогласно избрали Александра Субботина, как самого старшего и опытного. Ему уже в то время исполнилось двадцать семь лет. У Саши была странная привычка приветствовать нас, находящихся в комнате, виртуозным матом. И на этой пагубной привычке, приобретённой на пороховом заводе, Саша однажды сильно «прогорел». Вовка Цукерман, сокурсник по филфаку, ловелас и шалопай, заключил с девушками пари.

– Субботин ругается, как пьяный извозчик! – как-то в разговоре бросил он.

Девушки заступились за Сашу:

– Не может быть! Это поклёп и враньё! Он такой обаятельный, остроумный и корректный. Не там мышей ловишь, Вовик!

– Не верите? Пошли в общагу, там услышите и увидите!

Он привёл трёх девушек в комнату и спрятал за шифоньером. Субботин, как всегда, пришёл домой и произнёс «традиционное приветствие». Мы молчим и таинственно улыбаемся.

– Что случилось? Отчего рты позакрывали? – и опять блестящие обороты, от которых вянут уши. Он заглянул вглубь комнаты и застыл на месте. Саша видит смущённых однокурсниц, а они его... Немая сцена затянулась на несколько минут. Пришёл на помощь вездесущий Цукерман:

– Эту сцену мы отрепетировали. Лёша, давай!

Дальше звучит музыка Моцарта, «Концерт № 3». Целый месяц обескураженный Александр поругивал всех за такую медвежью услугу. Все отмалчивались или валили всё на

непутёвого
Вовку.

– Ничего,
Сашок, –
заметил Андрей.

– Стерпится – слюбится. После такой оригинальной выходки они тебя ещё больше уважают, а может быть, и полюбят!

И ещё о Цукермане. Осенью на втором курсе студентов отправили в колхоз помочь сельским пролетариям. Работа непыльная, простая – копай картошку, руби капусту и грузи на машину.

Володя среди всех оказался белой вороной. Работал спустя рукава, а то и вовсе не приходил на поле. По итогам сельхозработ комитет комсомола факультета выпустил газету, где сильно прошёлся по лентяям и прогульщикам. И Цукерман стал героем целой газетной статьи. Это его страшно зацепило и возмутило! И тогда наш Вовик через всю статью написал слово «БРЕХНЯ!». И начались для него мрачные дни: исключили из комсомола, а затем и из университета! Опечаленный и расстроенный, Цукерман молча с нами попрощался и ушёл. И больше Андрей с ним не встречался.

На втором курсе обитатели комнаты номер семь переехали в благоустроенное двухэтажное общежитие на улице Чапаева. До

альма-матер рукой подать, всего две остановки – и на подножке трамвая можно доехать, бывало и такое. Рядом библиотеки, филармония, оперный театр, баня, стадион.

Два года юноши комнаты номер семь упорно учились, не вылезали из библиотек, ходили на концерты в филармонию. И всему причиной был Лёша Гончаров, он подвигнул их на высокое искусство!

Лёша организовал кружок музыкально-эстетического самообразования. Подключились к ним студенты из других комнат. В течение двух лет они шли по графику в библиотеки, зарывались в книги и находили по теме материал. В субботу, по сложившейся традиции, у ребят были спорт и баня, а в воскресенье работал кружок. Докладывали всегда двое. И это было правильно: что не сказал первый – дополнит второй. На втором курсе изучали тему «Великие композиторы 16-20 веков», на третьем – «Великие художники 18-20 веков».

Только Толя Ластухин отказался напрочь от этой затеи. Во-первых, за стенами общежития у него появилась любимая

девушка, а во-вторых, его избрали в профком факультета.

– Дела, дела, хлопчики! – отнекивался он.
– Покой мне только снится!

Ластухин стал следить за собой. Купил в комиссионном магазине хороший заграничный костюм и чёрный кожаный чемоданчик. В нём, как он изъяснялся, хранятся важные профсоюзные документы. Ходил Анатолий гордый и важный – знай наших профсоюзных боссов!

Но нас не проведёшь! Толя круглые сутки на глазах. Присмотрелись к его учёбе и профсоюзной работе. Странно было одно: почему Ластухин не заглядывал в свой фирменный чемоданчик? Он не работает вовсе, а держит марку важного авторитетного профсоюзного деятеля! Было решено «осуществить научный эксперимент» над важной профсоюзной «птицей».

Вечером, когда Толя ушёл на свидание, все бумаги и конспекты убрали из чемодана и набили его кирпичами. Плотно закрыли и установили слежку – сколько времени он будет носить чемоданчик, не открывая.

Прошло восемь дней. Однажды на лекции одна студентка, с которой Толя был любезен, попросила у него ручку.

– Будет сделано! – заверил воздыхатель и сердцеед. Открыл чемоданчик, и изумлению его не было предела: кирпичи! Как они сюда попали? А девушка отвернулась и давай хихикать!

Вечером Ластухин страшно ругался и возмущался. А мы ему в ответ:

– Как ты терпел восемь дней, таская шестнадцать килограммов?

Терентий Жерносек

В двадцатые годы Терентий работал агентом по закупке зерна у населения. В стране НЭП. Государство просит у крестьян продать зерно, чтобы накормить город.

Но частники-хлебоборобы неохотно отдают хлеб. И Жерносек на встречах с мужиками разыгрывал яркие психологические спектакли.

Представьте большую сибирскую избу, сколоченную из огромных сосновых брёвен. Внутри никакой штукатурки. Не принято это было у крестьян: изба не дышит, не хватает свежего воздуха. Между брёвнами торчит мох для утепления. Изба забита местными под завязку. Одни смолят махорку, другие ждут, что скажет уполномоченный из района.

– Надо сдавать хлебушко, граждане мужики! Пуда по два с каждого хозяйства, – начинает Жерносек.

– Нетути хлебушка, сами голодаем!

– А зря вы не хотите помочь советскому государству. Оно вам в трудную минуту всегда поможет – пожалеет и защитит. А может и наказать. Дай-ка я поговорю по телефону с Красноярском: что об этом начальство думает?

Он достаёт из сумки телефон и вилку втыкает в моховой паз между брёвнами:

– Але, але, Красноярск! Дайте мне Ивана Ивановича! Здравствуйте, Иван Иванович! Что делать мне? Крестьяне хлебушко не сдают!

Позвонить в Москву, в Верховный Совет? А там к кому обратиться? К самому Калинин? Всё-всё, я понял! До свидания! Але, але, Москва! Михаил Иванович? Здравствуйте! На проводе Красноярский край, Нижнее-Ингашский район, деревня Назарова, заготовитель Жерносек. Что мне делать? Мужики зерно не сдают! Арестовать их за саботаж? Понятно! Будет исполнено! До свидания. Слышали, мужики?

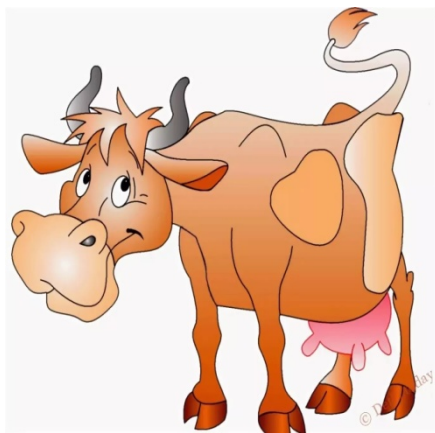
Изба загудела:

– Дадим хлебушка поманеньку, некуда деваться!

Курильская история

И на Курильских островах сержант Юркевич попал в непростую историю. Офицеров воинской части разжаловали, а брат лишился сержантских погон. В его отделении служил дагестанец Ибрагим, повар в столовой. На острове у воинской части было большое подсобное хозяйство: лошади, коровы, огород и сад.

Одна из коров по кличке Зорька прикормилась около столовой. Ибрагим очень её полюбил, поставил на солдатское довольствие. Зорька твёрдо усвоила: в два часа дня быть у столовой, её накормят.

И вот наступил час «икс». Высокое начальство из Петропавловска-Камчатского на самолёте приземлилось на остров. Весь гарнизон при полном параде встречал высоких гостей. Только Зорька об этом не знала, она пришла обедать. Ибрагиму не до неё, он встречает генерала. Корова постояла, помычала, рогом ковырнула дверь и ворвалась в столовую. Поела борща из бака, закусила гуляшом с макаронами, выпила полведра компота и отправилась в конюшню. А в это время высокая делегация с материка направлялась к столовой с заднего входа, где только что побывала прожорливая Зорька: дверь настежь, вкусные запахи щекочут нос!

Генерал в окружении офицеров подошёл к столовой:

– Начнём проверку вашей части с туалета. Ещё в свою бытность генерал Деникин говорил: «Если хочешь узнать, в каком состоянии проверяемая воинская часть, загляни в туалет. Там бардак – значит, везде то же самое». Это что за дверь? Куда она ведёт?

– Это дверь в столовую!

– Прекрасно, начнём с неё. Узнаем, чем кормят ваших солдат.

Вошли... и замолчали! Всюду жуткий беспорядок! Бак с борщом опрокинут, малиновые лужицы с капустой и свёклой. Гуляш с лепёшками коровы на полу дополнял картину.

– Да... –
промолвил
озадаченно
генерал.

Все
притихли –
быть буре!

– Да, – опять сказал генерал. – Смотреть и проверять нечего! Если в столовой как в

туалете, то в казармы страшно и заходить! Мерзавцы! – закричал он возмущённо. – Распустили солдат! В конюшне, в коровнике лучше, чем у вас! Посрываю лично погоны! Какой срам! Какой позор!

Дети войны

Страсти по авиации

Лето 1941 года неумолимо катилось к закату. Отшумели июльские грозные дожди. На полях наливалась золотистая рожь, подпирала её быстро набирающая силу пшеница, главная кормилица крестьян. На лугах, по берегам речек и ручейков покрылись алым румянцем застенчивые рябины и калины. Неугомонные чермозяне, несмотря на отмену выходных дней по причине военного времени, добивали последние сенокосные участки. Как грибы после дождя вырастали на закамских лугах аккуратно смётанные стога, радующие глаз хозяина-трудяги. Но всё же эти повседневные земные заботы отошли на второй план. Все думы о войне: что там под Минском,

Киевом, Смоленском? Как дела у наших? Почему Красная Армия отступает?

У мальчишек другие заботы. Конец лета, последние денёчки перед школой. Всё надо успеть: поиграть на зелёной полянке, сходить в лес за грибами, их в это леторосло видимо-невидимо.

– А что вы хотите, – шептали женщины у колодцев, – грибы к войне!

С удочкой рыбу половить хочется, благо пруд под боком. Неплохо бы искупаться, но вот досада: вода в пруду зелёная! Подошёл к воде, помочил ноги и домой идёшь несолоно хлебавши. Позавчера из гнилого угла пруда (это значит, с западной стороны) налетел внезапно штормовой ветер. К вечеру его сменил ветер «северяк». Он раскачал пруд, и огромные волны накатывались на берега. А затем погнал за пруд зелёную массу водорослей и травы. Братья Демидовы, ходившие в лес за грибами, сказывали, что все берега в зелени. А после похолодало. Такая погода не располагала к водным процедурам.

Мальчишки с улицы Красноармейской играли увлечённо в лапту. Эта старинная игра

пришла из глубины веков и сохранилась только у ребят Подгоры.

Посреди поляны деревянный кол, к нему привязывается верёвка метра два. Вокруг кола куча старых лаптей. Галивший, по правилам игры, охраняет эти лапти. Это его клад, богатство и безопасность. Бегай вокруг кола и никого не подпускай! А ребята стремятся лапти утащить.

Финал этой азартной игры был достоин кисти великого художника Ильи Репина. Проигравший галивший убежал от восторженных и улюлюкающих мальчишек, а ему вдогонку летели утерянные им лапти. Синяки и ссадины неизбежны!

Галил Сергуня Можаяев по кличке Можай с Прудонабережной улицы. «Тараканы» (братья Таракановы и их друзья), ребячьи противники «красноармейцев», отвергли его и не приняли в свою компанию. Поэтому Сергуня подался к мальчишкам Красноармейской и был принят после тщательной проверки.

Только два худых лаптя сиротливо лежали у кола. А дальше великое избиение.

Играющих в поле было человек десять, и они предвкушали большое и шумное зрелище. Эту беспечную и шумную карусель прервал Женя Худяков с улицы Симбирской:

– Здорово, сухопутные крысы!

– Здравствуй, Жека! Чего это ты странно заговорил? Какие мы крысы?

– Я говорю вот почему. Надо, ребята, вам быть на пруду, искупаться, на золотом песочке позагорать. А вы вместо этого костями своими гремите, пыль придорожную глотаете!

– Сам купайся в зелёной лоханке! – ответил Володя Захаров. – Айда с нами. Сейчас Сергуню будем лупить лаптями!

– А «тараканы» уже купаются!

– Как, почему, когда? – загалдели мальчишки.

– Вода на пруду чистая, песок тоже. Я ходил на рынок – мать послала, заглянул на воду под чёрмозским садом. Горские ребята тоже не зевают: как саранча высыпали на берег. Вот так-то, робя!

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Где «тараканы» свои лапки в воде мочат?

– У Пузырихи на берегу под тополями.

При упоминании этого имени ребята непроизвольно притихли.

– Бесшабашные «тараканы», – сказал Генка Захаров. – Ничего не боятся.

– А может, их туда черти загнали?

Пузыриха – старая, сторбленная старуха, была известна всей Подгоре. Вся в чёрном, на голове всегда чёрный платок, закрывавший её худое сморщенное лицо. Притягивали и пугали чёрные глаза, из которых исходил непонятный и таинственный свет. Дом и огород её находились на самом берегу пруда. В плохую погоду, да ещё в одиночку, лучше туда не ходить! И дом, и огород, ограда, могучие тополя, стоящие над обрывом, вызывали тяжёлое и смутное настроение.

Старуху все за глаза называли колдуньей. При встрече вежливо раскланивались, держа обязательно руку в кармане фигой. Про неё говорили, что она водится с нечистой силой, черти ночуют в бане. Сам леший иногда заходит в гости по великим дням.

Несмотря на такую недобрую славу, жители не гнушались прийти к ней и попросить медицинской помощи. У Пузырихи

для больных всегда находились нужные травы, мази. Врачевала она хорошо и успешно. Одному мальчику, Коле Назарову из татарских барачков, бельмо на глазу вывела, старику Потапычу грыжу заговорила, а Третьячихе, с Красноармейской, чирьи все изгнала.

– Пошли на Рёлку, – предложил Николай Демидов. – Наши места свободны! Ты, Сергуня, все лапти собери, оприходуй и дуй за нами. Считай, что тебе сегодня крупно повезло.

– Робя, я чур первый воду «греть»! – загорелся Женя Худяков.

– И я! И меня в счёт возьмите! – загудели мальчишки.

– Тогда, как всегда, – сказал Коля Демидов. – Кто успел, тот и пострел! Доходим до старой берёзы – и от неё бегом. Посмотрим, кто кого! Кто первый в пруду – тот и «греет» воду.

Удача улыбнулась Коле Демидову. Он первый плюхнулся в воду и громко закричал: «Ох, хороша водичка!» Хороша-то хороша, да только малость холодна, и зубы начинают чечётку отбивать. Развели костёр, но и он не

согрел. Ребята потихоньку разбрелись, кто куда.

Володя и Гена Захаровы сидели на крыше отцовского дома. Лучи уходящего за горизонт солнца потихоньку согрели тела и души мальчишек после прохладной водяной купели. Братья горячо обсуждали, как соорудить планер. Материалы собраны, клей и гвозди на месте. Главное теперь – правильное конструкторское решение.

– Вовка, я все чертежи приготовил, аэродинамику расчисли... – и вдруг замолчал.

Вовка с недоумением повернулся к брату и тоже замолк.

Со стороны Забойки показался самолёт. Он летел так низко, что казалось, задевает верхушки деревьев. Звук самолёта усиливался и нарастал.

– Генка, наш самолёт или немец?

– Не знаю. Отец говорил на днях, что Молотов и Березники в зоне бомбёжки немецкой авиации.

Самолёт в лучах заходящего солнца был плохо узнаваем. Чей самолёт, ребята определить не смогли. Вскоре он резко развернулся и на той же высоте улетел в обратном направлении.

На следующий день главной темой ребят с улицы Красноармейской был неизвестный самолёт.

– Немец это, – авторитетно утверждал Генка Захаров. – Разведчик их прилетал, жди теперь бомбёжки.

– А что у нас бомбить? – возражал Вася Демидов.

– А завод и посёлок?

– Нужен немцам наш Чёрмоз. Есть объекты поважнее.

– А давайте, ребята, зенитную пушку построим! – предложил Генка Захаров. – Немец над нами, а мы по нему пальнём!

– Идёт! Здорово! – загорелись мальчишки.
– Айда делать!

Два дня они сооружали эту историческую пушку, защитницу родного посёлка. Нашли трубу подходящего размера, один конец сплющили, заплавили для крепости свинцом, сверху и снизу проделали пропил для поджигания пороха. Приволокли переднюю ось от конской телеги, хорошо почистили «зенитку», и гигантский поджиг грозно уставился дулом в небо.

– Ура! Получилось! – кричали восторженно изобретатели. – В дело её, барыню-пушку!

На третий день собрались на испытание чудо-пушки. Поднатужились, впряглись вместо лошади, рванули, и пушка поехала на картофельное поле.

– Эх, ухнем! Эх, ухнем! – подражая великому русскому басу Шаляпину, запел Генка Захаров. – Родимая сама пойдёт! Подёрнем, подёрнем да ухнем!

Все эти настойчивые передвижения мальчишек с Красноармейской не мог не заметить деловитый и наблюдательный уличный староста Пахомыч: «Ишь чего сорванцы придумали! В башках ума-то нету!

Пальнут – и головы себе враз оторвут! Вот уж я вам покажу пушку!»

– Начнём, пацаны, – предложил Вовка Захаров. – Кто первый?

– Шухер! – закричал кто-то из мальчишек. – Пахомыч к нам несётся на всех рысях!

Изобретатели с досадой увидели Пахомыча, который бежал к ним, прихрамывая на левую ногу. В руках у него увесистая палка. Ребята знали решительный и упрямый характер старика, и с огорчением, кляня бдительность старосты, пустились в бегство. Издали были видны гигантские усилия Пахомыча по превращению боевой единицы в обычный утиль. Пушка не только потеряла свойство поражать немца в небе, но и ни на что теперь не годилась. Старик подогнал лошадь, и она уволокла трубу с места испытаний.

– Пахомыч, Пахомыч! – простонал возмущённо Генка Захаров. – Такое изобретение загубил на корню.

Мальчишки опасались, что Пахомыч об их художествах родителям донесёт – тогда не миновать ругани и порки. Но почему-то он промолчал. Мальчишки облегчённо вздохнули:

«Пронесло! Спасибо тебе и на этом, Пахомыч!»

Наступило 1 сентября, и ребята отправились в школу. Долго они ещё вспоминали о неудавшейся попытке создать военное чудо техники. Страсти постепенно поутихли, но в конце декабря вновь разгорелись. Небывалое бывает: на лёд Чёрмозского пруда приземлился военный самолёт!

Гена Захаров на всю жизнь запомнил этот день. Проснулись они с братом Володей очень поздно. В доме прохладно, за ночь печи остыли. За окном трескучий мороз.

– Вовка! – толкнул спящего брата Генка. – Вставай, хватит дрыхнуть! Пошли на двор, дров принесём, на завтра наколем!

Когда братья наконец выбрались из дома, то удивились: всюду народ, взрослые и дети. О чём-то взволнованно говорят, жестикулируют. К ним подбежали братья Демидовы:

– Генка, Вовка, бросай дрова! Вы что, ничего не знаете? Больше спите! На пруду какой-то самолёт. Или его сбили, и он упал, а может, сам приземлился! Айда с нами!

Ребята теперь уже вчетвером кинулись бежать к пруду. Вдали они увидели огромный самолёт, который своими шасси зарылся в глубокий снег. На крыльях его чётко выделялись красные звёзды.

– Что с ним? Неужели сбили? – взволнованно заговорил Генка. – Эх, жаль, нашей зенитки нет! Вдарили бы по немцу, и ему каюк! А может, он сломался просто?

Впоследствии ребята узнали, что это военный бомбардировщик ИЛ-4.

– Наши, советские, – говорили в толпе.

Вдруг внизу самолёта открылся люк. Из него стали выпрыгивать лётчики. Их было больше десяти. Одеты они были в меховые куртки, на ногах мохнатые унты, у всех на поясе пистолеты в кобуре. У большинства планшеты с картами. Из группы лётчиков вышел военный и направился к чермозьянам:

– Здравствуйте, я капитан Ефремов, командир самолёта. Летим с фронта, от Ленинграда на Молотов. У вас здесь очень плохая погода – не заметили, как миновали Молотов. Решили садиться, а тут такая большая и замечательная ровная поляна. Сели,

а это водоём! Удивлён, как он выдержал такую тяжесть!

– Гена! – дёрнул брата Володя. – Пошли домой! Мама нас, наверное, по всем дворам ищет: ни дров, ни сыновей!

Дома они застали плачущую маму. В руках она держала солдатский треугольник и бумагу.

–

Мальчики
мои милые,
дядю Володю
убили. Вот
похоронка.

Братья
прижались к
маме, на
глазах

навернулись слёзы: как жаль, что нет в живых дяди Володи, такого сильного, умного... Так дважды им пришлось соприкоснуться с жестокой и страшной войной: там, на пруду, и здесь, в родных стенах!

Две недели самолёт стоял на пруду, и две недели мальчишки подгорские крутились возле

него. Они с восхищением разглядывали великое чудо техники. Лётчики днём осматривали самолёт и взлётную полосу, которую упорно и постоянно готовили рабочие Чёрмозского ЛПХ: расчищали её от снега, поливали и намораживали лёд.

И вот пришёл долгожданный день! Наступил миг прощания. Много чермозян пришло проводить советских лётчиков. Самолёт вырулил на взлётную полосу, набрал скорость, взлетел и взял курс на областной центр.

Через несколько дней пришла информация из Молотова, которая взволновала многих жителей Чёрмоза. Все узнали, что командир экипажа Ефремов Андрей Яковлевич был награждён звездой Героя Советского Союза за смелый рейд на самолёте вглубь Германии. Он один из первых лётчиков бомбил город Берлин! Неудачное приземление бомбардировщика ИЛ-4 на чёрмозский лёд не прошло бесследно для братьев Захаровых. Они загорелись идеей построить, пусть на примитивном техническом уровне, лётательный аппарат.

– Даёшь планер! – сказал Гена.

– Даёшь! – повторил Вовка.

Привлекли ребят, и работа закипела! Все что-то делали: клеили, колотили, подгоняли, подчищали. Кто поменьше, был на побегушках: то принеси, это убери! И вот наконец планер готов. Его затащили на крышу конюшни.

Ассистенты авиатора – брат Володя и Сергуня Можаяев. Их задача – помочь Генке отправиться покорять воздушный океан. Геннадий натянул на себя комбинезон, подпоясался солдатским ремнём с красной звездой, на голове будёновка, на ногах, к сожалению, валенки. Унты не нашли. Генка проверил «рычаги управления», закрепил себя ремнями и неожиданно запел:

Мы красная авиация,

Родины оплот!

Летим, летим на бреющем,

Летим всегда вперёд!

Под нами фрицы наглые –

Притихли пауки!

Сейчас мы бомбы сбросим

На ихние полки!

Внимание! Взлёт! Толкайте!

Планер оторвался от крыши и завис на мгновение. Затем он резко накренился и рухнул в сугроб. Авиатор скрылся в массе снега, а хвост планера наклонился и упал на землю. Мальчишки бросились откапывать смелого авиатора-планериста. К счастью, он был жив и здоров. Генка медленно открыл глаза, изучающим взглядом смотрел на ребят и молчал.

– Что же это было? – прошептал он, выплёвывая изо рта кусочки льда.

– Падение, Генка, – сказал Вовка.

– Фиаско конструктора! – засмеялся Васька Демидов. – И ошибка!

– Сам ты «фиаско», – твёрдо ответил Генка. – Просто я не смог попасть в воздушный поток, так называемый коридор. Если бы попал, унесло бы меня на картофельное поле, а может, до леса! Спасибо за помощь, за мной не заржавеет. Вот сделаю новый планер – прокачу всех желающих с ветерком! Ждите!

Упрямая корова

Опутинская пустынь представляла большую равнину, зажатую хвойными лесами с трёх сторон. На севере раскинулась болотистая местность, уходящая до реки Иньвы. День мальчиков-пастухов проходил по обычной схеме: солнце взошло над лесом – гони нетелей на зелёную траву, опустилось за могучий сосновый бор, пронзив его малиновыми стрелами, – пора домой. Нетелей пасти – одно удовольствие. Послушные, по сторонам не бегают, слушаются мальчиков и собак. А вот корова Машка была капризной, упрямой и неуправляемой. Чуть что зазевался, посмотрел по сторонам:

– А где наша капризуля?

А её и след простыл! Она уже подалась в ближайший ельник «грибы собирать», хотя их никогда не ела. Подойдёт к белому грибу, свинару, пнет

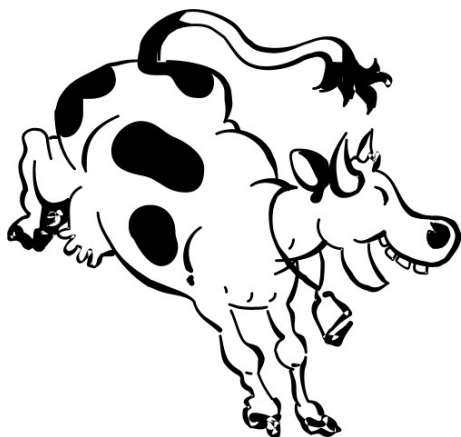
копытом – и вперёд! Её главная страсть – бежать куда глаза глядят. Одним словом – блуждать по лесам и болотам, зелёным полянам.

На второй неделе Машка незаметно шмыгнула в болото, которое уходило к Иньве-реке. И была такова!

– Витюха! – закричал Матвей. – Руки в ноги и за ней! Гони её к нам!

Догнал мальчик блудливую Машку, когда показалась река Иньва. Она узкой серебристой полосой разделила лес и болото на две половины. Ближний берег порос кустарником, который вольготно раскинулся повсюду. На противоположном берегу сосновый лес, взобравшись на крутой обрыв, дремал безмятежно под лучами солнца. Машка, с трудом вытягивая свои длинные мускулистые ноги, упорно уходила от мальчика. Витя с трудом, прыгая с кочки на кочку, догнал её и завернул обратно. Полчаса корова шла указанным маршрутом, мотая головой, косясь на мальчика обиженными

выпуклыми глазами. И... вдруг она кинулась вправо в кустарник и побежала.

– Стой, Машка! – заорал коровий пастух. – Стой!

Но она, мощно разрезая грудью кустарник, уходила снова к берегам Иньвы.

– Догоню, получишь от меня! – надрывался мальчик.

Бесполезно! Машка шла своим путём, как ледокол во льдах, мощно раскидывая болотные кусты по сторонам. И так это длилось несколько часов. И ... вдруг наступила ночь! Она чёрным покрывалом окутала лесные чащи и болота.

– Где мы? – подумал Витя. – Утром взойдёт солнце – определю, куда нам идти.

Он выбрал огромную разлапистую сосну, присел на её мощные корни, покрытые мхом, прижался спиной к стволу.

– Вот и постель приобрёл, – усмехнулся и умолк.

Его целительный крепкий сон прервала кукушка. Звуки её неслись из соснового бора. Витя посчитал до семи, и кукушка замолчала.

– А где Машка? – встрепенулся мальчик.

Она зашла за лесную рябину. Было слышно ритмичное чавканье. Бурёнка пережёвывала дневную траву.

– Завтра я по солнцу определю, куда гнать мне Машку, – подумал Витя, снова прижался к стволу сосны и уснул.

Заставила мальчика встать на ноги утренняя прохлада. Он вскочил и давай бегать вокруг сосны, разогреваясь и разгоняя кровь. Машка стояла на прежнем месте.

День зарождался туманным, холодным и облачным. Солнце спряталось за синими тучами.

– Подожду часок, – решил мальчик, – появится солнышко.

Через час пошёл мелкий, нудный дождик.

– Что делать? Без солнца мне не выйти на пустынь. Такая пасмурная погода, видимо, на целый день.

И вдруг он вспомнил слова деда Пахомыча, сказанные на завалинке:

– Если заблудился в лесу, встретил бродячую корову, хватайся за хвост, иди за ней – тебе повезло. Она обязательно выведет из леса домой! Вот так-то, мои милые друзья!

Мальчик согнал Машку с ночного места и уселся на пенёк.

– Буду ждать, когда она самостоятельно отправится в путь! Она мой спаситель и проводник.

И стал Витя кругами ходить за Машкой. Корова с удивлением таращила свои глазищи на мальчика и не понимала, почему он её не понукает. И так целый день в удивительной

связке шли они через болотные топи, дремучие заросли. Куда Машка – туда Витя. Корова не выбирала лёгких дорог, шла по лесу напролом через гибельные болотные ямы, непроходимые заросли кустарников. К вечеру показалась пустынь.

Виктор оглядел себя – весь в грязи, штаны и рубаха в лохмотьях! Вдали он увидел стадо телят. Машка приветливо замычала им. Слева он увидел бегущих к нему Родю и Варю. Они кричали: «Живой!» Вернее, это были слова Роди, Варя мычала и махала руками. Она обняла радостно Витю и громко произнесла:

– Папа му! Витя да!

Последним мальчика поздравили с выходом из леса дедушка Матвей.

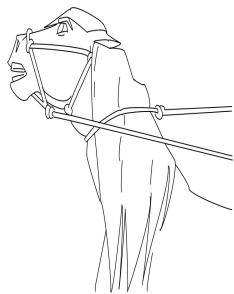
– Молодец! Ни лес, ни болота тебя не испугали! Спасибо за мужество и смелость! Ты настоящий герой! Был бы ты в гражданскую взрослым парнем, я обязательно пошёл бы с тобой в разведку.

После этих походов по лесу Машка по отношению к Вите удивительно изменилась: слушалась беспрекословно, ходила за ним, как привязанная, и в лес не кидалась.

– Ну и ну, – сказал Матвей Харитонович. – Здорово ты, Витёк, Машку надрессировал в лесу. Бегает за тобой, как собачка. Чудеса да и только!

Случай у парома, Чёрмоозский район

Обратно дорога показалась короткой. Ребята наперебой рассказывали о своих переживаниях на Белом озере. За разговором незаметно берёзовая роща сменилась ивняком, ягодники приближались к Каме. Где-то на реке монотонно работал кран, выбрасывая песок из русла, слышны были голоса мужиков и баб на пароме.

Но что это? Внизу, в самой ляге, на брёвнах, брошенных через речку, стояла подвода. Две женщины в окружении девочек кричали, махали руками, понукая лошадь. Ребята ускорили шаг. Они узнали двух учительниц из второй школы, Зинаиду Ивановну и Апполинару Андреевну. Учителя подбежали к мальчикам:

– Мальчишки, помогите нам, скоро уйдёт последний паром, а мы уже битых два часа бьёмся с этой упрямой кобылой, а она ни вперёд, ни назад.

В оглоблях телеги стояла знаменитая

школьная кобыла Машка. В школу она попала после выбраковки из колхоза, у неё был один глаз. Машка мотала головой и презрительно косила на учительниц единственным глазом.

Всем своим видом она показывала им: не за своё дело вы взялись, и я вам не подчиняюсь.

Вся телега была уставлена корзинами с ягодами. Женщины с девочками собирали голубику для раненых госпиталя несколько дней.

Ребята хорошо знали нрав упрямой Машки. Она слушалась только деда Пантелея, маленького, хитрого старика, большого любителя лошадей. У него было два верных средства заставить лошадь работать: конская плеть и мужицкий мат. Если все лошади были как лошади и понимали кнут, то Машка была равнодушна к первому средству, хоть оглоблей её бей, умрёт, но не двинется. Что касается второго средства, здесь Машка была оригинальна: она двигалась дальше после трёх любимых слов деда Пантелея, которые нельзя называть в нашем рассказе. Ребята знали эти слова, но как их произнести в присутствии девчонок и тем более учителей?

– Зинаида Ивановна, Апполинария Андреевна! – решился Георгий. – Я вам помогу! Но прошу отойти от телеги и заткнуть уши!

Георгий схватил кнут, вскочил на телегу, свистнул, ударил плетью застоявшуюся Машку и произнёс любимое изречение деда Пантелея. Машка тряхнула хвостом и покорно поплелась вперёд. К телеге подбежали учителя:

– Спасибо, Георгий! Ты уж, голубчик, поезжай с Машкой до берега. Её ещё надо завести на паром.

– Зинаида Ивановна и Апполинурия Андреевна! Простите мою вольность, не сердитесь на меня.

Зинаида Ивановна улыбнулась:

– Не беспокойся, Георгий, мы ничего не слышали.

Вот и Кама. У берега качался на волнах последний паром. Мальчик завёл Машку на паром, разделся и вместе с Толькой кинулся в Каму.

– Поплыли!

– Пльвём! – восторженно закричал Толька.

Было мелко, и мальчики быстро продвигались к руслу реки. Речной песок ласково обжигал прохладой ноги. Прошли сто

метров, началось русло, и ребята замахали руками.

Они вышли на берег раньше, чем паром. Мальчики уселись на мостиках и смотрели на красавицу Каму. Впереди на них надвигался паром с пассажирами и упрямой Машкой, справа река уходила к пристани Усть-Чёрмоз. Пристань закрывал песчаный остров, поросший кустарником. Слева, где-то у второго бакена, зашлёпали колеса парохода, призывно разрезал тишину пароходный гудок – это капитан приветствовал бакенщика.

– «Память Окулова» идёт сверху, – определил Толька.

– Идёт. Хорошо! – мечтательно произнес Георгий, пытаясь всем своим существом охватить необъятную красоту камских просторов.

– Хорошо! – повторил Толька.

Школа

1 сентября 1943 года Витя Зелин продолжил учёбу в Чёрмозской семилетней школе № 2. После уроков ребята с учителями

работали на колхозных полях.

Собирали хлебные колоски начальные классы у деревни Макарята и

Нечаево.

Учащиеся 5-6-х классов уходили в сторону села Усть-Косьва. Семиклассники, как самые старшие, помогали колхозникам в деревне Удебкино. Там работали с утра до вечера, там и жили.

Витя Зелин и его одноклассники с классным руководителем Мануйловой Е.Г. три недели убирали кормовой турнепс, копали картошку у деревни Бурган. Работали ребята охотно, с огоньком и весело. Нравилась всем печёная в ведре с песком картошка на костре. К вечеру колхозники

привозили гороховую кашу. Она, вкусная, аппетитная на свежем воздухе, подавляла голод и вызывала естественное желание к шуткам и радостному смеху.

А в самом Чёрмозе всюду и везде в разговорах, на уличных афишах, в районной газете и на слуху были два ярких события.

Первая новость: посёлок Чёрмоз по решению Советского правительства был объявлен городом!

– За что? – спросите вы.

– За героический и самоотверженный труд рабочих и инженеров Чёрмозского металлургического завода, за огромную помощь Красной Армии.

Для фронта чермозяне производили броневой лист, стабилизаторы для мин и фронтные чугунные печурки.

Не заметить, как работает завод, было невозможно! От школы заводские цеха шумели, пытели, гудели всего в двух кварталах! Мощные заводские трубы громкими гудками звали рабочих на работу.

Утром в семь часов – предупредительный, в восемь часов – начало смены. В одиннадцать вечера – предупредительный, в двенадцать часов – начало ночной смены. Работали рабочие по 12 часов.

А о втором удивительном событии, которое вызвало восторг и радость у седовласых дедов и вездесущих бабушек, работающих горожан, школьников, – это телеграмма, благодарность от самого Иосифа Виссарионовича Сталина!

Тётя Мария однажды принесла с работы копию этой исторической телеграммы и повесила на стенке рядом с иконой святой Богородицы. Вот текст:

Телеграмма

Прошу передать рабочим, работающим, ИТР и служащим Чёрмозского металлургического завода, собравшим 210000 рублей на строительство боевых самолётов, мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин.

История с пленными немцами

Первым, кто принёс в школу удивительную новость, был Валя Сивков.

– Робя, замри и слухай! У нас в Чёрмозе появились пленные немцы.

Взяли их под Сталинградом!

– Где? Где? – зашумели ребята.

– Свистишь в кулак, Валя! А кулак-то пустой! – засмеялся Гриша Васёв.

– А вот и не пустой! На плотине они робят, на лесопилке! Дрова пилят для мартеновских печей.

– Побежали смотреть! – предложил Родя Ушаков.

– А кто на уроках сидеть будет? – возразил Гриша Васёв.

– Давайте после занятий.

И на этом порешили. Отправились в гости к фрицам Родя, Гриша, Валя Сивков, Вася Зубакин, Витя Зелин.

На берегу пруда стояла лесопилка, на которой сортировали и пилили лес. Летом два парохода-буксира с лесопункта Напарья доставляли плотами древесину. Зимой по железной дороге-узкоколейке вагоны с лесом привозили по суше.

Группа немцев в количестве сорока человек работала на разделке дров. Охраняли их трое солдат с офицером.

К ребятам подошёл офицер.

– Вы что тут потеряли, мальчишки? – спросил он.

– Фрицев пленных хотим поглядеть.

– Посмотрели?

– Да!

– Тогда прошу немедленно удалиться!

Уходя от лесопилки, Вася Зубакин грязно выругался и крикнул что есть силы на прощание:

– Фрицы поганые! Фашисты за – ые!

Но никто из работающих немцев не повернулся на крик.

– Почему фрицы промолчали? – возмутился Вася. – Я бы плюнул зелённую слюну им в хари! Вояки хреновые!

И неожиданно запел:

Сидит Гитлер на заборе,

Плетёт лапти языком,

Чтобы вшивая команда

Не ходила босиком!

А Родя Ушаков ему ответил:

– Они в русском языке не бельмеса не понимают! Фрица надо крыть матом на его языке!

– А где найти такие слова, чтобы они к нам повернулись?

– Где, где, в Караганде! В словарях поройся!

Через неделю ребят неожиданно собрали на школьную линейку. Перед ребятами, опустив голову, стоял Вася Зубакин. Рядом с ним сержант Мишулин. Он взял слово:

– Ребята, ваш товарищ по учёбе Вася Зубакин совершил хулиганский поступок. Это было вчера в пять часов дня. Ваш товарищ незаметно пробрался к работающим пленным немцам и начал их по-немецки ругать! Но это не всё! Затем он перешёл на русский язык и отmaterил их, как мог. И последнее. Убегая, ваш товарищ бросал камни в них до тех пор, пока солдаты его не поймали и не скрутили ему руки. Это чистейшее хулиганство высокой пробы!

Учитель немецкого языка Мялицына Зинаида Ивановна подошла к Ване и строго спросила:

– Как ты по-немецки ругался? Говори! И там матерщинные слова были?

Вася, сглотнув слюну, прошептал:

– Нет! Я их взял из немецко – русского словаря.

– Повтори! – потребовала Зинаида Ивановна.

– Гитлер капут – Гитлеру смерть!
Доннер ветер – чёрт вас возьми! Дойче швайн
– немецкие свиньи!

Сказал и, склонив голову, замолчал.

Слово взяла директор школы Власовских А.А.

– Объявляю выговор Васе Зубакину за хулиганское поведение на плотине. Запрещаю всем школьникам заходить на производственную площадку, где работают пленные немцы. Ты понял меня, Вася?

– Да. Я больше не буду.

– И мы тебя поняли!

А в классе, когда линейка разбежалась, Родя Ушаков спросил Васю Зубакина:

– Повернулись к тебе фрицы поганые?

– Да! Повернулись! А один немец замахал руками и громко кричал по-немецки! Только я ничего не понял.

Вот такая история. Вскоре за Васей закрепилась новая кличка «немец».

Студебеккеры

В Чёрмоз на завод пришли американские грузовые машины. Их предназначение — увозить военное

Figure 5—162-inch W.B. Cargo Truck with Soft Top Cab US—Right Front (Less Winch)

оборудование в посёлок Левшино (окраина города Молотова). Как только установится лёд на реке Каме, две бригады рабочих чёрмозского завода весь ноябрь намораживают дорогу по льду Камы от

Чёрмоза до посёлка Висим, что на добрянской стороне. Зимой, до речной навигации на Каме, это был единственный путь, который связывал Чёрмоз с областным городом.

События произошли поздней осенью 1943 года. Машины завезли баржами перед ледоставом. Вездесущие мальчишки двинулись к заводу поглядеть на американское чудо. Гаража у машин пока не было. Они стояли на открытом воздухе напротив Чёрмозского сада. Ни охраны, ни шоферов поздним вечером не было. Студебеккеры были большие, с высокими

бортами, намного мощнее наших ЗИЛов. В восторг привели мальчишек яркие красивые катафоты на американских машинах.

Голыми руками не возьмёшь! Ни выкрутить, ни оторвать их юные следопыты не смогли. Когда расходились по домам в декабрьской

темноте, в голове каждого гвоздем застрял один вопрос:

– А как можно, не сломав катафоты, приобрести на память эти яркие американские стекляшки?

Следующим вечером, когда сумерки укрыли дома, ребята пробрались к парку машин, достали перочинные, кухонные ножи, отвёртки, и началась «охота».

Утром автомеханик Гачегов, осматривая студебеккеры, застыл на месте:

– А где катафоты? Кто их осмелился снять?

На снегу валялись осколки сломанного катафота.

– Понял! – осенило автомеханика. – Здесь «поработали» дети – школьники!

И он быстро зашагал к семилетней школе.

Через час всех учащихся срочно собрали на линейку. Слово взял капитан милиции Пивоваров:

– Машины из Америки прибыли к нам для очень важной работы. А без катафотов работать они будут очень плохо. Я вас прошу, если кто и снял их и присвоил себе, не подумав, верните их и принесите в отдел милиции. Таких мальчиков мы наказывать не будем. А кто притаится и не выполнит нашу просьбу, тех строго накажем. И не только их, автохулиганов, но и родителей! И ещё просьба. Если кто знает, кто это злодеяние совершил, сообщите к нам в отдел милиции или учителям и классному руководителю. Мы вам будем очень благодарны. Значит, вы настоящие патриоты, а не мародёры.

Слово взяла директор школы Власовских А.А.:

– Ребята! Машины стоят! Они не могут выйти в рейс. Вы хотите, чтобы из-за ваших «хотелок» мы войну проиграли?

Линейка зашумела, заговорила!

– Слушайте мой приказ! Уроки закончены, все расходятся по домам. Катафоты немедленно вернуть! Председатели

пионерских отрядов, проведите убедительный разговор с подозреваемыми!

К вечеру катафоты были возвращены. Самые трусливые похитители оставили свои трофеи на крыльце Чёрмозской милиции.

На следующий день школа гудела, возмущалась «автоворами»! Их пропесочили от носа до хвоста и повесили на грудь позорные строгие выговора. Знай наших! Родину надо любить!

Лихие кавалеристы

Главная улица города Чёрмоза Сталинская (ныне Ломоносова). Она начинается от завода, поднимается в гору вдоль сада, продолжается более двух кварталов на север и заканчивается стадионом. А дальше в те далёкие годы справа были два кладбища: русское и татарское, а слева картофельные участки и огромный аэродром.

В зимнее время Сталинская улица была сильно укатана машинами и конскими подводами. Мальчишки любили кататься по ней на коньках. А коньки у них были деревянные! Заботливые дедушки и отцы мастерски делали коньки своим чадам. Крепились чудо-коньки верёвками к валенкам. Снегурочки, довоенные фабричные коньки, были у пары мальчишек. Гонки по улице Сталинской проходили после уроков. Самые смелые и отчаянные придумали ещё гоняться за проходящими грузовыми машинами, идущими на завод и обратно. В руках у ребят были длинные железные крюки. Они догоняли машину сзади, зацеплялись крюком за задний борт и с гордостью следовали за машиной.

Однажды машину остановил милиционер, и лихач-мальчик по инерции «уехал» под машину!

Этим лихачом оказался мальчик из семилетней школы Коля Башков. И снова линейка, и снова «промывка» мозгов у наших «автоджигитов». Колю после этой исторической линейки прозвали «джигитом».

Уроки военного дела

Зимой 1944 года в школе стали преподавать военное дело. Преподаватель – молодой офицер, раненный и временно комиссованный. Фамилия его Павленин.

Мальчишки с восторгом восприняли известие, что будут уроки по военной подготовке. Моментально изготовили деревянные винтовки и с воодушевлением маршировали по заснеженной лужайке у школы, распевая громко песню:

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога,
Нерушимой стеной, обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!

Его уроки длились недолго, учитель отбыл на войну. Очень переживали его отъезд наши девочки, поголовно влюблённые в молодого офицера по уши. На уроках они буквально замирали и таяли, когда Павленин входил в класс, высокий, стройный, подтянутый, уверенной походкой.

Уроки кино

О событиях на фронтах мальчишки узнавали из передач по радио. Короткой строкой нам сообщали о победах и неудачах советских войск. На Сталинской улице пользовался огромным успехом кинотеатр «Прогресс». В нём постоянно шли замечательные фильмы «Жди меня», «Русские люди», «Они защищали Родину», «Два бойца», «Разгром немцев под Москвой». Перед началом фильма шёл показ «Новости дня» и короткометражные фильмы о войне.

Нравился всем фильм о поваре Рыбкине и разведчике Шишкине. Они попадали часто в трудные ситуации, но русская смекалка и находчивость помогали победить фашистов. После показа фильма ребята не спешили домой. Сбившись в мобильные группы, они вокруг кинотеатра, в переулке у Советской улицы разыгрывали отдельные эпизоды фильма. Патриотами мальчишки были замечательными!

На всех улицах города Чёрмоза дети играли в войну. Советские наступают, а фрицы позорно драпают нах хаузе (домой)! Все хотели быть советскими, а фашистами никто! Назначали штрафников! В ребячьей среде всегда есть мальчики, которые вредные, инертные, брехуны, задаваки. Вот их заставляли в играх, «битвах» изображать поганых фрицев. А тем, которые не подчинялись и убегали прочь, присваивали позорные клички!

На Советской улице трёх мальчиков прозвали Гитлером, Герингом, Кохом. Они сначала сильно обижались, а потом привыкли и даже отзывались на новые уличные клички!

Война закончилась, и клички немецкие исчезли.

Девушка с коровой

Белоруссия, август 1941 года

Олеся третьи сутки бредёт по лесу. В руках у неё верёвка, а за верёвкой бурёнка Зорька – вот всё, что осталось от прежней жизни в родной деревне. Хату сожгли каратели, маму схватили полицейские, когда она копала картошку. Злобно выговаривали ей: «С партизанами связалась, их кормишь и привечаешь! Собирайся, поедешь под конвоем в райцентр!» Олеся в то время была в лесу, уходила за Зорькой. Пришла домой, а дома нет! Одни головёшки дымятся! А через два дня её позвал дядя Семён, сосед по огороду:

– Крепись, дочка, весть плохая: маму твою немецкие солдаты расстреляли. Она не одна, много людей мирных уложили в ров, сволочи, и закопали. Брательника у меня, гады, убили! Хотел пройти туда – невозможно! Это расстрельное место строго охраняется, огорожено, а по изгороди колючая проволока полтора метра. Вот такие наши скорбные дела...

Покружилась Олеся с бурёнкой несколько суток вокруг бывшего дома, отплакала все горячие слёзы и решила: иду к партизанам, вступлю в отряд и буду мстить беспощадно проклятым фрицам!

Первый день её походов завершился нелепым происшествием: расскажи любому встречному – ни за что не поверит! Под вечер, когда ночные сумерки окутали леса и болота, вышла она на большую луговину. Трава скошена, а в конце её стоял огромный стог сена. Олеся привязала Зорьку к изгороди из берёзовых жердей, сама зарылась в душистое, пахнущее летом сено и тотчас уснула. Приснилась ей родная деревня, милая мама. Она с окучником на огороде. Ей тепло, хорошо, радостно на душе и мама такая близкая и родная! И вдруг к ним на огород забежал неизвестный мужик, схватил маму и потащил на улицу. Олеся с криком метнулась на помощь. Мужик презрительно ухмыльнулся, откинул рыдающую мать и крепко вцепился своими ручищами в голову Олеси. Сильная боль пронзила всё её тело, она ощутила, как рвутся и трещат волосы на голове. Девушка

закричала и проснулась. Чувствует: она лежит в стогу сена, внутри и снаружи мёртвая тишина, где-то рядом Зорька дремлет, но кто-то третий упорно тянет её за косы из стога. Олеся вырвалась наружу и ахнула: Зорька беспощадно терзала её косы, захватив их с огромным пучком сена. Девушка с криком ударила корову по морде. Зорька равнодушно выплюнула волосы вместе с сеном и с удивлением уставила на неё огромные выпуклые выразительные глаза, как бы говоря: «Что с тобой, Олеся! Почему ты мне мешаешь есть сено? Сена тебе мало? Посмотри – за тобой целый стог!»

Посидела Олеся, порассуждала и засмеялась: «Зорька тут не при чём и не виновата. Она ест сено, это её главное занятие. А ты, бестолковая дивчина, высунула во сне свою башку и косы – вот и получай, что заслужила. Не будет никогда Зорька разбираться, где сено, а где волосы – она хватает и жуёт всё подряд!» Олеся подошла к обиженной Зорьке, обняла её и прошептала:

– Дурёха ты моя! Чуть меня не съела! Больше не смей! – и засмеялась.

Это ночное происшествие так развеселило девушку, что она всю первую половину дня была в отличном настроении и даже подшучивала над Зорькой. Но уже к вечеру всё перевернулось: вместо радости – глубокая тоска и злоба. Произошло с ней такое, что и в страшной сказке не придумаешь.

Неожиданно вышла Олеся к небольшой, но очень глубокой лесной речке. Отдохнула на берегу, воды попила, и корова напилась. А потом присела на болотную моховую кочку, спиной привалилась к стволу сосны и задремала. Разбудил её дикий нечеловеческий крик, который доносился со стороны реки из-за кустов. Она бросилась вперёд и увидела какого-то мужчину. Он махал руками, глаза закрыты, и уходил ко дну. Олеся подскочила к нему, ухватила за волосы и потянула на берег. Спасённый приоткрыл опухшие глаза, увидел девушку и благодарно прошептал:

– Данке шён, фройлен! Спасибо!

Какая-то жуткая тёмная сила сжала тискаами горло Олеси, в голове мечутся мысли: «Немец, враг! Он убил маму, а я его, дура,

спасла, пусть он и дальше убивает людей! Какая я тварь и ничтожество!»

Немец отвернулся от Олеси и принялся отжимать потемневшую от воды гимнастёрку. Девушка, охваченная страшным, необузданным чувством, схватила крупный камень с земли и с ненавистью ударила немца по голове. Раздался сдавленный крик, и немец опять свалился в реку. «Ты маму мою убил», – прошептала Олеся, вскочила резко на ноги и кинулась бежать от этого страшного места, от неизвестной реки и тонущего врага.

Сколько и куда бежала она – ничего не помнит. Неожиданно споткнулась о сухое поваленное дерево, грохнулась на землю, укололась о сучья лицом и потеряла сознание. Очнулась Олеся, когда наступила ночь. Лес угрюмо молчал, птицы не пели, только Зорька, стоявшая недалеко в кустах калины, методично пережёвывала съеденную днём траву. «Почему я здесь? Что случилось со мной? Где я?» И вновь перед ней пронеслась сцена с немцем – его спасение и гибель. Её стошнило, рвало так, что она задыхалась от нехватки воздуха. Потом долго стояла на коленях, рыдала и плакала:

«Какой ужас! Я убила человека, я зверь кровожадный, я... я даже помогла ему утонуть!» Но тут другой голос, очень далёкий, из глубины души ей возразил: «Ты убила не человека, а врага. Он убил твою маму и русских людей. Если будет жить, убьёт и тебя, и ещё многих...» Ей опять стало плохо, и Олеся мучительно погрузилась в забытьё.

Разбудили девушку сороки, которые что-то между собой не поделили. Она повернулась на спину и огляделась. Молочный туман медленно поднимался к верхушкам сосен. Солнце, скрытое туманом, маячило светлым пятном, настойчиво пробивалось к земле, лесу, людям. «Хватит ныть, нюни распускать! – сказала она себе. – Что было, то прошло! Забирай Зорьку и в путь, искать партизан!»

Олеся шла заросшей просекой по пояс в густой траве. Зорька покорно плелась за своей хозяйкой. Справа обозначилась конная просёлочная дорога. Девушка вышла на неё и увидела мужчину лет пятидесяти, за спиной у него рюкзак, в руках посох.

– Здравствуй, девушка! Гляжу, ты не одна.

– Здравствуйте, дедушка! Это Зорька, идём-бредём по лесу, где конец дороги, не знаю.

– И у меня такая же история. Пойдём вместе?

Олеся кивнула головой, и они двинулись дальше. По дороге девушка рассказала о своём горе и мечте найти партизан. Мужчина, его звали Егор Петрович, учитель по профессии и призванию, идёт тоже к партизанам.

– Не горюй, вечером будем пить чай с лесными воинами!

История его последних дней тоже удивительная. Работал учителем начальных классов, жил один, жена умерла, дочь замужем в Сибири. Из школы Егора Петровича выгнали полицейские. Буйные и всегда пьяные, они поселились в двух классах, а вторую половину здания школы превратили в склад трофеев. Ограбят население, всё складировуют, а затем увозят в Германию в качестве подарков для жён немецких солдат и офицеров.

Усталое солнце опускалось за горизонт, лесная прохлада вызывала лёгкую дрожь. Они шли сосновым бором, нога ступала легко и

тихо в зыбучий изумрудный мох. Появились гибельные болотные окна. Вдруг им дорогу преградили два вооружённых человека:

– Стой! Кто такие?

– Мы беженцы, идём к партизанам!

– А примут ли они вас? Один старик, другая недавно из пелёнок выбралась.

– Да, я уже не молод, мне пятьдесят лет, но за моей спиной четыре года первой мировой, три года гражданской. А вы, дорогие хлопчики, в это время в люльке соску сосали. Я кадровый артиллерист и разведчик. Нужны вам такие люди?

– А у меня жених в партизанах, – смело вступила в разговор Олеся. – Вот пожалуюсь на вас ему – не поздоровится! Жених у меня классный – старший лейтенант Красной Армии. Вам, хлопчики, до него, как фрицу до Москвы!

– Ну и остра ты, дивчина, на язычок, кто его тебе так наточил?

– Жизнь такая, хлопчики, всему научит!

– Как звать твоего жениха-красавца?

– Фёдор Некрасов – вот кто мой жених!

– Фёдор Некрасов! – удивлённо и враз повторили мужчины. – Вот это новость!

– Что будем делать, Грицько, – продолжил первый. – Один артиллерист, другая невеста и корова в придачу?

– А давай рискнём, – ответил второй, – уведём в лагерь. Народ попался занимательный и очень подходящий для партизанской жизни.

Так Олеся Глушко оказалась в партизанском отряде. И что удивительно, она угадала: Фёдор Некрасов находился именно в этом отряде. Целый месяц партизаны подшучивали над Фёдором:

– Силён ты, Некрасов! В Белоруссии не жил, а все дивчины твои. Пришёл, увидел и победил! Раскрой секрет, как очаровывать красивых девушек!

Олеся стала в отряде санитаркой. Бурёнка Зорька принялась кормить парным молоком больных и раненных бойцов.

201-й, 1944 год

И Андрея привезли в Освенцим. И что удивило всех доставленных сюда, кормили их по всем тюремным меркам хорошо, выдали неплохую одежду. Но по работе поблажек не случилось – трудились от рассвета до заката. Андрей заметил, что заключённых офицеров группами выводили вечером из барака и доставляли в двухэтажное здание на окраине лагеря. Некоторые из заключённых в барак не возвращались, а остальные на вопросы не отвечали, отмахивались, говоря:

– Мразь там одна и разговоры пустые!

12 декабря 1944 года Коняева с двумя товарищами повели в это секретное здание. В комнате на втором этаже его принял подполковник в фашистской форме. Он заговорил с Андреем на безукоризненно чистом русском языке:

– По документам вы Коняев Андрей Алексеевич, старший лейтенант, воздушно-десантные войска.

– Какая проницательность и осведомлённость, – съязвил Коняев. – Кто это вам на ушко нашептал про меня?

– Да, я имею точные данные про многих советских офицеров. Хочу спросить вас, Андрей Алексеевич, согласны вы сотрудничать, а позднее вступить в РОА? (Русская освободительная армия под руководством генерала Власова) Наша цель: навсегда освободить Россию от советской чумы. Наш лозунг: «Россия без коммунистов!» Обдумайте моё предложение. Через неделю я приеду за окончательным ответом. Многие ваши товарищи дали согласие.

– Зачем откладывать на потом. Я говорю «нет» на ваше гнусное предложение. Ваш генерал Власов и вы изменники и предатели Родины. Иудам нет места в моей России!

Подполковник соскочил со стула:

– Так значит я предатель?

– Да! И ещё много раз да!

– А представьте, вы воссоединитесь с советскими властями. Они вас по головке не погладят. Узнают, что были в плену, в Сибирь отправят, там вы и сгниёте!

– Что бы со мной не случилось, я Родине не изменил! А вы иуда и сволочь продажная!

– Сопляк! – заорал власовец. – Так оскорбить меня, мою должность, РОА и генерала Власова! Вы за это поплатитесь своей жизнью!

В тот же вечер Коняев был зверски избит и опять был пущен по тому же кругу: тюрьма, карцер, лазарет. Через месяц он вернулся из больницы. Всех отказников загнали в полусгнивший барак, кормили плохо. Надзиратели из числа власовцев постоянно твердили им:

– У вас один день. Передумаете – мы вам поможем. А кто не согласится вступить в РОА – прямым ходом в газовые печи!

Через день Андрея и непокорных узников повели в крематорий. Высоко в небо взметнулись трубы лагеря. Гарь, сладковатый дым щиплет ноздри, забивает горло. Огромная толпа обречённо стоит с утра у входа в смертельный дом. Людей пересчитывают, строят в колонны и по команде заталкивают в предбанник. Капитан Шульц получил ранним

утром приказ сжигать в первую очередь евреев. Русские пусть подождут!

В ворота ада и смерти запускали партии людей по двести человек. Вокруг сновали надзиратели. Они забирали у очередных жертв золотые, серебряные цепочки, часы, кольца. К Андрею Коняеву подбежал надзиратель славянской внешности. Он ухватился за цепочку, на которой висел талисман, и вытянул его на ладонь.

– Цо я бачу! Георгий Победоносец, наш великий святой! Значитца, ты не еврей, а русский. Убирайся вон назад! Нам велено сегодня оприходовать только иудеев.

И Андрея увели к концу колонны. Он отключился от этой сумасшедшей суеты, стал вспоминать свои детские годы. Как он впервые взял ружьё, как учился стрелять, читать звериные следы. Вспомнил, как однажды с отцом возвращался лесной дорогой домой. Был замечательный вечер. Солнце светило ярко, на небе ни единого облачка. Лёгкий ветерок волнами пробегал по верхушкам осинової рощи. Андрей уже мысленно был дома. Он спешит к ребятам на зелёное поле у школы.

Так хочется постучать по футбольному мячу! Вдруг отец резко остановился и дёрнул его к себе: «Тихо! Кто-то по осиннику нас провожает». Прошли метров двести, и опять треск сучьев и осторожное сопение. «Медведь!» – прошептал отец и сдёрнул ружьё с плеча...

– Что стоишь истуканом! – услышал Андрей голос сзади. – Шевели копытами! – надзиратель грубо толкнул его в спину. Андрей, споткнувшись о порог, ввалился внутрь крематория.

– Куда прёшь! – осадил Коняева другой надзиратель. – Вали назад! Комм, комм, ты 201-й.

Андрея вытолкали назад и отвели в барак. Только там он понял, что с ним произошло. Немецкий строгий порядок и дисциплина спасли Андрея от неминуемой смерти. Надзиратели неукоснительно выполняли строгий приказ: сжигать только двести человек – ни меньше, ни больше!

Следующая неделя в Освенциме была спокойной. В газовом крематории начался ремонт. И это во второй раз спасло Андрея!

Видно, не время ещё ему умирать. А может, дедов талисман проявил магическую силу?

Вскоре по лагерю поползли слухи: идёт целый эшелон евреев и цыган из Венгрии, Румынии. Для них нет места в лагере. Спешно была сколочена команда только из советских офицеров, их увезли в концлагерь Маутхаузен. И в этой команде оказался Коняев Андрей.

Сидел Андрей и думал под стук колёс в вагоне: «Чудеса да и только! Какая таинственная добрая сила спасает меня от смерти, и в который раз!» По дороге в Маутхаузен Андрей познакомился с капитаном Борисом Авериным. Он так же, как и Андрей, попал в плен к немцам во время Днепровской наступательной операции. Танкист, кавалер многих орденов, он со своим звеном танков прорвался в тыл врага. Немцы бросили большие силы техники, чтобы уничтожить упрямых русских. На овсяном поле его танк окружило пять немецких. Били фрицы в упор, Бориса тяжело ранило, и он попал в плен.

– Давай в новом лагере держаться вместе, помогать друг другу, – предложил Андрей.

– Согласен, вот тебе моя рука! Дружба!

Подвиг генерала Карбышева

Лагерь для военнопленных Маутхаузен заключённые прозвали лагерем смерти. Он находился на высоком каменистом холме. Каждый день в лагере «оприходовали» сотни людей, прибывающих на жуткую смерть. Все политические враги фашистского рейха, простые люди, попавшие сюда, уничтожались немедленно. Вся команда лагеря была обучена одному: убивать и убивать! Комендант штандартенфюрер СС Франц Цирайс подчинялся напрямую самому Гиммлеру.

Гитлер часто интересовался делами лагеря и отдавал личные приказы о массовых казнях.

Поезд вдруг остановился на небольшой станции. По вагонам забегали эсэсовцы, выгоняли палками, дубинками заключённых. Кто не

смог выйти из вагонов – пулю в голову!

На перроне всех построили, пересчитали и по команде заставили бежать по направлению к лагерю. Через каждые десять метров патрули с автоматами и собаками добивали упавших людей. У Андрея схватило дыхание, он шатался, но упрямо двигался в гору. Аверин бежал с ним рядом, пот лился по его лицу струйками, ноги подкашивались на песчаной дороге. Заснеженная дорога круто уходила в горы. Многие, сбросив обувь и одежду, шли, падали и снова шли. А вот наконец началась колючая проволока – предвестник лагеря, шлагбаум со сторожевыми вышками. Впереди огромные ворота, окованные железом. Над воротами громадный человеческий череп из бронзы. Под ним на крыльях бронзового хищного орла фашистская свастика. А ещё ниже: «Концентрационный лагерь Маутхаузен. Добро пожаловать к нам!»

Все заключённые, которые своим ходом добрались до лагерных ворот, должны умереть в течение суток. И вместе с ними непокорный, неуступчивый советский генерал Карбышев Дмитрий Михайлович. На все предложения

фашистов сотрудничать он прямо отвечал: «Я честью советского офицера не торгую!»

Был уже конец войны. Официально казнить палачи Маутхаузена Карбышева побоялись: «После войны подымут лагерные документы и начнутся преследования, за это злодеяние нас упекут в тюрьму! А так под общий шумок и генерала прикончим! Гиммлер на телефоне – когда закроете дело Карбышева?»

Всех заключённых выстроили на апельс-плаце. Прозвучала команда:

– Больные три шага вперёд!

Из рядов узников вышли три десятка несчастных. Эсэсовцы хладнокровно убили их, а тела оттащили в сторону. Прозвучала новая команда:

– Раздеться всем догола!

Двенадцатиградусный мороз пробирал до костей, обжигал кожу. Колючий снег с ветром падал на несчастных узников. Через узкие двери барака фашисты вывели старика в генеральской форме, заставили его раздеться, привязали к столбу.

– Сам Карбышев с нами, – зашептали заключённые. Многие были наслышаны о неуступчивости прославленного генерала. В одиннадцать часов ночи прозвучала третья команда:

– Всем немедленно в баню!

Там заключённые попали под мощный душ с холодной водой. А затем холодную купель заменила горячая. Фашисты закрыли все стоки, и вода, окутанная влажным паром, стала быстро заполнять ваннные комнаты. Люди падали, захлёбывались, умирали. Наконец двери открылись, и люди ринулись на плац. Снова жуткий мороз, снова резкий, пронзительный ветер с Альпийских гор. Прозвучала сирена – отбой. Пьяные фашисты с резиновыми шлангами вывалились с криками к военнопленному. Из брандспойтов ударили ледяные струи воды. Люди кричали, стонали и умирали. Вместе с ними медленно покрывался льдом и генерал Карбышев.

– Бодрей, товарищи! – крикнул он. – Думайте о своей Родине! Мужество не покинет нас!

Его слова, прозвучавшие на плацу, передавались из уст в уста.

– Держимся, Борис! – выплёвывая лёд изо рта, крикнул Андрей Коняев.

– Держимся, браток! Пожалуй, мне будет скоро конец!

Ещё два раза в течение ночи тех, кто мог сопротивляться, загоняли под холодный и горячий душ, обратно на мороз.

Палачам на исходе ночи надоело возиться с этой «лагерной мразью». Они приказали своим жертвам плясать и бегать по плацу. Кто падал – того добивали дубинками, топорами. Умер, покрывшись коркой льда, генерал Карбышев Дмитрий Михайлович. Фашисты не услышали ни одного слова о пощаде. Он умер как герой. Как герои умирали и остальные, сумевшие дожить почти до утра, военнопленные. Упал слева от Андрея полковник Назаров. Пьяный эсэсовец топором разрубил ему голову. Впереди барахтался в снегу Борис Аверин. Над ним наклонился пьяный палач. Удар дубинкой, и Борис распластался на плацу. Андрей незаметно пробрался к Борису:

– Ты жив, можешь встать? – спросил он товарища.

– Нет! Встать я уже на этом свете не смогу. Прощай... – изо рта у него вытекла яркая струйка крови. Он, задыхаясь, прошептал: – Ложись под меня, я тебя прикрою!

Андрей послушался его совета. Он забрался в середину убитых и умирающих и прикрылся телом товарища. Вскоре палачи угомонились. Затянули радостную маршевую песню и ушли спать. До утра Андрей лежал на плацу. На рассвете он сумел присоединиться к группе узников, шедших на работу в каменоломню. Так он остался живым!

25 апреля американские войска освободили пленных лагеря Маутхаузен. На второй день после освобождения из фашистской неволи прибыли представители советского командования. Беглый ознакомительный допрос, искренние поздравления с освобождением из позорного плена. А вечером подошли фургоны и всех советских военнопленных увезли в фильтрационный лагерь.

Три дня они были предоставлены себе: спали, сколько могли, лежали, ходили по территории. Всюду бушевала, играла яркими красками весна 1945-го года. Деревья оделись в прозрачные изумрудные наряды. Цвела обильно яблоня, осыпая землю ослепительными белоснежными цветами. Бывшие заключённые фашистских лагерей связывали с этой яркой, радостной весной большие и светлые надежды. Но последующие дни заставили их встревожиться. Приехали офицеры СМЕРШа, и начались тягучие допросы. Почти все после этих допросов задумались: тюрьма или свобода ждёт их?

День Победы Андрей Коняев встретил в фильтрационном лагере для перемещённых лиц в ста двадцати километрах от Берлина. Все сидели в столовой за столами. Вдруг в обеденный зал стремительно ворвался лейтенант Моторин Алексей:

– Граждане великой страны, люди советские! Объявляю замечательную новость: в руках у меня телеграмма-молния: «Рейхстаг пал! Берлин наш! В ночь на 9 мая маршал Жуков по поручению советского правительства

принял капитуляцию немецких войск». Всё, конец войне! Да здравствует великая победа! Ура!

Все вскочили со своих мест, обнимали друг друга, поздравляли с желанной победой. Не отставал от всех и Андрей Коняев. Сердце его ликовало: «Как славно, что мы победили! А сколько горя, крови, смертей принесла война! Теперь мирная жизнь, светлые надежды на будущее! Гордись, Андрей! Ты на этом празднике победы не чужой! Не один десяток врагов ты убил, но и твоя кровь не раз пролилась! В этой великой победе есть частица твоих усилий на фронте и в тылу. Ты не свободен, но ты должен доказать следователям, что бесстрашно воевал, не прятался за спины других!»

Катя Некрасова

Весна 1943 года. 17 десантный батальон готовится к боям в селении Темрюк. Если выйти на берег Азовского моря и внимательно посмотреть на запад в сторону Украины, то

сможешь увидеть берег Крымского полуострова и город Керчь. В нём крепко засели фашисты. Советское командование решило во что бы то ни стало овладеть этим городом. Керчь станет опорным пунктом, от которого начнётся освобождение всего полуострова.

Санинструктор Катя Некрасова потихоньку привыкала к воинской жизни. По первости морпехи отзывались о Кате пренебрежительно: «Малявочка, девочка на побегушках, росточком 155 см, войну не видела, пороха не нюхивала! Как она нашего брата раненого потащит в тыл? Уму непостижимо... В первом же бою ручки сложит, слезами изойдётся. И зачем таких крох на войну берут?»

Первые сражения показали – девочка с характером! Крови и смерти не боится! В боях под Новороссийском под пулями ходила, не кланялась, братишек раненных из пекла боя вытаскивала. Спасла девятнадцать раненных бойцов. А по приказу Главного Командования тем, кто 18 раненных спас, вынес из боя, полагается медаль «За отвагу». Не успела

братва к ней привыкнуть, притереться, на груди молодой девушки засверкала вторая медаль «За отвагу». В боях за Керчь проявился стойкий характер Катюши.

Штурмовая группа тёмной ночью высадилась на шлюпках на берег Крымского полуострова в районе Керчи. Образовался так называемый керченский плацдарм. Немцы обрушили на пяточок всю мощь артиллерии и авиации. Но советские войны не дрогнули, не отступили и стойко сражались. Много убитых и раненых. Но Катя Некрасова была на своём месте: бесстрашно вытаскивала раненых бойцов, лечила. И что удивительно – Катю заметили и немцы, и были поражены и удивлены бесстрашием юной девушки.

На пяточке морпехов не было питьевой воды. Она была в ста метрах на нейтральной полосе. И Катя, рискуя жизнью, пробиралась к водному источнику, набирала в ведро живительную влагу и доставляла к своим. Смелые рейды Кати заметили и немцы. Сразу прекращалась стрельба с немецкой стороны. Враги высоко оценили смелость и мужество

девушки. Когда Катя долго не появлялась на нейтральной стороне, немцы кричали в рупор:

– Эй, рус Иван! Покажи Катюша!

И когда Катя тащила воду на пяточок, немцы на губной гармошке исполняли «Катюшу».

В конце концов плацдарм расширился, немцы ушли вглубь полуострова. Рассказы о бесстрашной Катюше можно было услышать во многих воинских частях. А когда Катя Некрасова вернулась в госпиталь на Большой Земле, то её ожидал головокружительный успех. Катя шла по двору госпиталя. Раненые морпехи (несколько десятков человек, спасённых девушкой) вышли навстречу девушке, встали на колени и хором скандировали:

– Сестрёнка, прости! Мы тебя недооценили! Мы гордимся тобой, Катюша!

Некрасовой Кате пришлось со своими братками брать Севастополь, Николаев...

Запомнился ей день 22 августа 1944 года – в районе Белгорода на реке Днестр. Началось как всегда с пяточка. Взяли, окопались, ошетинились – ни шагу назад! Немцы так

сжали пяточок, что было неясно – сохранится он в дальнейшем? Раненые морпехи в один голос убеждали Катю:

– Сестрёнка, уходи, возьми несколько раненых морпехов и на шлюпку! Ты такая молодая, жить да жить! Хотим, чтобы ты долго жила на белом свете и нас вспоминала!

А Катя в ответ:

– Победим или умрём вместе! Не хочу остаться живой за счёт кого-то! Что я скажу своим детям? Они не поймут меня!

Морпехи всё же сдажили, не сдались, и подмога подоспела! Ура! Победа! Младший сержант Некрасова Екатерина Петровна стала Героем Советского Союза! Закончила войну Катя на реке Дунай 5 апреля 1945 года, когда её дивизия овладела городом Братислава.

Разведчица Клава

Днём, когда наша группа отдыхала и готовилась к решающему броску, к нам забрели две молодые женщины. Одна из них – её звали Клава, несла на руках малютку сына. Из допроса стало ясно, что они военные фельдшеры. Вторую женщину звали Елена. Им удалось найти партизан, и они сражались в партизанском отряде. Клава, самая активная, выполняла обязанности врача, связного и рядового бойца. Много ей пришлось пережить в это лихое время. Она с крохотным сыном уходила на задания, зная: никто её не заподозрит, что она партизанка. Клава разносила по деревням листовки, доставляла сведения о дислокации фашистских гарнизонов, была связной между партизанскими отрядами. Самым трудным для неё заданием было доставлять взрывчатку для уничтожения вражеских складов. Взрывчатку приходилось заворачивать в пелёнки вместе с ребёнком. Таким же способом Клава доставляла в отряд медикаменты. В перерывах между заданиями доктор Клава, как любовно

звали Степанову в отряде, лечила больных и раненых партизан. Лекарств было мало, использовала травы. Изношенные рубашки, лоскутки после кипячения служили перевязочным материалом.

Однажды немцы с собаками устроили облаву на партизан. Отряд уходил от погони. Мальчик у Клавы болел и стонал, и она была вынуждена закрывать ему рот. Много добрых дел совершила эта замечательная женщина! Командование партизанских отрядов предложило немедленно пересечь линию фронта и уйти к своим. Необходимо спасти жизнь мальчика. И Клава согласилась.

Вечер в Ялте

Февраль 1945 года. Время неумолимо отсчитывало последние дни фашистскому режиму. Под звуки победной канонады проходила историческая встреча в Ялте руководителей антигитлеровской коалиции.

Сталин, Рузвельт и Черчилль обсуждали конкретный план восстановления послевоенной Европы.

После окончания очередного трудового дня английский премьер Уинстон Черчилль обратился к Сталину:

– Иосиф, разыщи среди своих офицеров нормального мужика, с которым можно выпить и поговорить по душам. Не бойся, агитировать я его за капитализм не буду! Пообщаемся и разойдёмся.

Сталин приказал найти такого человека, «чтобы смог перепить заносчивого британца, а также по-английски знал не хуже Черчилля!»

Выбор пал на Павленина Николая Васильевича. Оказался он на конференции по настоянию дипломатов и чекистов:

– Поработай, Николай Васильевич, плотно и результативно. Это тебе будет большая школа перед отъездом в США.

На ялтинской конференции Павленин возглавил группу референтов по США и Англии. За годы пребывания в Европе Николай Васильевич научился прекрасно разговаривать и мыслить по-английски и по-французски. К тому же воинское звание генерал-лейтенант.

Встреча Павленина с английским премьером произошла в Воронцовском дворце. Поздоровались. Черчилль с любопытством рассматривал русского генерала. Перед ним стоял русский богатырь, высокого роста и мощного телосложения, мужественный и открытый взгляд.

Премьер одобрительно цокнул языком:

– Похвально! По-английски говорите прекрасно, акцент минимальный!

– Благодарю вас!

Николай налил полный фужер виски и залпом опрокинул его. Черчилль с удивлением проследил, как крепкое виски исчезло из фужера.

– Похвально! – повторил озадаченно британский премьер.

– Извините меня, – сказал Николай. – Мы, русские, долго запрягаем, но быстро едем. Я пью быстро и много. У нас есть хорошая пословица по этому случаю: «Раз пошла такая пьянка – режь последний огурец!»

– Не могу понять эту пословицу, генерал, – возразил Черчилль. – Но смысл, кажется, я уловил: пить так пить! – и он тоже выпил фужер с виски.

– Правильно! Вот так поётся в одной нашей песне:

Эх, наливай, брат, наливай!

Всё до капли выпивай!

Вино, вино, вино –

Оно на радость нам дано!

По маленькой, по маленькой,

Чем поят лошадей!

– Ол райт! Вы, генерал, не только лихо пьёте, но под этот процесс подвели поэтическую базу!

Налили опять по фужеру. Черчилль посмотрел внимательно на Николая:

– Война подошла к концу, и вы, русские, на мой взгляд, сражались героически. Я согласен с Бисмарком, который утверждал: русских нельзя победить! Выпьем за победу над Германией, за нашу победу!

Третий фужер Черчилль предложил выпить за дружбу.

– Согласен, – ответил мгновенно Павленин. – За дружбу между народами!

– Нет-нет, мой друг, – возразил английский премьер. – Пьём за дружбу между мною и тобою!

– Не могу отказать вам в этом! – и Павленин стремительно опрокинул фужер с виски в рот одним глотком.

Так пить научился Николай на флоте в царское время у боцмана Овчаренко. Считалось большим шиком зайти в ресторан на Невском проспекте, заказать стакан водки и под восторженные и удивлённые взгляды

гостей и присутствующих питейного заведения моментально опрокинуть её, ни разу не глотнув.

– Бог мой! Такого я ещё не видал! А выпить я любитель, да ещё какой! Как это? – Черчилль задумался, нерешительно поднёс фужер ко рту, широко его разинул и забросил жгучую жидкость в горло, прислушиваясь, как она покатилась по пищеводу в желудок. Лицо его напряглось, покраснело, глаза расширились, подались вперёд, он неумело вдохнул воздух и разразился громким кашлем.

– Чёрт возьми! Здесь я чувствую себя учеником-первогодком! Спасибо за науку, генерал. Давайте закурим!

– Я не курю, господин Черчилль. Отец, дед никогда табак в рот не брали.

– А я, генерал, закурю. После такого шока немного успокоюсь, – и он достал сигару. Черчилль жадно затянулся один раз, второй, закрыл глаза и отвалился на спинку кресла. – Слушай, генерал, ты любишь музыку? Медведь тебе на уши наступил? Правильно я говорю?

– Медведь на ухо наступил, а смысл вы передали правильно.

– Так, так. У вас, русских, очень много забавных вещей: самовар, медведи по улицам ходят, гармошка вместо пианино... Вроде забавы смешные и народ весёлый и тихий, а в бою с вами лучше не встречаться: враз свалите и в землю втопчете. Играете, генерал, на гармошке?

– Да, господин премьер, играю и пою!

Черчилль вызвал адъютанта и что-то ему тихо наказал. Через пять минут в руках Николая очутилась двухрядная русская гармошка. Черчилль, оказывается, основательно приготовился к встрече с Павлениным.

– Что споёте?

Николай медленно прошёлся по кнопкам и запел:

Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец!

Черчилль с одобрением встретил музыкальное вступление генерала.

– О чём эта песня?

– О молодом купце, который загулял в одном селе.

Девки гуляют, и мне весело!

Помолчали. Вновь наполнили фужеры.

– Давай, генерал, выпьем без всякого повода. Твой начальник Иосиф Сталин любитель произносить тосты по всякому случаю. Пьём каждый за своё!

Выпили.

– А теперь и от меня музыкальный сувенир!

Он завёл патефон, перевернул пластинку, и в комнате зазвучала популярная песня об английских лётчиках. Черчилль и Павленин тихо и душевно подпевали:

Мы летим, ковыляя во мгле,

Мы к родной подлетаем земле.

Бак пробит, хвост горит,

Но машина летит

На честном слове и на одном крыле!

– А вы знаете эту песню!

– Ничего особенного! – ответил Николай.

– Её поёт вся страна.

– Bravo, генерал! Вы мне всё больше нравитесь. Не каждому, а вам скажу по секрету: я ведь в душе художник. В юности печки складывал из кирпича, рисую неплохо.

– А я люблю охоту, рыбалку. Природа у нас на Урале сказочная: таёжные леса, светлые и чистые реки, огромные луга. Воздух целебный, прозрачный, как хрусталь!

– На лис охотитесь? – спросил Черчилль.

Павленин, осмысливая странный вопрос, замолчал.

– Гонять лис, – пояснил Черчилль, – это наша национальная охота.

– Ах, вот о чём! В России за лисой никто не гоняется. Не та фигура, чтобы из-за неё ноги мозолить. Русских интересует боровая дичь, лоси, медведи. В старые годы мой дед на медведя в одиночку с рогатиной ходил.

– С чем-чем? Я не понял, – заволновался Черчилль, – что есть «рогатина»?

– Это деревянная пика с железным наконечником.

– Бог мой! И неужели жив остался?

– Дед за свою жизнь убил тридцать два медведя! И жив!

– Ол райт! Феноменально! Гениальный дед!

– В молодости, господин Черчилль, я много работал. Любил с братом Егором косить траву на пойменных лугах литовкой.

– Что есть «литовка»? Объясни!

– Это разновидность косы. К нам на Урал она проникла из Литвы.

Немного помолчали. Выпили опять по фужеру. Черчилль, довольный вечером, засмеялся и сказал:

– Спасибо, генерал, за прекрасный вечер! Пьёте вы много и, что удивительно, нисколько не пьянеете! Вы выпили мою вечернюю норму – больше литра, и держитесь молодцом. А пить по-флотски это оригинально! Я взял себе на заметку. В знак нашей дружеской встречи и

того, что вы меня сегодня превзошли, и в этом я признаюсь, примите от меня золотые швейцарские часы.

На следующий день Черчилль выждал момент и

обратился к Сталину:

– Спасибо, Иосиф, за генерала. Отличный парень! И пьёт, и поёт, и поговорить с ним интересно. Незаурядная личность! Где вы их находите?

– У нас все такие, господин Черчилль, плохих не держим. Про таких говорят: он и жнец, и кузнец, и на дуде игрец!

– Да-да, кузнец! Это правильно! – подтвердил Черчилль.

Трудное военное детство

Игорь Юркевич

1 сентября 1945 года в неполной средней школе идёт школьная линейка. Звучат поздравления и пожелания. Слово взяла незнакомая женщина, представитель Чёрмозского района:

– Ребята, уборка сельскохозяйственных культур в районе проходит очень трудно и медленно. Я обращаюсь к вам с просьбой: помогите колхозам! Завтра после уроков прошу выйти на колхозные поля. Седьмой

класс пока не учится. Ребята будут работать у деревни Палкино, там и будут жить!

2 сентября семиклассники ушли в колхоз. Разместили ребят в большом заброшенном доме на краю неизвестной деревушки. Набили сеном наволочки для подушек и матрацы. Родя Ушаков, Игорь Юркевич расположились на русской печке. К сожалению, она была неисправная. Об этом предупредил ребят бригадир Кузьмич.

– Сегодня отдыхайте, – сказал он. – А завтра все на турнепс!

Десять дней убирали турнепс мальчики, девочки – брюкву и репу. А потом подспела картошка. Копали вилами. Песчаная почва легко отдавала корнеплоды.

Игорь работал с Володей Некрасовым. Руководитель Нина Георгиевна с согласия мальчиков установила дневную норму 102 ведра на двоих. Сделал норму – можно отдыхать!

У Игоря с Володей свой уговор. Сегодня копаешь ты, завтра собираешь. Вот такая

пересменка! В свободное время мальчишки уходили в лес, собирали грибы, рвали поспевающую рябину...

В конце сентября погода испортилась: пошли непрерывные дожди. Ребят перекинули на зерноток. Работы много – хоть сутками работай! Появились первые больные, которых отправили на лечение домой. Часть из них обратно не вернулась.

Незаметно осень переступила рубеж октября. Ночные лёгкие заморозки, нудные морозящие дожди резко отразились на здоровье школьников. Одежду негде и нечем сушить. Кашель и насморк стал донимать в холодной деревенской избе. Опять больные, и опять они ушли на лечение в Чёрмоз. В середине октября от класса осталась половина. Уехала на лечение Нина Георгиевна, классный руководитель. Её сменила Наталья Афанасьевна Палкина, старшая пионервожатая. К концу октября

работала и не сдавалась небольшая группа мальчиков и две девочки Наташа Мясникова и Поля Удебкина. Наташа – девочка волевая, решительная и принципиальная, председатель пионерского отряда и гроза всех лентяев и двоечников.

Школьники сушили одежду и обувь на костре или на ветру. Сложно было с обувью. Сапог ни у кого не было, ботинки родителей довоенного образца, изношенные, с многочисленными заплатами. А как сушить обувь без печи? У Игоря подошва ботинка отвалилась. Пришлось притянуть подошву к ботинку жёсткой проволокой.

2 ноября Наталья Афанасьевна мальчикам сказала:

– Осталось в бригаде ещё одно картофельное поле. Почва там тяжёлая, глинистая. Бригадир Кузьмич заявил мне: «Картошку уберёте – мы вас отпустим. Решение не моё – районных властей. Пошлю вам лошадь с тётёй Нюрой. Она плугом будет картошку выпаживать. Вы собираете».

На этом и порешили. Последняя неделя далась мальчишкам тяжело. Холодный резкий ветер с камских лугов пронизывал худенькую одежонку. Старались больше двигаться, разгонять кровь энергичной упорной работой. В последние три дня выпал снег на землю. Мёрзли не только ноги, но и руки. Тяжёлая работа перебирать замёрзшую землю со снегом! Застывали руки, а варежек нет! 11 ноября мальчишки покинули колхоз.

Бабушка Ульяна истопила жаркую баню, приготовила «щёлок», и Игорь отмывал грязь и пот целых два часа. А на следующий день он с радостью забежал на крыльцо школы. Долгожданные радостные встречи, мальчишек приветствовали, как героев. На школьной линейке им объявили благодарность. Через три дня на уроке физкультуры у Игоря заныло колено левой ноги, и он минут тридцать не мог приступить на неё. Придя домой, Игорь пожаловался дедушке:

– Сходи к соседу Николаю Ивановичу. Он знатный коновал на весь Чёрмоз!

И он пошёл. Николай Иванович внимательно ощупал все косточки левой ноги, подёргал влево и вправо и сказал:

– Эти болячки не ко мне. Иди в больницу!

Игорь, пропустив учебный день, поплёлся в больницу. Врачи вынесли жёсткий вердикт:

– У тебя от переохлаждения начался острый летучий ревматизм! Ложись в больницу!

Так оказался мальчик надолго в больнице. Ревматизм стремительно развивался в детском организме. Два месяца лечился в больнице, месяц дома. Дело дошло до того, что Игорь с трудом поднимался по лестнице на второй этаж. Он весь распух, двигался тихо и осторожно.

В конце февраля он окончательно вернулся домой. Усилия врачей оказались бессильными. Через два месяца в мае начнутся государственные экзамены. Мальчик оказался в смертельной ловушке: и

здоровья нет, и знаний нет! Особенно по алгебре и геометрии. Все учебники по другим предметам он прочитал два-три раза и запомнил хорошо.

– Болезни, болячки, когда вы меня покинете?

Однажды днём бабушка зашла в дом с какой-то старушкой. Познакомились. Это была знаменитая знахарка Федотовна.

– Я буду тебя лечить, – сказала она. – Ты мне верь, Игорь. Всё будет хорошо. Сердце у тебя молодое, крепкое, выдержит мои горячие процедуры! Завтра начнём!

Знахарка приходила по вечерам. Мальчик ложился на кровать весь голый, сверху тяжёлое ватное одеяло. Под него заводили жестяную трубу от двухведёрного самовара. Целый час горячий пар грел, жёг, терзал тело мальчика. Федотовна ласково ему говорила:

– Держись, парнишка, горячий пар выгонит твою болезнь-лихоманку. Не ты первый, не ты последний!

Во время лечения, чтобы отвлечь от панических мыслей, рассказывала занимательные истории. Игорю запомнились две сказочные истории и рассказ про редьку.

Щавель конский (видение)

Умирал воин на поле боя, истекал кровью, отчий дом вспоминал, родных. Вдруг спускается с небес Божья Мать в одеянии белом и говорит умирающему воину:

– Встань, поднимись! Возьми эту траву – домой воротись! Она огонь в груди потушит, кровь остановит, раны заживут, силы придут! Огород копай – траву сажай! С травой дружи всем родом. В стужу лютую её имей. В жару сил не жалей. Роду всему передай!

Поднялся солдат и пришёл в дом родной. Рассказал всё жене, матери. И стали они разводить эту траву в огороде. Летом едят

свежую, на зиму запасают. Оттого животы не болят, голова ясная, коросты у детей пропали.

Репей – репьюшка

В далёком селе жил красивый парень. И влюбилась в него девушка из бедной семьи. Очень страдала девушка, что не замечает парень её любви. Угонит пастушка стадо и плачет – причитает, зачем она несчастная уродилась, вся в лохмотьях, струпьях, лишай везде. Просила она Богородицу забрать её к себе.

Как-то на Троицу девушка нищенке подала кусок пирога. Поклонилась нищенка и говорит:

– Я от Богородицы к тебе с подарком – репеем! Корнями лопуха лицо смой – будешь с красотой. Корнями лопуха голову мой –

будешь с косой! Красивой будешь – не гордись, чёрной работы не страшись!

Сделала девушка, что ей было наказано.
И стала красивой! Вскоре свадьбу сыграли.
Спаси наш род и сохрани!

Редька

На девятый день Федотовна спросила Игоря:

– Ты редьку любишь?

– Нет! Что в ней хорошего? Ею не наешься! Хочу хлеба целую буханку!

– Что в ней хорошего? Сейчас узнаешь.
Запоминай!

Сеять редьку не ленись,

Убирать не торопись!

В погреб снеси и смекай:

Влажным песком её пересыпай.

Чей рот редьку жуёт,
Того болезнь не берёт.
Кто редьку съедает,
Тот кашля не знает.
Редьку ешь только днём –
Будешь спать крепким сном.
Чёрная да белая,
Боль прогнать умелая.
Тёртую редьку с мёдом смешать
Да детям давать – простуды не знать!
Нету мёда – не тужи:
В редьку соли положи,
Постным маслицем полей,
Угощай всех, не жалеи!
– Вот так-то!

В начале марта Игорь почувствовал себя лучше. Ноги и руки не болели. Восстановилась быстрая походка. Все учебники прочитаны не раз! И решил он

отправиться в школу. Ребята и учителя встретили его радостно! Так начались у Игоря первые дни нового учебного года. Трудно давалась ему учёба. Много не понимал: как решать задачи по алгебре, тригонометрии, физике, путался в пунктуации. А до болезни он был лучшим учеником по русскому языку! Оставался после уроков, занимался с учителями, одноклассниками.

10 мая выпускники писали сочинение на тему «За что я люблю свою Родину?». Результат у Юркевича был вполне предсказуемый. За содержание «отлично», грамотность – «два»! «Неуд» он получил за то, что наставил запятые, двоеточия не там, где надо! Через день новый экзамен – диктант по русскому языку.

К Игорю на перемене подошла Мясникова Наташа. И она ему неожиданно говорит:

- На диктанте будешь сидеть со мной.
- Моё место с Вале́й Сивковым.

– И опять будет двойка! Ты этого хочешь?

– Значит, приглашаешь списывать! Это ты мне говоришь, гроза всех двоечников! Я ничего не понимаю!

– Да, это говорю я. Мне ребята сказали: «Игорю не поможешь, мы с тобой разберёмся!» Должны же мы тебе протянуть руку помощи! Какие тогда мы будем товарищи!

Диктант он написал на «хорошо». Затем устный экзамен по русскому языку сдал на «отлично». В аттестат вошла объединённая оценка – «хорошо». Алгебру письменно сдал Игорь на «посредственно», остальные экзамены были оценены только на «отлично»!

Очень были поражены члены экзаменационной комиссии ответом по географии. Мальчику месяц назад попала в городской библиотеке книга «Русские путешественники в Арктике». Она его захватила своим ярким содержанием! Игорь обстоятельно и образно изложил огромный фактический материал. Директор школы

Безгодов В.В., председатель экзаменационной комиссии, сказал:

– Я давно не слышал такого блестящего ответа. Рассказ высочайшего уровня, тянет на дипломную работу студента гуманитарного вуза. Молодец! Если была бы оценка «б», то я обязательно поставил обеими руками!

– Игорь, в какой техникум задумал поступать? – спросил один из членов комиссии.

За него ответила Нина Георгиевна:

– Пока у него одна дорога – средняя школа. После такой тяжёлой болезни дальние поездки категорически запрещены.

30 мая на торжественной линейке выпускникам 7 класса вручили аттестаты. А дальше удивительный сюрприз! Грише Васёву и Роде Ушакову вручили государственные медали «За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны». Мальчики молчали, боясь расплескать комок противоречивых чувств. Это и радость, и гордость, а также

жалость к себе за тяжёлый и изнурительный труд. Из счастливого детства помнятся только отдельные дни и часы! Работали мальчишки за мужчин, ушедших на войну. И быстро, и рано повзрослели.

В конце линейки ещё одно яркое событие. Из кабинета директора вышли два советских офицера: впереди неизвестный капитан, за ним старший лейтенант в парадной военной форме. На груди множество орденов и медалей.

Капитан обратился с короткой речью:

– Дорогие ребята! Поздравляем вас с окончанием семилетней школы! Желаем дальнейших успехов по дороге знаний! Я и мой боевой друг Николай живыми вернулись на малую Родину! Давайте вместе учиться, работать, подымать наше государство из руин, строить новые заводы, электростанции! Счастливого вам пути!

Подарок маршала Жукова

Гриша Ромашов был незаурядным мальчиком. Кто-то им восхищался, другие при его имени крутили многозначительно пальцем у виска и говорили: «Чудик и слабак!» Футбольный мяч он не гонял, в лапту и в хоккей неумёха. На пруду у берега полощется, на глубину его не затащишь – плавает слабовато. Но где Гриша преуспел и всем сто очков смог дать – в знании любой техники. Часы отремонтировать – нет проблем! Разобрать мотоцикл, велосипед до последнего винтика и обратно собрать для него проще азбуки.

Перед войной, в 1941 году, сошёлся Гриша с механиком Чёрмозского леспромхоза Баканиным Петром. Целыми днями пропадал в механических мастерских, обучался токарному делу. Одним словом, в технике он был большой дока, и ребята за это его сильно зауважали. Закончив семилетку, Гриша уже по осени работал в механическом цехе металлургического завода на токарном станке. В 1942 году он возглавил комсомольско-

молодёжную бригаду. Сутками не вылезали они из заводских цехов.

В январе 1943 года Ромашова призвали в действующую армию. Первое письмо в Чёрмоз пришло от него из Казани: «О чём мечтал – всё исполнилось! Всюду первоклассная техника. После учёбы я стану и механиком, и водителем танка Т-34. Буду крепко бить фашистов, защищать Родину! Привет родне и пацанам Советской улицы».

После сражения на Курской дуге он уже старший лейтенант, затем его путь лежал через Киев, Варшаву. В конце апреля 1945 года его танк одним из первых ворвался в центр Берлина. Войну закончил в чине капитана, на груди его красовались два ордена, три медали. Все годы войны о нём шла слава как о лучшем механике, смелом и отчаянном командире танка по всей 30-й дивизии и даже 11-й армии. Его гвардейский экипаж Т-34 обратил внимание на себя даже генерала армии Фёдора Васильева. В Белоруссии под городом Глуховом танкисты Ромашова в одиночку прорвались в тыл к немцам и целые сутки

держали в страхе и неопределённости две дивизии вермахта.

* * *

После исторической встречи главных союзных войск на реке Эльбе маршал Жуков вызвал адъютанта и распорядился:

— Через неделю будет парад союзников и народное гулянье.

За парад отвечает генерал Ерёменко. А тебе особая задача: профильтруй все воинские части и выбери среди солдат и офицеров мастеров классного вождения мотоцикла. Я поспорил с американским генералом Эйзенхауэром, что мои ребята-мотоциклисты будут всех лучше! Немедленно приступай!

В число двадцати четырёх лучших водителей попал и наш земляк Гриша Ромашов. Вручили им всем новые, с иголочки,

мотоциклы «М-72», и начались интенсивные тренировки. И пробил звёздный час Григория! В знании техники, в фигурном вождении мотоцикла не было ему равных.

– Вот что, – сказал авторитетно генерал Николаев. – Ты, Ромашов, повезёшь знамя нашей дивизии и будешь возглавлять колонну мотоциклистов. Верю, не подведёшь!

Ровно в полдень у центральной площади города Потсдама сосредоточились колонны мотоциклистов для парада. Загремел сводный оркестр, и парад начался. Чеканя шаг, прошли советские, американские солдаты. Англичане удивили всех, точнее, шотландцы, которые чинно продефилировали в полосатых юбках. Наступило время техники. Американцы на «харлеях» строго проследовали мимо гостевой трибуны, за ними англичане – строго и академично. Русские смотрелись отлично: никакой закрепощённости, свобода и манёвр!

Бросился всем в глаза идущий впереди колонны мотоцикл Григория Ромашова. Солдат стоял, держа правой рукой древко знамени 5-й армии, левой управлял мотоциклом. Когда Григорий поравнялся с трибуной, он

перехватил знамя в левую руку, правой отдал честь. Мотоцикл его по инерции ровно и спокойно двигался вперёд.

– Это что ещё такое? – возмущённо обратился Жуков к адъютанту. – Что он творит! Не солдат, а бандит с большой дороги. Я его накажу за лихие трюки!

– Это Григорий Ромашов из дивизии генерала Васильева.

Генерал Эйзенхауэр через переводчика обратился к Жукову:

– Фантастик! Обе руки в ходу, а мотоцикл, как часы, движется вперёд. Замечательно! Где вы таких солдат находите, маршал Жуков?

Маршал с удовлетворением выслушал одобрительные слова американского генерала, поманил пальцем к себе адъютанта:

– Напомните мне завтра об этом лихаче-мотоциклисте.

Через два дня Григорию перед строем зачитали благодарность от маршала Жукова, вручили подарок – совсем новёхонький мотоцикл «М-72» с дарственной табличкой:

«Ромашову Григорию от маршала Жукова Г.К. Потсдам. 1945 год».

Но это ещё не всё. Григорию предоставили отпуск на двадцать суток. На радостях Гриша отметил свою победу с друзьями. Затем снял табличку с мотоцикла и загнал его за приличную сумму майору Конюхову из соседней дивизии. Это был глубоко обдуманый шаг: дома, в Чёрмозе, у родителей пала корова. На деньги, вырученные за подарок Жукова, Гриша решил приобрести новую бурёнку. Сел в поезд – и домой!

Побыл в Чёрмозе всего пять дней. Обошёл всю родню, помог по дому отцу и матери и засобирался в Германию – к своим боевым друзьям. В последний день перед отъездом заглянул на молодёжную вечерку. Пообщался с редкими друзьями (многие ещё на фронтах задержались), посмотрел на зелёную молодёжь и хотел было откланяться. Но не тут-то было! Соседка по улице, сверстница его Тамара Новикова, подошла к нему с молоденькой девушкой лет шестнадцати:

– Здравствуй, Гриша! Наслышана о тебе – герой и воин отменный! Узнаёшь, кто со мной?

Вижу, что не узнал. Валя Сивкова, твоя соседка.

– Валюшка-незабудка! Неужели это ты? Как изменилась и выросла! Невеста готовая. Погоди малость, демобилизуюсь и к тебе посватаюсь!

– Не обижай, Гриша, бедную девушку!

– Я не шучу! Пошли танцевать!

Встреча как бы случайная двух молодых людей. Это с виду. А чтобы она состоялась, мать Григория Алёна Никитична, девушку уговорила на вечёрке появиться. Валя Сивкова сначала заупрямилась, не соглашалась, а потом призналась:

– Алёна Никитична, не в чем мне идти на танцы, платья нет, одна юбка холщовая, сшитая бабушкой из мешковины. Появиться в ней – стыд и срам! Я пока ещё деньги не заработала на юбку. Вы ведь знаете мою семью, концы с концами едва сводим!

Мать Гриши достала из кованого железом сундука платье и юбку:

– Возьми, девонька, мне не носить – устарела я. А тебе будет кстати. Давай примеривай. Хочу, Валюша, чтобы ты

понравилась моему сыночку Грише. Верю, хорошая из тебя получится жена и хозяйка. Вот такую бы Грише!

– Что вы, тётя Алёна! Рано мне о замужестве думать!

– Пора, пора, соседка моя милая! Девичий век короток – быстро пролетит, не заметишь! Скоро женихи с фронтов повалят – успевай оглядываться и выбирать. Вот так-то!

Валюша подумала немного и... согласилась. Хитрый план матери Гриши был приведён в действие.

Вернулся Ромашов в Потсдам. Его сразу вызвали к командиру полка:

– Куда дел деньги за мотоцикл? – грозно спросил командир.

– Все деньги отдал родителям. Они корову купили, остальные пошли на ремонт конюшни.

– Понятно. Приедешь в часть, там тебе приготовлен новый «М-72». Не вздумай его продать! Жуков узнает – тебе не поздоровится, а с нас, командиров, маршал шкуру сдерёт с кровью и мясом! Дарственную табличку сохранил?

– Так точно! Вот она, со мной, товарищ полковник!

– Понятно. Храни мотоцикл. И не вздумай спекулировать!

В феврале 1946 года Ромашов демобилизовался, погрузил мотоцикл в багажный вагон и поехал домой.

В Чёрмозе его дожидались мать с отцом, невеста Валя, будущая его жена...

Правильная женщина

– Знаешь, Игорь, – обратился как-то ко мне Матвей Семёнович. – На белый свет мы появляемся одинаково. Спасибо нашим родителям за это. А дальше у каждого жизнь идёт по-разному. Один всю дорогу на гребне, другой на дне жизни и не думает оттуда выбираться. Да, не каждый сможет изменить свою судьбу, повернуть её в другое русло. Преклоняюсь я перед теми, кто свою судьбу лепят своими руками или, по крайней мере, все её резкие повороты могут затормозить.

После освобождения из Краслага судебные власти определили меня жить в село Покровское Свердловской области. Село как село. Из достопримечательностей можно отметить прекрасный Дом культуры с прославленным народным хором и небольшой литейный завод.

Три месяца поработал в литейке, не понравилось, уволился и подался в Дом культуры. Дали мне в этом ДК комнатку и поручили топить печи – это днём, а по ночам охранять имущество и покой храма культуры.

Директор и художественный руководитель Дома культуры были люди пришлые, как и я. Вот о них пойдёт дальше мой рассказ.

Художественный руководитель Смоленский Александр Михайлович родом из московских дворян. Детство и сознательная жизнь проходили в столице. Работал ведущим артистом во МХАТе. Во время Отечественной войны 1941-1945 годов с семьёй эвакуировался в Свердловск. Продолжил работу в областном драматическом театре. Зелёный змий в годы войны окончательно сгубил его. Жена с двумя

детьми уехала обратно в Москву, бросив мужа на произвол судьбы. Смоленский практически не выходил из пьяных загулов. Наконец, его уволили из последнего театра. Куда податься? Директор Дома культуры Подболотова Антонина Андреевна искала для своего театра худрука. Так Смоленский оказался на подмостках Покровского клуба.

Александр Михайлович был исключительно талантлив. Если бы не его пьяный порок, он давно бы уже был народным артистом СССР. Высокий, стройный, красавец-мужчина 45 лет, звучный завораживающий баритон, приятная речь, на голове густая шапка кудрявых волос. В обращении вежлив, к собеседнику внимателен – настоящий аристократ московского разлива. Смоленский был очень требователен к одежде, носил роскошный тщательно отутюженный шевиотовый костюм, на ногах лакированные туфли, на белоснежной рубашке красовалась ослепительная бабочка.

Жил Александр Михайлович в Доме культуры в комнатке за сценой. Когда начинался запой, он облачался в рабочую

одежду и прибывал в ней пока «кушал мерзавчиков», то есть глушил водку. Запой прошёл, и Смоленский, засучив рукава, берётся за постановку пьес, сочиняет остроумные монологи, проводит репетиции. И так 3-4 месяца блестящая и бурная сценическая деятельность до следующего пьяного срыва. Зрители села Покровского его обожали: играл артист божественно вдохновенно, завораживал своими монологами, конферансам, танцами. Когда любимец зрителей выступал, в клубе был аншлаг.

Александр Михайлович, как я убедился, был весьма доволен своей жизнью. А чего ещё надо бедному артисту? Игра в театре, а следовательно, есть зарплата – можно на

досуге расслабиться. «Идеалы мои, – эти слова он любил повторять, – простые и приземлённые: играть, радовать людей и себя, ну и второе – не забывать её, родимую, сорокаградусную. Она последнее утешение в моей

несчастной жизни».

Директор Дома культуры Подболотова А.А., жалея его, уважая его редкий талант, старалась создать нормальные жизненные условия артисту.

А теперь об Антонине Андреевне Подболотовой. Это удивительная женщина, умная, жизнерадостная, волевая, целеустремлённая. Жизнь её была много раз, испытывала её судьбу, но она не сдавалась и выходила с честью и достоинством из многих передраг. Хотя Подболова А.А. родилась в городе Оренбурге, родовые корни, как и у Смоленского, московские. Она внучка московского князя Григория Долгорукого.

Перенесёмся мысленно в 1905 год. Москва, первопрестольная столица охвачена революционными волнениями. Молодая гимназистка Лиза Долгорукая, дочь Григория Долгорукого, идёт в народ, помогает восставшим рабочим. На уличных баррикадах знакомится с молодым революционером Андреем Долгих, оренбургским казаком. Андрей – один из организаторов революционных событий в городе, член партии

РСДРП. Пламенная страсть и чубатая красота Долгих пленили юную Лизу, она полюбила Андрея. Родители девушки были против брака революционера-казака и неопытной гимназистки. Но девушка сломила сопротивление родителей:

– Люблю Андрея, это моя судьба, дайте согласие, иначе мы поженимся без благословения.

Долгорукие, столбовые дворяне, потомки Юрия Долгорукого, дали добро на «мезальянс».

После разгрома Московского восстания молодые едут в Оренбург. Все последующие годы Лиза вместе с мужем на революционной работе. Ни арест Андрея, ни трое детей (два мальчика, девочка Тоня) не смогли удержать Лизу от политической борьбы. Огромное наследство, полученное от отца, почти всё ушло на революционные дела.

1917 год, Октябрьская революция. Андрей Долгих – руководитель оренбургских большевиков. Большевики берут власть в городе и области. Грянул белоказацкий мятеж.

Гибнет от рук дутовских палачей Андрей Долгих. Лиза с семьёй бежит из Оренбурга.

В двадцатые годы Елизавета Григорьевна, чтобы прокормить семью, работает учителем музыки в школе, даёт частные уроки, воспитывает детей. Дочь, молодая Тоня, пошла по стопам своих родителей. Она активная комсомолка, борец за новую светлую жизнь. Первая любовь, первое замужество. Жизнь наносит первый удар – гибнет муж от рук бандитов. Через год-второй снова удар: умирает от инфекционной болезни крошка сын. Тоне 18 лет, и она уже вдова.

Но неожиданный поворот в жизни – она встретила и полюбила молодого курсанта-лётчика Оренбургского лётного училища Подболотова Петра Дмитриевича, сына воронежского крестьянина. Опять замужество, кочевая жизнь военной семьи. Родились две дочери, муж делает блестящую карьеру – командир эскадрильи, комбриг, инспектор авиации Южного округа страны. Семейная жизнь устроилась наконец очень удачно. Просторная благоустроенная квартира в Воронеже, машина, дача в Крыму. Из Москвы

идут сигналы: скоро перевод в генеральный штаб.

1938 год стал роковым. Пётр Дмитриевич уезжает в революционную Испанию. Через пять месяцев пришла печальная весть: Подболотов Пётр погиб в боях за Мадрид. Снова вдова, в 28 лет. На руках трёхлетняя Инна, четырёхмесячная Валя.

– Всё, – решила твёрдо Антонина Андреевна. – О любви к мужчине надо забыть навсегда. Хватит испытывать судьбу. Любить и воспитывать только своих дочек.

И клятву свою она сдержала до конца жизни.

1941 год. Фашистская чума повисла над страной. Новые тяжёлые жизненные удары – государство конфисковало в начале войны дачу, машину, пропали денежные вклады. Немецкие войска подошли к Воронежу. Лихорадочная эвакуация из города детей детдома, где Антонина Андреевна работала воспитателем. Непрерывные бомбёжки фашистских самолётов. Гибнут дети, тяжело ранена сама Подболотова. С большим трудом, преодолевая боль от ранения, с дочками

добирается до деревни Калиновка, родины мужа. Суровые и голодные годы войны прошли в Калиновке. Как только немного поправилась, Антонина Андреевна пришла на бригаду – выращивала сахарную свёклу, кукурузу: семью надо кормить. Голодали и родители мужа, и дети.

Закончилась война, и семья Подболотовых переезжает в Свердловскую область, Село Покровское. Антонина Андреевна возглавила Дом культуры. Она не кончала театральных институтов, но была высокообразованным и культурным человеком, сказалось и домашнее воспитание. Елизавета Григорьевна была строгой мамой и вдумчивым учителем.

Смоленский А.М., Подболотова А.А., местные энтузиасты искусства превратили Покровский Дом культуры в один из лучших в Свердловской области. Всё было как будто хорошо, но мешали процветать Дому культуры бравые солдаты, которые по субботам и воскресеньям делали набеги на танцевальные вечера. Дело в том, что в пяти километрах от

села в сосновом бору находилась воинская часть.

Вырвавшись в увольнительную на законных основаниях, а то и в самоволку, солдаты вели себя спокойно и сдержано. Но была среди них агрессивная группа – выходцы с Западной Украины, которых презрительно обзывали «бандерами». «Бандеры» на танцах вели себя нагло, цинично, часто завязывали драки с местными парнями. Эти постоянные разборки были головной болью для Антонины Андреевны. Она смело врвалась в толпу дерущихся и решительно разводила противоположные стороны.

– Все, директорша, – заверяли «бандеры».
– Мы ведь понимаем, что вы справедливо требуете порядка.

Разборки потихоньку перетекали за стены клуба и продолжались с ещё большим ожесточением.

Не раз Антонина Андреевна обращалась к руководству воинской части с требованием обеспечить дисциплину среди солдат. Командир части Петухов И.И. клятвенно обещал разобраться и наказать бузотёров.

Проходила неделя, а конфликты и драки продолжались. Потрясла и вывела Антонину Андреевну и всех жителей села грязная и гнусная акция «бандеров» в одно из летних воскресений. Человек пятнадцать во главе со Степаном Стругалем ворвались в клуб и стали требовать выдачи «старлея Кораблёва».

Старший лейтенант Кораблёв Алексей Алексеевич был переведён в воинскую часть из Сибирского военного округа. Он решительно взялся за наведение порядка в третьей роте. «Бандеры» возмутились и объявили бойкот. Когда Кораблёв пачками стал отправлять нарушителей воинской дисциплины на гауптвахту, главари «бандеров» пригрозили расправой:

– Смотри, старшой, как не было плохо тебе. Кончай нас мордовать! Срок даём до воскресенья.

Никто не хотел уступать. Подошло воскресенье, и Кораблёв, не получив поддержки от руководства, покинул часть и ушёл в село. В догоню за ним бросились солдаты-смутьяны. Так уж получилось, что старший лейтенант забежал в Дом культуры и

попросил у Антонины Андреевны спрятать его от разъярённых «бандеровцев». Подболотова А.А. завела его в костюмерную и запрятала в потайном шкафу.

«Бандеры» потребовали выдать Кораблёва.

– Идите домой, его у нас нет!

– Ты врёшь, директорша, он в клуб забежал. Сейчас мы обыщем твою шарагу, если найдём, то и тебе достанется!

– Ищите, но знайте – это произвол и беззаконие.

– Ты, директорша, на нервы нам не дави! Замолкни!

Целый час мат и грязная ругань сотрясали стены Дома культуры. Антонина Андреевна держалась стойко и мужественно. Не найдя Кораблёва, хулиганы ушли с угрозами прочь.

– Не найдём в селе, обратно заявимся к тебе, директорша!

Обошла Антонина Андреевна все комнаты клуба и от отчаяния и бессилия заплакала. Все шторы с окон сорваны, брошены на пол, втоптаны в грязь, шкафы и

столы перевернуты, пол заплёван, всюду окурки, разбитые винные бутылки; опрокинуты два больших зеркала, на стендах крупными буквами начертаны нецензурные слова.

Смоленский А.М. обозревал разорение клуба, с огорчением воскликнул:

– Какое варварство! Прямо Варфоломеевская ночь!

– Я это не оставлю без последствий. Они ещё пожалеют, что натворили здесь, – твёрдо сказала А.А. Подболотова.

И вышла из клуба. На почте она взяла бланк телеграммы и написала следующий текст.

«Уральский военный округ, Свердловск.
Маршалу Жукову.

Немедленно наведите порядок в
вверенных Вам войсках.

Подболотова А.А.»

Через пятнадцать минут телеграмма лежала на столе Жукова.

– Что это? – грозно спросил маршал у полковника-адъютанта. – Откуда взялась эта

Подболотова? Ко мне сам Сталин в такой словесной форме не обращался! Выяснить и доложить!

Через пять минут Жукову сообщили, что Подболотова директор Покровского Дома культуры, а почему такая телеграмма, никто не знает.

– Немедленно отправить группу офицеров в село Покровское, разобраться на месте и доложить! Даю вам на это шесть часов. Дожил, что мне, прославленному советскому маршалу, герою войны, отдаёт приказы какая-то баба!

В Покровское, в сельский совет, прибыли два полковника, капитан, военный прокурор в чине подполковника.

– У вас есть гражданка Подболотова А.А.?

– Да, – отвечает председатель совета. – Она директор местного Дома культуры.

– Немедленно вызовите её сюда!

– Сейчас пошлём нарочного.

Антонина Андреевна прочитала записку и сказала.

– Передай, к ним я не пойду! Пусть осмотрят клуб и убедятся, что за погром

учинили доблестные защитники
Отечества!

– Идёмте, а то хуже будет! Уж больно
серьёзные начальники к нам прибыли от
Жукова.

– Не пугайте меня, жену командира
эскадрильи. Не таких видывала,
привечала!

Минут через тридцать гуськом друг за
другом пришли два полковника, подполковник
и капитан. Поздоровались очень сдержанно,
осмотрели клуб и обратились к Антонине
Андреевне.

– Вы что наделали? Как вы додумались
давать такую телеграмму самому маршалу
Жукову? Он в ярости!

– Если Жуков умный командир и
начальник, то меня поймёт.

– Давайте подпишем соглашение. Вы в
нём заявите, что погорячились. Ничего
преступного в клубе не произошло.

– Налицо нарушение воинской
дисциплины, хулиганство и преступность.
А кто возместит материальный ущерб?

– Об этом не думайте! Всё восстановим, всё оплатим и даже больше. Откажитесь от телеграммы!

– Хватит торговаться! Не стыдно вам, военным, высшим офицерам, в таком тоне разговаривать с женщиной, вдовой, муж которой был командиром бригады. Я уверена, он бы не допустил такого беззакония, разложения воинской дисциплины в рядах армии. Обращаюсь к вашей порядочности и офицерской чести!

Полковник Урбанский В.Л., смутившись, слегка поклонился Антонине Андреевне и сказал:

– Мы были не правы. Благодарю за стойкость и принципиальность. Вы преподали хороший урок. Извините нас! Доложим Маршалу, как всё было. Ещё раз благодарю за откровенный разговор! Честь имею! С

воинской частью мы разберёмся!

Когда Жукову доложили, как было дело, то он, поглядев строго на стоявших по струнке перед ним офицеров, задумчиво произнёс:

– Значит, не пошла с вами в сговор. Замечательно, молодец! Правильная женщина! Была бы она мужчиной, сразу произвёл бы в полковники и отправил командиром в эту разболтанную часть. Она бы враз навела там порядок!

Да, есть ещё на Руси такие мужественные женщины.

От автора: В 1961 году Антонина Андреевна Подболотова приехала в Чёрмоз с младшей дочерью Валей и прожила почти 20 лет. В 1996 году на 87 году жизни она умерла в г. Калуге.

Орден Ленина

Живёт в посёлке Новом мой старинный дружок Хайрулин Асхат, почётный металлург, за работу в годы войны ему Михаил Иванович Калинин лично вручил орден Ленина. Асхат, как вышел на пенсию, сразу покинул Чёрмоз и уехал к старшему сыну Ильдару на лесучасток.

Семья раньше у него была большая: шесть дочерей и четыре сына. Все уже взрослые, оженались, замуж повыходили. Жену свою Асхат похоронил два года назад. Остался на воспитании самый младшенький, Равиль, ему в ту пору шёл тринадцатый год.

Расскажу о забавном случае, в центре которого оказался Хайрулин. Учителя школы посёлка Новый, женсовет решили собрать родителей и их детей, с которыми возникли педагогические проблемы: кто учился через

пень колоду, кто постоянно прогуливал уроки. В числе неподдающихся оказался шустрый Равиль. Собрание как собрание, всё шло своим чередом и подходило к концу. Взорвала сонное течение мероприятия неосторожная фраза, сказанная председателем женсовета Фатимой Незамиевой. Приведу её дословно:

– Равиль Хайрулин бездельник, каких мало, вряд ли что хорошее из него получится.

Хайрулин старший, успевший слегка вздремнуть, встрепенулся, вздрогнул и грубо оборвал Фатиму:

– Ты зачем, колючка старая, сына моего позоришь? Ты, старая дева, со своим поганым характером всех мужиков от себя отпугнула. Пятьдесят лет прожила, и ни мужика, ни детей. Что ты понимаешь в воспитании? Я девять детей вырастил, на ноги поставил, и Равиля воспитаю!

– Как ты смеешь так говорить с женщиной?

– Настоящие женщины с мужиками по домам сидят, а не по собраниям шастают!

И началась между ними жуткая перепалка, никто не хотел уступать. Оба, не

замечая, перешли на татарский язык. Что сказал старый сталевар Фатиме, никто не понял. Красная, со слезами на глазах Низамиева выскочила из президиума и побежала на выход. В дверях она столкнулась с милиционером, местным участковым Иваном Пахоменко.

– Кто вас обидел? – спросил участковый.

– Хайрулин оскорбил и обругал при всех, я ему этого не прощу! Разберитесь с ним, я очень прошу!

– Гражданин Хайрулин! Пройдёмте в соседнюю комнату, я разберусь с вами и Низамиевой.

Асхат закусил удила:

– Никуда не пойду, я закона не нарушил!

– Ещё раз говорю, пройдем в другую комнату!

– Давно ли ты на лесной делянке лес валил, Ивашка! А теперь начальником стал, заважничал. Ведёшь себя, как медведь на чужой пасеке. Отстань от меня, Ивашка!

– Гражданин Хайрулин! За оскорбление милиции и неподчинение я вас арестую и увезу в Чёрмоз.

– Давай, Ивашка, вези, но знай, ты не вся милиция. Есть люди тебя поумнее! Смотри, не пожалей, что делаешь со мной!

Когда Асхат сильно волновался, он начинал искажать русскую речь:

– Моя ничего не делала, а ты пришла и меня арестовала. Буду жаловаться твоим начальникам!

Так оказался старый Асхат в КПЗ. Обитатели камеры встретили его радушно:

– Здорово, старина! За что тебя к нам закинули?

– Ни за что! Я только Ивашке, участковому, сказал: «Отстань, не твоё дело!», а Ивашка взял и арестовал.

– Менты – они такие, лишь бы беззаконие творить! Ничего, ночь отсидишь, утром отпустят, и дуй домой на всех четырёх! Вины за тобой нет!

– Я ночь сидеть на нарах не согласен. Буду требовать главного начальника немедленно!

– Ну, папаша, ты загибаешь не по чину. Кто тебя слушать будет? Они только голимую

власть сверху боятся, а с таким, как ты, «нижняком», и разговаривать не захотят!

– А это что, не власть? – старик распахнул пиджак, и все увидели на оборотной стороне лацкана орден Ленина.

Обитатели камеры опешили и минут пять переваривали создавшуюся ситуацию.

– А ты, старик, не фраер! Тряси дальше козлов-ментов, а мы тебе поможем, – сказал Алексей Романов, хозяин «хаты». – Вот что, братва! Фартовый случай подвернулся! Можно шухер поднять, ментов потрясти, и старик нам поможет. Старичок-то оказался не простой. Ох, потрепем нервы легавым! Сначала организуем кипишь, а затем голодовку!

Заключённые взяли чашки и кружки и подняли шум. Вскоре в камеру заскочил дежурный:

– По какому случаю галдёж?

– Освободите старика, иначе начнём голодовку.

– Завтра придёт следователь и допросит. Кончайте бузить и ложитесь спать!

– Ты разберись, начальник, кого к нам на ночёвку забросили! Не знаешь? Кавалера ордена Ленина. Его в Москве знают. Лопухнулись вы основательно! Узнают свыше, что тут наворотили, посрывают погоны и выгонят из конторы.

Хайрулин подошёл к дежурному:

– Издеваетесь надо мной, я стерплю, а Владимира Ильича Ленина за что в КПЗ посадили?

И перед изумлённым сержантом засверкал, переливаясь разными цветами, орден.

Сержант Петров как ошпаренный выскочил из камеры и бросился к телефону:

– Алло, Иван Петрович! У нас ЧП. В КПЗ засадили орденоносца, он грозитя пожаловаться на нас в Москву.

– За что взяли?

– Да так, пустяки, нагрубил участковому.

– Ничего не предпринимай! Жди меня!

Старика привели в кабинет начальника милиции.

– Мы разобрались. Вас арестовали незаконно, – заявил главный милиционер.

– Я ему то же самое говорил. Не послушал Ивашка. Все кости старика на коляске растряс, болеть буду.

– С Пахоменко мы разберёмся, накажем. Извините нас, что с вами поступили несправедливо.

– Уже ночь. Как я домой буду добираться? На мотоцикл я ни ногой!

– Не волнуйтесь! Мы вас отправим спецпоездом.

На станции прицепляют к паровозу вагон. Через двадцать минут спецпоезд повёз орденосца Хайрулина Асхата на лесоучасток Новый.

– Вот как их разобрало, – подумал старик. – Извинились и пообещали, что Ивашка встретит. Удивительно так всё повернулось.

В посёлке его поджидали Пахоменко, Равиль, соседи.

– Извините меня, гражданин Хайрулин, – обратился к старику участковый. – Я был неправ.

– Я тоже погорячился, когда обругал Фатиму. Пошли, Равилко, домой, очень устал. Спасибо Владимиру Ильичу, защитил он старого стахановца. Правильно твердят по радио: Ленин жив, Ленин будет жить.

Загадки и тайны камских лесов

Леший и Пера

– Давным-давно в этих лесах на берегах реки-красавицы Иньвы жили племена чудинов. Главное занятие их – рыбалка, охота. Местами зерновые выращивали. Они молились своим богам, просили помочь в рыбалке и охоте. Но боги были далеко, высоко и глухи к их просьбам. Леший и Водяной страшно издевались над охотниками и рыболовами.

Особенно сильно донимал чудинов жадный и свирепый Леший, хозяин Пармы (тайги).

– Не принесёте мне подарки – в лес ни ногой! Убью, задушу, в болоте утоплю!

И люди были волком, а подарки несли ему покорно на огромный пень: собачью печень, пироги, яички птицы чёрной. А кто подарков не дарил и в лес пошёл, Леший над ним жестоко издевался: дорогу путал, тропы убирал, чтобы охотник заблудился. В капканы крыс навешивал, детей крал и в лес уносил. И от горьких слёз промок иньвенский край!

И вот появился молодой богатырь Пера. Пришёл он с Уральских гор. Глаза его что небо синее, огнём пылает борода. С детства живёт в тайге, она для него родимый дом. Сила у Перы немереная, лося схватит за рога

и ведёт его куда захочет. К сосне прислонится – она клонится!

А Лешего вид ужасный! Собачьим мхом он оброс с головы до пят. Уши собачьи, глаза рысьи. Кедром ломал одной лапой. Идёт по лесу – берёзы к земле низко клонятся, птицы из гнезда валятся, звери в логах хоронятся.

Ручищи у Лешего до коленей. К нему не подобраться! Рычит – громкое эхо по всему лесу катится:

– Кто без спросу ко мне в лес зашёл, посажу в мешок и в чёрный омут сброшу!

И Пера решил помочь чудинам. Пошёл в лес поговорить с Лешим. Не договорились. Леший заревел, заорал:

– Давай бороться! Победишь – делай, что хочешь!

И сошлись Пера и Леший один на один. Заспорили: кто сильнее. Нашли дерево метров десяти и давай тягать, кто сильнее. Ничья!

Пера присел на пенёк костюм поправить, а Леший с пикой на него напал! Пера увернулся, из лука стрелой поразил сердце Лешего. Взревел грознее грома Лешак и бросился домой. Добежал и мёртвым рухнул на пол. Пришёл Пера в дом, в подвале освободил людей и сказал:

– Идите по домам и не бойтесь!

Дом Лешего он спалил, а ветер-разбойник распылил пепел по лесам и лугам. И сказал людям Пера:

– Живите, люди, спокойно, ходите в лес, никто вас не обидит.

– Ну как, понравилась легенда?

– Да, дядя Матвей!

А Витя спросил:

– Дядя Матвей, а нынешний Леший, какой он?

– Хороший вопрос. Отвечаю. В лесу Леший – это небольшой старичок, но очень хитрый и умный. И все звери его знают и признают за хозяина. Помогают Лешему гномы, лесовики, даже Баба-Яга. Людей в лесу Леший стремится запутать, чтобы все знали и понимали, что он, Леший, хозяин леса. Бывалые охотники, ягодники, грибники стараются хитрые проделки хозяина леса устранить. На хитрость Лесовика отвечают хитростью. Если заблудился, шапку, кепку поверни назад, а баба платок одень наоборот. И власть Лешего бессильна! А опытные охотники и рыбаки поступают так хитро, что Лешак понять их не может. Стельки в сапогах, в лаптях переложите с левого на правое. И всё! И никогда не заблудишься! А Леший не поймёт, и давай бегать по лесу, деревья ломать, кричать по-звериному. Но всё напрасно!

Охотник и Лесовик

– Был у меня знакомый охотник Парамон Васильевич Архипов. Царство ему небесное – пять годков, как нет его в живых! Родом он из деревни Шированово. Знатный охотник и лесной бродяга. У него была настоящая хватка охотника и неуёмная любознательность к лесному миру. Столько вёрст по лесам прошёл, многим другим никогда не сделать и не осуществить.

А дело было так. В конце лета он искал глухаринные выводки. И зашёл в такие глухие дебри, что самому страшно стало. Сосны и кедры высоченные, чуть ли не до неба. Кругом

болотная топь, гибельные ямы. Он даже засомневался, останется ли он живым. И подумал своей башкой:

– А не Лешего ли это проделки?

Побрёл дальше. Глядь, за деревьями вода заблестела. Ринулся он к ней, бежит, спотыкается, два раза завалился в глубокие болотины. Всё же с трудом выбрался на песчаный бережок. Озеро небольшое. Вода чистая и светлая. Каждый камушек на солнышке играет, каждая травинка к солнцу тянется. И решил Парамон: пойду по берегу озера, всё равно где-нибудь на тропинку наткнуся. Двинулся потихоньку, глянул на озеро, а там лодка, в ней человек сидит. Парамон ему крикнул:

– Дядя, как мне дорогу домой найти? Помоги!

Человек в лодке подъехал к Архипову и спросил:

– Что тебе, мил человек, надобно?

– Заблудился малость. Охотник я. Где-ка дорога домой?

– Откуда ты?

– Из деревни Широфаново.

– Чую я, Леший тебя запутал и сюда привёл. Садись в лодку, поедем.

А в лодке полно рыбы: щуки метровые, окуни огромные, лещи, что стиральная доска у доброй хозяйки.

– Видать, батюшка, место здесь рыбное.

– Не зови меня батюшкой, я тебя не рожал и далее не собираюсь. Рыбка не каждому клюет или в сетку заходит!

– А почему?

– Слова особые надо знать. Тогда с рыбой будешь. И ещё: не зная волшебных слов, скоро утопнешь!

– В этой болотной луже? – возмутился охотник.

– Ну и дурак ты, мужик! Озеро здесь бездонное!

– Пфи, пфи, старик, не ври!

– Сопляк ты ещё со мной так разговаривать. Рот закрой, сопли утри!

Старик взял дорожку, которой щук ловил, прицепил чугунную болванку к верёвке и швырнул в воду.

– А какова длина верёвки?

– Пятьдесят метров.

Дорожка стремительно ушла вглубь озера.

– Проверь, натяг есть?

– Да! Значит, дно ещё далеко.

– А ещё, чтобы здесь рыбу ловить, рыбаком стать, надо знать особые слова.

– А какие? – удивился Парамон.

– Заветные! Не каждому рыбаку они открываются. Вот так, тупая твоя башка! А кто эти слова знает, никогда чужаку не скажет. Хозяйка за болтовню враз утопит.

– А что, на озере хозяйка есть? Кто она?

– Есть! Это огромная щука, она в озере живёт. Длинною около двух метров.

– Неправда! Я о таких щуках не слыхал!

– Мал ты умом ещё, мужик! Видать, недавно с ночного горшка слез. Дело твоё. Хочешь верь, не хочешь – не верь. А пустую ерунду говорить будешь, накличешь беду. Щуку не гневи!

– Понял, понял, дедушка! Подскажи, как отсюда уйти?

– Иди всё прямо, чтобы солнышко у тебя справа было. А домой придёшь, молчи, что здесь видел.

– А кто этот старичок? – спросил Родя.

– Старик-лесовик, сторож этого озера, помощник Лешего.

В гостях у Лешего

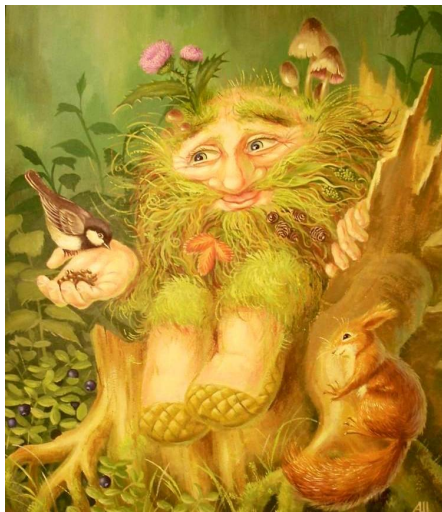
Послушай, какая история приключилась в деревне Бородиной под Кыласово. На самом краю деревни жили Ракинцевы, брат и сестра Михаил и Елена и матушка ихняя Парасковья. Как-то утром посылает Парасковья Елену за водой на речку. Ушла девка с коромыслом и двумя вёдрами. Ушла и не вернулась. Полгода её искали или живую, или мёртвую. Напрасно!

Минуло три года. Матушка после потери дочери занемогла. Всё больше лежала на печи, на улицу не выходила. Просит Михаила:

– Сынок, сходи в Глухариный лог, подстрели рябчика. Сон я видела чудной: иду по лесу здоровая, ловкая, сильная, навстречу Алёна. И говорит она мне: «Маманя, поешь навар от рябчика, сразу поправишься, а меня не жди».

Покачал головой Михаил: «Заговаривается матушка», но перечить не стал. Взял ружьё и отправился в лес. Ходил целый день, рябчика не встретил, пошёл домой, дорогу не нашёл. Ночь опустилась на лес. Осенняя прохлада стала донимать охотника.

Под большим кедром разложил костёр и давай сухие ветки рубить. Искры летят во все стороны, а ветки целёхоньки. Что за чертовщина? Вдруг видит: за ветками кедр-великана засветился огонь. Пригляделся и не поверил: дом двухэтажный стоит, нарядный, из окон свет струится. Затоптал Михаил костёр и пошёл к воротам дома. Навстречу мужичок неопределённых лет, но не старик ещё, борода лопатой, глаза жёлтые, пронзительные. Одет в красную рубаху, чёрные портки, на ногах юфтевые сапоги.

— Заходи, — буркнул нехотя мужик и ушёл в дом.

Последовал Михаил за ним, прошёл коридор и зашёл в гостиную.

— Садись, — промолвил хозяин, и снова молчок.

Видит Михаил, на столе пытит огромный медный самовар, закуска, шаньги, пироги, мёд в туюске. Из

соседней комнаты вышла женщина. Глянул Михаил и обомлел: Елена, родная сестра, проходит и ласково просит:

– Поешь и попей с нами, добрый человек.

Сделал вид Михаил, что не признал сестру, принялся за еду. А

хозяин молча сидит, ничего не ест, не пьёт, только глазами зыркает и лопату-бороду поглаживает.

– Вот что, мил человек, заблудился ты знатно, и без помощи моей тебе дороги одному не найти, – промолвил хозяин и показывает бочонок с вином литров на тридцать. – Если выпьешь его, не выходя из-за стола, то дорогу покажу. Не сможешь, жить тебе здесь до самого гроба. Будешь работать на меня, а работа найдётся.

Ничего не сказал Михаил. Вино пьёт, а сам размышляет: «Сестра у мужика в неволе, и мужик какой-то странный. Буду пить

понемногу вино, чтобы не захмелеть, а утром я незаметно уйду из дома».

Поели, попили. Мужик с Еленой ушли в другую комнату, а ему постелили коврик у порога. «Собак в доме нет, – подумал Михаил, – как хозяин уснет, я в дверь, попробуй меня поищи в лесу».

На рассвете парень открыл дверь, шмыгнул в сени, а затем на двор. Убежал бы Михаил из проклятого дома, да не повезло ему.

Когда проходил мимо кедра, ветки дерева схватили его и опутали ноги. Михаил не растерялся и из ружья выстрелил в дерево. Здрожало могучее дерево,

застонало, кровь полилась струйками на землю. Кедр повалился с огромным шумом. Михаил освободился от веток, выпрямился и опешил: вместо кедра перед ним человек лежит, из руки и ноги кровь бежит.

– Помоги, – захрипел мужик, – останови кровь!

Не успел ничего сделать парень, прибежали хозяин дома с Еленой.

– Ты зачем моего работника изувечил, – закричал мужичок.

– Я не в человека стрелял, в дерево.

– За такие дела надо с тобой очень строго поступить, да заступница у тебя оказалась, – прокричал хозяин и повернулся к Елене.

Девушка упала на колени, подползла к мужичку, обняла его ноги и стала сквозь слёзы просить:

– Не убивай его, не обращай в дерево, это мой брат, пожалей его и меня. Отпусти брата, я навечно буду твоей женой и рабой.

– Хорошо, – тряхнул мужик копной чёрных волос, – будь по-твоему. Через месяц я бы тебя отпустил домой по нашему уговору. Пусть твой брат уйдёт домой.

– Прощай, Миша! – прошептала сестра. – Господь с тобой!

Ухмыльнулся хозяин леса и подаёт Михаилу мешок из красного сатина.

– Бери подарок от меня. Как пойдёшь с ним в лес или на охоту, за грибами или ягодой, домой принесёшь полным.

Внезапно в лесу стало темно, оглянулся Миша: никого вокруг, ни кедра-великана, ни дома Лешего. Стоит он посреди большой поляны, а вокруг шумит взволнованно лес.

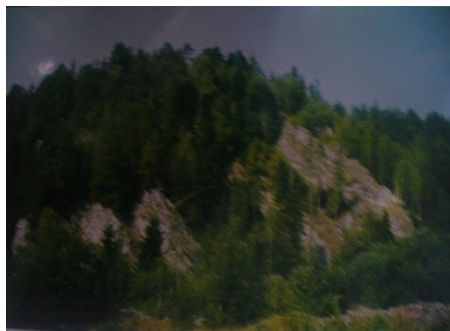
Через полчаса парень вышел к деревне. На краю леса на старой берёзе у озера сидели на ветвях несколько десятков рябчиков. Они не испугались охотника, с любопытством разглядывали его. «Подарок хозяина леса, – подумал Михаил и вспомнил горячую просьбу матери. Эх, была не была, убью одного на варево». Раздался выстрел, и тринадцать рябчиков упали к ногам охотника. «Ну и выстрел! – удивился Миша, – расскажи кому-нибудь, не поверят». Подобрал он рябчиков в красный мешок и отправился домой. И припомнились ему последние слова мужичка: «Про меня дома не болтай, а то тебе будет очень плохо и матери». Так и замолкнул Миша на десять лет.

Шатун-гора

Мать и сын Коняевы, балансируя на ветхих брёвнах, заросших травой и мхом, перебрались на другой берег Обвы.

С левой стороны брода в метрах двухстах набрали мать и сын на прозрачный родник. Над ним возвышалась гора. Густой зелёный ельник от основания и доверху укрывал её от буйных ветров, холодов и жары. В нескольких местах гору пробили неугомонные труженики-ключи.

Они несли свои алмазные воды на соединение с рекой Обвой. За сотни лет ключи вымыли на поверхность не один каменный валун. На вершине горы

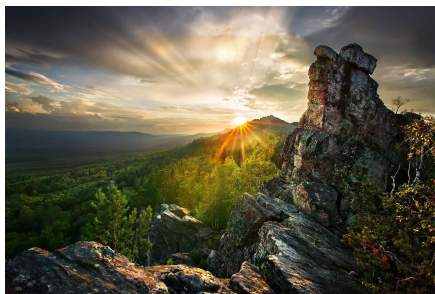
виднелись деревянные постройки, по всей видимости, давно заброшенные человеком. Уловив вопросительный взгляд сына, Вера Петровна пояснила:

– Пришли мы, Андрюша, к Шатун-горе, а там, вдали по течению Обвы, Алёнин омут.

– Мама, почему их так прозвали?

– За дело, сынок! Давай присядем к роднику, водички попьём и хлебушком закусим. Я тебе расскажу одну занимательную легенду. Потом зашагаем дальше.

– Жил на этой горе Мирон Сажин, а как она звалась раньше, не знаю. Охотничал, бортничал, то есть с пчёлами возился, рыбачил. В этих местах, Андрей, главное занятие – охота, рыбалка. Справным хозяином считался тот, кто в лесу отличится, на реке ловит рыбу прибыльно и пашню круглый год обрабатывает. А как без этого? Иначе ты нищий, голодранец, побирушка придорожная. Умные люди в нашей стороне часто говаривали: «Деньги – бумажки, а человек – золото!» Деньги имеют свойство быстро кончаться. Нет их – и тебе конец! Смекалистый и работающий человек никогда не пропадёт: он

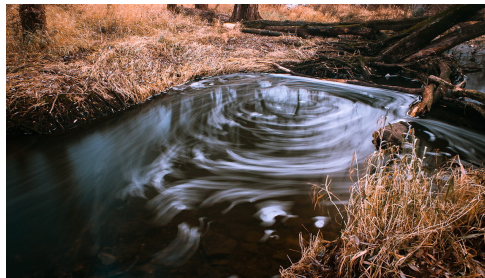

всегда себе копейку заработает. А где копейка – там и рубль! Трудисься всю жизнь – и ты золото! И в этом

главный смысл жизни.

Вернёмся к Мирону. Первые годы он жил не один, был женат. Я его помню уже вдовцом. Прославился вдовец Сажин виртуозной игрой на гармони. А пел так чудесно, что слёзы невольно накатывались на глаза не только наших бабушек и мам, но и нас, сопливых, молоденьких девчонок! Ни одна свадьба, ни одно народное гулянье не обходилось без него. Многие девушки и даже женщины, чуткие и любвеобильные, мечтали связать свою жизнь с ним. А что касается Мирона, он был ко всем равнодушен. И вот однажды заговорили враз во всех деревнях: «Слыхали, лёд тронулся! Бабы бают, Мирон наш, Мирошка, глаз положил на одну деваху, и звать её Алёна!»

Встречались Мирон и Алёна украдкой, но в конце концов всё тайное становится явным – и пошёл гулять слух по всей округе! На чужой

роток ведь не набросишь платок. И все стали ждать, когда молодые поженятся.

Сажин заявился в дом к родителям Алёны. Поклонился, подарки богатые привёз. После откровенного разговора ударили по рукам – свадьбе быть! А через два дня на Шатун-горе произошло землетрясение. Гора тряслась, как в лихорадке, валуны покатались вниз, ломая на своём пути ельник и березняк, из середины вырвалась клокочущая грязная река, она бежала целый день. Погуляла природная стихия на славу: всё подножие Шатун-горы было в камнях, глинистой лаве. Вместо лесной поросли – бурелом. И что удивительно, на самой горе, на вершине, ничего не порушилось! Даже все постройки сохранились! Кинулись люди к месту землетрясения, и с ними Алёна. Большое разрушение всюду, а Мирона не нашли! Долго девушка искала своего милого – ничего! И только у омута обнаружила одежду и сапоги, перепачканные глиной. Где же ты, Мирон? Неужели утоп? Или кто-то постарался? И заплакала навзрыд Алёна: «Как дальше жить?» Целую неделю она ходила вокруг горы по берегам Обвы. А на восьмой день и она исчезла. И странное совпадение: там, где

нашли одежду Мирона, лежали её платье и ботинки. Искали девушку долго и напрасно: и в омут ныряли, и баграми шарили, и бреднем проходили – не нашли ни жениха, ни невесты! Дед Тимофей мне объяснил: омут шибко большой и глубокий!

А у женщин совсем другая точка зрения: Мирон утоп не по своей воле. Пришёл к омуту почиститься, помыться, а может, искупаться. Залез в воду – и был таков: русалки его на дно утащили, а может, и одна, его безумно любящая! Алёна же с горя сама в омут бросилась. Водяной царь никак не проглядывается в этой истории. Русалок в его царстве прудом пруди! Не нужна ему сопливая девчонка! А другие возражали: «Как сказать! Бес в ребро ему вдарил! Увидел девушку и растаял. К тому же русалки ему, видно, прискучили: всегда мокрые, в тине, в зелени, бр-р! Вот и загорелся старик, и Алёну прихватил.

Тимофей Коняев

Старик Тимофей жил с дочерью Аграфеной. Годков ему было семьдесят, но на вид ему эти годы не дать. Шустрый, быстрый на ногу, борода лопатой, глаза умные и хитрые. Посмотрит внимательно на человека взглядом, как рентгеном просветит, – и всё, у него уже верное мнение об этом незнакомце. На здоровье Тимофей не жаловался: ни одного седого волоса, зубы, как у молодого, в больнице никогда не бывал. Про таких в народе говорят: «Здоровье отменное, могучим конём топтать его и не стоптать!»

Единственная и всёпожирающая страсть старика – это охота на зверя и птицу, лося и кабана, которых много в этих заповедных местах. Охотникам-новичкам он всегда говорил:

– У нас дивная охота с давних времён! Возьмём реку Бадью. От неё, если на север двинуться, на Чёрмозский пруд выйдешь. Зверя и птицы не сочтёшь! На запад по лесным тропам уйдёшь – до села Ивановского добредёшь. А если вдоль Камы по тракту на

Чёрмоз или Посад отправишься, картина такая же: одни леса, да ещё какие! Не один год понадобится всю эту лесную красоту с её живностью обойти и познакомиться. Думай и дерзай!

Правнука Тимофей встретил приветливо.

– Пойдём на охоту?

Андрей кивнул головой. На следующий день они днём ушли, взяв с собой ружья, в охотничью избушку. Вечером за ужином старик разговорился и рассказал внуку две удивительные истории.

– В Гражданскую войну служил в моей роте Коля Деревянко, родом из Псковской области. Надёжный товарищ, хороший боец. Разговорились как-то. Оказалось, он тоже охотник, сызмальства по лесам ходит, зверя ищет, в зверя стреляет. По соседству в одной деревне с ним проживал удивительный охотник Николай Ракитин, знаток леса и зверя. Нас, любителей, не моргнув, за пояс заткнёт. Однажды он такое придумал, что нам с тобой никогда не догадаться. Николай пошёл на волка без ружья, с одним топором, и трёх волков взял!

– Не может быть! – засомневался Андрей.

– И я сначала не поверил, а когда узнал, как это было, про себя сказал: «Небывалое бывает!» Только русский человек, способный на смекалку, может такое придумать!

В году это было, чтобы не соврать, 1917-м. Помещики Полежаевы, первейшие по богатству на Псковщине, своё имение бросили и уехали за границу. Народишко местный осмелел и отправился посмотреть, как живут помещики. Управляющего имением вежливо отодвинули в сторонку и давай экспроприировать имущество. За неделю всю усадьбу буквально по кирпичику разнесли. Брали всё, что на глаза попадёт, и домой тащили. Одна женщина по прозвищу Акулька-надомница зеркало двухметровое уволокла. В двери не проходит, окна – амбразуры узкие, пришлось в избу зеркало через потолок опускать. «Хочу, – заявила Акулька, – такой же барыней красивой стать, как наша!» Дура баба! Невдомёк ей, что не зеркало женщину красит.

Николай Ракитин в то время был в Пскове, по делам малость задержался. Приехал домой и понял: опоздал к дележу барского

имущества – остались только рожки да ножки! Проверил чердаки в двух домах и нашёл такие странные вещи, что даже засомневался: брать их или нет? Мужу то полезно, что даёт материальную выгоду, а тут лежат в двух огромных кованых железом сундуках два топора с длинными ручками, сапоги, отделанные блестящим железом, две кольчуги и ещё другие вещи, назначение которых он не знал. Решил обратиться к учителю Сысоеву Виктору Петровичу: «Помоги! Растолкуй, что это за вещи! К чему бы они?» Поглядел учитель и говорит: «Это рыцарские доспехи на двух человек, примерно 16-й век. Александра Невского знаешь?» – «Да кто его не знает! Великий русский полководец, на нашем Чудском озере немцев побил» – «Вот так одевались воины Александра Невского. Надо бы сдать эту старину в музей, но музеи сейчас не работают – революция, все в политику ударились».

«Заберу-ка я это всё себе, – решил охотник, – в домашнем хозяйстве пригодится». Подумал, помозговал и придумал. Позвал к себе племянника Бориса и говорит:

– Хочу на волка охоту организовать. Поможешь?

– А в чём моя помощь?

– Будешь в дозоре с лошадей на санях. Найди звонкие колокольчики на дугу, прицепишь их в лесу, место укажу. А я, видишь эту хреновину, – Николай указал на рыцарские костюмы, – напялю один на себя. Сверху полушубок, валенки, и стану под Манькиной сосной. Будет со мной поросёнок, закутаю его в одеяло и в сумке подвешу на сук с таким расчётом, чтобы волк чуял его, а допрыгнуть не мог. И будет у нас охота на живца. Моя роль в этом представлении топором завалить хотя бы одного серого! Как только я свистну, заухаю, ты спеши сломя голову ко мне, значит, у меня начался аврал, запарка! Усёк, племяш?

– Да, дядя Николай!

– Тогда с богом, поехали.

Борис на лошади отъехал метров на пятьсот, стал ждать. Николай выбрал высокое дерево на краю снежной поляны, повесил сумку на мохнатой ветке и стал ждать волчью стаю. Прошло два часа, охотник молчал,

привалившись к сосне, поросёнок жалобно повизгивал. Наконец Ракитин увидел первых волков. Они минуту постояли и быстро скрылись. «Ага, голубчики, заело вас, – обрадовался Николай. – Голод не тётка, полезете на меня!» Минут через двадцать стая смело вступила на поляну. Впереди шёл огромный волк-вожак. Один из молодых волков дёрнулся вперёд и сразу завалился в снег – это вожак грубо толкнул его и грозно прорычал: «Знай, сверчок, свой шесток!» Стая медленно, с опаской приближалась к охотнику. Всё для опытной стаи в новинку: человек с топором, нет страшного ружья, на дереве живой поросёнок, от его запаха слюни текут. Первой кинулась на визжащего поросёнка волчица. Допрыгнуть не смогла, но получила по морде удар топором.

Неудача волчицы ещё больше раззадорила волчью стаю, и она рванулась к дереву. Николай прижался к сосне и махал топором налево и направо. Если посмотреть со стороны, жуткое зрелище: злобное рычание стаи, вой подранков, смертельный визг поросёнка, громкие крики вперемешку с матом

Ракитина. Он сумел убить волчицу наповал, ранил двух молодых зверей. Но и ему здорово досталось: волки рвали на нём шубу, пытались втоптать в снег. Удивило зверей, что человек не поддаётся их укусам, клыки упираются в непонятную твёрдую кожу. Охотник почувствовал, что силы его на исходе, закричал, засвистел. Борис ударил кнутом по лошади, заорал, выстрелил из ружья и помчался на помощь дяде. Появление второго человека с ружьём стая встретила громким воем и жутким ворчанием. Звери попятились назад, уминая под собой снег. С тоской и злобой уползали они от желанной добычи.

– Ну ты как, дядя Семён?

– Как видишь, жив. Спасибо за скорую помощь! Смотри, какие у меня трофеи!

На поляне лежала матёрая волчица с широко открытыми стеклянными глазами, два подранка барахтались в снегу.

– Сними, Борис, сумку с поросёнком, закутай его в тулуп, боюсь, как бы он не околел.

– Дядя Коля, какие впечатления от такой сумасшедшей охоты? – спросил племянник дядю, когда они выбрались на тракт.

– В гробу я видал такую охоту! Ещё минут пять повременить – загрызли бы меня волчары. Стая была на пределе: поросёнка не достать – высоко, а тут какой-то мужик топором машет! Проверил на себе, другим не советую. К тому же убытки немалые: полушубок в лоскутьях, на валенках огромные рваные дыры. Такая охота опасная!

Вторая история

Жил в деревне Залесной один мужичок Ивашка Сыроедов. И произошла эта история сто лет назад, о ней мне поведал мой дедушка Аверьян Поликарпович. Ивашкой его так уничижительно звали за непутёвую жизнь и сволочной характер. Детина более двух метров, волосатый, угрюмый, необщительный. Буркнет два слова под нос и опять молчит. Может, по молодости он и был приветливым к людям, кто знает, это нам неизвестно. Но общаться с ним было трудно. Глядит зверем, сквозь зубы что-

то рыкнет, замашет руками и уйдёт. Как его жёнка терпела? Звали её Стёпкой, Степанидой значит. Оба Сыроедовы не местные, из пермяков прибыли. Он охотничал, рыбачил, она хозяйство помаленьку вела.

Каждую весну в марте Ивашка уходил на заработки в город. Степанида в слёзы! Слёзы лить – женское дело, привычное. «Будя», – тряхнёт гривой волос, отвернётся, и след простыл. В конце апреля, когда в лесу и деревнях снег осядет, всё поплывёт под жаркими лучами солнца, появляется Ивашка с большим мешком подарков. Обнимет Стёпку, поцелует, зайдёт в избу, и живут они опять вместе. Соседи говорили, Ивашка не бедствовал, возвращался из города с большими деньгами.

И вот как-то по весне, в конце марта, охотники местные организовали большой загон на волков. Знатно поохотились, много серых поубивали. Но самое интересное не в этом. Фома Гуляев прочёсывал Аринин лог и набрёл на волка, лежащего в сугробе. Когда охотник развернул зверя, то у него волосы дыбом встали – шапка на снег, и он за ней! Рот

открыл, хватает жадно воздух, у него кружение головы и слабость. Одним словом, Гуляев свалился в натуральный обморок. Когда очухался, подполз всё же к этому страшному зверю – и снова чуть не брякнулся в обморок! Перед ним двухметровый волк разбросал по снегу огромные лапы, а морда его – Фоме опять дурно стало, вылитый портрет Ивашки Сыроедова. Перекрестился трижды охотник, молитву прочитал, защиты попросил у Богородицы-заступницы. Взглянет на зверя: мордой человек, а остальное всё волчье. Отошёл немного от шока, давай бухать из ружья в небо. Сбежались охотники: «Что бузу, Фома, гонишь?» А как увидели картинку на снегу – враз оцепенели. А у Владимира Гуляева сердечко слабое, пришлось всем обществом откачивать. Плохо ему стало, посинел весь, но всё же обошлось!

Вытащили мужики волка-человека из лога, на сани бросили, и в полицейскую управу. Стёпку позвали на опознание. Она как увидела волка-человека, упала на грудь ему и завывала: «Зачем ты меня бросил, Ванюша!

Зачем ты меня не послушался, мой родненький!»

Оказывается, знала она всё про мужа и молчала. После дальнейших опросов и опознания выяснилось следующее. Ивашка – человек, родом из Кочёво. Жил там под другой фамилией – Анфалов. По молодости сильно согрешил: на бойких дорогах зимой и летом разбойничал, обирал богатых, и бедными не гнушался. Места там глухие, полицейских нету, вот и озорничал Ивашка без страха и сомнения. Однажды встретил на дороге богатого купчину из Кудымкара. Купчина здоровенным был мужчиной. Завязалась промеж них драка. Иван не рассчитал удара, и купец скончался. Вдова купца Анфиса Кочнева поклялась на кресте, что вычислит убийцу и отомстит. Не одну гадалку обошла, пока узнала, кто убивец её родного мужа. А далее пошла по колдунам: «Помогите мне наказать разбойника Ивашку!»

И нашлась такая ведьма-ведунья. И заколдовала Анфалова: «Быть тебе, Ивашка, раз в году по весне натуральным зверем, волком. Из года в год будешь облачатся в

звериную шкуру и жить по лесным законам. Так тому и быть!»

Каждый год весной, в марте, уходил Ивашка из родного дома на четыре-пять недель. Людям говорил – на отхожий промысел, а сам в лес. Приставал к волчьей стае, а позднее даже в вожаки выбился – так он проживал свой смертный грех в звериной шкуре. А после выбирался из леса, человеком становился и шёл на большую дорогу разбойничать. Поджидал богатую добычу, обирал жертву до нитки, и был таков. Но руку на убийство не поднимал: знал, что колдунья следит постоянно за ним. А внутренний голос ему всегда твердил: «Убьёшь человека – волком станешь навсегда!» Поэтому со своими «клиентами» обращался басенько: всех повяжет, уложит рядком, и до свидания! Не поминайте лихом!

Охотник Алексей Романов

Главный зверь чердынских лесов, несомненно, медведь. С детских лет Витя наслушался от бывалых охотников о жизни и

повадках этих опасных зверей. В деревне по соседству доживал свой век знаменитый охотник Родион Ковыляев. Он убил двенадцать медведей рогатиной. Сидя на завалинке, Родион авторитетно говорил:

– Если не уверен в себе, боишься зверя, не суйся в лес. Дрогнула рука один раз – этого достаточно: зверь тебя задерёт и в землю втопчет! Медвежья охота шибко опасная! У каждого лесного зверя есть слабое место. Если Михайла Ивановича неожиданно испугать – убежит Топтыгин позорно прочь, забыв, что он хозяин леса. И ишо поносом изойдёт и про силушку свою забудет!

Жила в нашей деревне бабка Анучиха. На огороде у неё буйно разрослась малина. Старушка каждый год была с ягодой – и варенье варила, ягоды сушила. И вдруг малина у бабки стала исчезать. И она забеспокоилась!

– Ктой-то мою ягоду малину стал обирать и воровать?

И стала она поначалу дежурить:

– Выслежу вражину, дубиной отхожу до полусмерти!

А о медведе не подумала! Наступила ночь, бабка с дубиной засела в кустах. Прошла неделя. А на восьмой день из леса появился Миша. Было это глубокой ночью, безветренно, тьма глухая. И Мишка так увлёкся ароматной ягодой, что не учуял, что кто-то его караулит на огороде. Бабка с гневом и злостью накинулась на вора. И кричала, и била «хулигана». Медведь страшно испугался, бросился прочь из малинника и по дороге изошёл страшным поносом. Добежал до полевой тропинки, рывкнул, завалился в канаву и сдох! Не выдержало сердце!

Вся деревня сбежалась утром на место, где лежал мёртвый Мишка. Неожиданная смерть зверя потрясла всю деревню, а бабка Анучиха расстроилась, заболела. И две недели не ходила в огород!

– Вот что я скажу, Игорь Владимирович. В Чердыни заканчивается география Пермского края. До нас и зверя, и птицу можно посчитать, определить места их постоянного проживания. А далее на север – места не хожены, болота непроходимы, зверь и птица непуганые. Медведи в наших лесах настолько

гостеприимные, что готовы каждому пришельцу руку пожать со словами:

– Добро пожаловать в наши трущобы. Не волнуйтесь, места хватит и зверю, и птице, и человеку!

– Приходилось дело иметь с медведями? – спросил я Виктора.

– Натурально и много раз! – засмеялся Романов. – Помню, я с отцом поехал в лес за дровами, ружья оставили дома. Проехали половину пути. Отец неожиданно толкнул меня в плечо:

– Глянь, Витюха, лось лежит у дороги. Что это с ним?

Я остановил машину.

Пригляделись.

Оказывается, зверь попал ногой в петлю из троса.

Вырваться из лесного плена не

смог. К нему видимо подвалил медведь, задрал его несчастного и давай кушать! Дальше не едем, глядим по сторонам: где притаился

косолапый? Глядь – из ёлушек вылезает Топтыгин, зарычал на нас, помахал передними лапами, рыкнул два раза на прощание, помотал головой, упал на четыре лапы и недовольно утянулся прочь.

– Батя, а если бы он на нас набросится? – с испугом спросил я.

– Сытый он, – ответил отец. – В этом нам определёнno повезло. А может, еще какая причина – мне это неведомо.

– Что будем делать, отец? – осторожно спросил я. – А медведь не вернётся?

Лося мы разделали, оставили только шкуру, голову и ноги. Развернули машину и домой! Друзьям-охотникам срочно сообщили. Они устроили засаду и на следующий день медведя убили. Медвежатиной нас угостили, поблагодарили за то, что навели их на опасного зверя.

Расскажу ещё один случай. Наступила осень, разрешили охоту. Поехал с друзьями в лес. У села Искор на большом поле жители заметили медведя. Он землю рыл, нюхался, одним словом, бродяжничал перед зимней

спячкой. Приехали, обложили предполагаемое место, залегли с ружьями, ждём...

И вдруг едет из Полюда мимо нас пьяный мужик на мотоцикле. Медведь испугался и кинулся бежать по полю. Смотрим – он уже на краю берёзовой рощи, нырнул в неё и затих! Но окончательно не ушёл! Глядь – зверь вышел на край поля, поднялся на задние лапы, помотал головой, рывкнул – и был таков! Позднее я подошёл к берёзовой роще, где Мишка вытянулся во весь рост. Примерился – медведь был огромным зверем, голова его виднелась в верхушках молодых деревьев. Я тянулся, тянулся – бесполезно! Руками не достал! Вот какой был он матёрый гигант!

Волки

Было это зимой. Охотился на куропаток. Заночевал в охотничьей избушке. Утром вышел во двор, присел на крыльцо, закурил. Глядь, на снегу свежие волчьи следы! Сходил за биноклем и увидел вдали целую стаю серых разбойников – семь штук! Никуда не бегут,

нарезают круги вокруг избушки. Одна серая волчица подошла на выстрел и с любопытством смотрит на меня. Взял лыжи и пошёл за ней! Она от меня убегает, близко не подпускает!

– Неужели заманивает? – подумал. – Я один, а их, серых волчар, целая стая!

Плюнул на всё, повернулся и вернулся в избушку.

А вторая встреча с волком прошла по другому сценарию. Ехал по лесу на машине вдоль поля и увидел волка. Крупный, здоровенный, он нагло смотрел на меня. На днях мне позвонил знаменитый охотник Аверьяныч и сказал: «Виктор, к нам с севера

зашли волки – крупные, здоровые, мощные, они крупнее немецких овчарок. Богатая и знатная будет охота!»

Двинулся я за волком, исхитрился, прицелился удачно и запустил пулю в него. Зверя ранил, он испуганно закрутился на месте, снег окрасился алой кровью, и кинулся бежать от меня. В диковинной связке мы пробежали два с половиной километра!

Вижу, волк упал на снег и притих. Я подошёл к нему на расстояние пяти метров, покурил, подождал и решился подойти поближе. Перезарядил ружьё и осторожно наступил лыжей на мёртвого волка. Он неожиданно вздрогнул, приподнялся и зубами, как пилой, напрочь перегрыз лыжу! Я в ответ выстрелил ему в голову. Волк дёрнулся два раза, вытянулся на снегу и умер!

Дрожащими руками я достал сигарету, закурил, подумал и окончательно решил для себя:

– Хватит надеяться на удачу! А вдруг промашка? И что с тобой будет? Не буду я охотиться на волков! Лучше я буду птичек лесных отстреливать, бобров и лис, зайцев в

капкан заманивать, песни тетеревов слушать. С волками конец!

Упрямый заяц

Сентябрь, золотая осень в разгаре, леса стоят в оранжевых платьях с позолотой. В синем небе журавлиный клин, курлыча, пролетает над головой. А у меня прозаическая цель: я еду на машине за дровами по лесной дороге. По сторонам болота с брусникой и клюквой, дорога таёжная, удалённая от людей.

Вижу, передо мной скачет зайчишка по дороге. Я его попытался напугать и согнать с дороги. Напрасно! Он бежит и дорогу не уступает! Два километра позади, а заяц бежит и скачет. Надо что-то делать! Еду по причине зайца тихо, осторожно и благочинно. А надо бы побыстрее. Вылез я из машины, догнал косога, в куртку завернул, спрыгнул с дороги и выбросил у разлапистой сосны. Завёл машину, еду – ничего не изменилось: зверюшка косоглазый опять скачет передо мной!

Проехал с километр, заглушил мотор и кинулся за зайцем. В куртку завернул и очень далеко унёс его от дороги, уложил среди болотных кочек, попрощался и айда к машине! Тронулся в путь, впереди никого! Посмотрел назад: зайчишка скачет за машиной, меня провожает, а машину обогнать боится. Проехал километр, посмотрел назад: чисто, зайца нет! Или он очень утомился, убегая от машины, или передумал обгонять меня. Вот такая забавная история.

Отчаянный заяц

Весна. Бурное половодье. Мы, рыбаки, сидим на острове в шалаше, едим ароматную уху, разговариваем. Вокруг острова вода бурлит, ломает льдины, кружит в водовороте щепки, сучья, старый мох. Смотрим: что за чудо? Мимо нас пробежал заяц. Вид его испуганный, какой-то странный. Мы в

непонятке: откуда такой борзой, точнее больной, слабый и занюханный? Почему он здесь? Что он здесь потерял? Продолжаем есть, закурили. Глядь, а зайка опять прошмыгнул мимо нас. И наконец, я чуть не захлебнулся ухой, косой сел перед нами на задние лапки и что-то невнятно проверещал! Расстояние метров двадцать.

– Каким его ветром к нам занесло? – спрашиваю своих друзей.

А старик Аверьяныч промолвил:

– В шоке наш зайчик: кругом вода, выхода в лес нету. Вот и зверёныш дрожит, трясётся и умишком своим кумекает: беда, скоро вода утянет его, бедолагу, на дно! Пусть посидит малость, сердце успокоится, отойдёт.

Изворотливый заяц

Март месяц. Охотничий сезон уже закончился. Моя собака Пушок отдыхает. Пошёл в соседний лесок срубить жердь, вокруг дачные дома. Собака за мной. Вдруг слышу, Пушок остервенело лает на какого-то зверя.

Кто такой? Кого занесла нелёгкая? Смотрю – а это зайка. Он бежит вдоль забора садового участка, Пушок за ним. Находит заяц вскорости узкую щель, шмыг через неё, и мой Пушок остался с носом. Он в такую щель пролезть не может.

Отчаянный лай, боль и досада! Пушок в ярости! Я иду вдоль забора навстречу зайцу. Он при виде меня закрутился на месте, затем кинулся на крыльцо дома, а дальше хода нет! Бедный зверёк так завертелся на месте, что слетел с крыльца и упал на кучу снега. Что делать, он не знает. А тут Пушок на него набегает, всё же нашёл дырку в заборе, остервенело лает и рычит! И тут косой в очень сложной ситуации проявил смекалку и сообразительность. Он пошёл на меня тараном. Видит, человек без ружья, добежал до меня, метнулся влево. Я за ним с топором, а он круто повернул в другую сторону и проскочил между забором и мною и стремглав умчался вперёд! Только задние ноги оставили мне и Пушку белый фонтан снежных брызг!

И снова медведь!

И напоследок хочу рассказать ещё одну байку. Её услышал от знаменитого охотника Родиона Ковыляева.

«Однажды, это было летом, мой сосед Коля Шипицин отправился за малиной в лес. Малиныросло дивно. Двухведёрную наберуху набрал и домой! Вдруг выбегают на просеёлочную дорогу два медвежонка и к нему кинулись играть! То сзади по спине царапнут, то сбоку налетят. Коля идёт и по сторонам внимательно глядит: где мать-медведица? А вот и она! Идёт вдоль дороги и тихонько рычит:

– Только попробуй моих деток обидеть! Не поздоровится!

Шипицин и так знает, что с ней нельзя шутить! Порвёт на части! В молодые годы ходил на медведя и с рогатиной, и с ружьём. Повадки медвежьи изучил, как таблицу умножения! Полтора часа бедолага брёл домой, а медвежата так разыгрались, что изорвали на нём курточку, рубашку разделили на ленточки. Был в брюках – остался в трусах. Идёт, деревня

уже близко, слышны бабьи голоса, петухи поют, трактор застрекотал. Это испугало медведицу. Она грозно рявкнула, и медвежата кинулись к ней. А потом они скрылись вместе с матерью в густом ельнике. Два часа сидел Шипицин на окраине деревни, пока не стемнело. Он почти голый, что подумают люди! Затем зашёл в дом. Жена Авдотья, как увидела его в таком «неглиже», ахнула, замахала руками и молча съехала на пол».

Вот такая история!

Медвежьи забавы

Посвящаю А.С. Шишкину, Леониду Михалеву.

Багровый закат стремительно уходил за горизонт. Белёсый ночной туман мешал нам преодолеть болотистую лягу, путался под ногами, холодными щупальцами залезал за рубашки, вызывая озноб. Вязкая грязь замедляла наше продвижение вперёд. Мы спешили на Каму в надежде застать на берегу

случайную лодку. Напрасно! На песчаном берегу лениво играла камская волна. Река раскинулась привольно среди берегов, охваченная крепким сном. Кое-где влево у Бургана и справа у Палкино мигали приветливо фонари бакенов.

– Георгий, ждёт нас ночка у костра, – сказал мой спутник, сбрасывая с плеч тяжёлый рюкзак на землю. Последовал его примеру и я.

Позвольте познакомить вас с моим спутником. Егор Нечаев, бывалый рыбак, первейший охотник на всю чёрмозскую округу, от Ивановского до Верхнего Луха. Двадцать медведей повалил за свою бродячую жизнь. И вот с этим следопытом пермской земли возвращался я с озера Глубокого, где ловили щуку.

Познакомился с ним на закамских лугах. Он пришёл на свой покос, а я по найму косил с братом траву Ивану Палкину по соседству. Ночью, когда комар одолел, сошлись мы у костра, разговорились, а позднее, уже в Чёрмозе, подружились. Жил Нечаев у полей, на улице Белинской, родом был из деревни Романово. Там в лесах начиналась его

охотничья биография. И в дальнейшем вся жизнь была связана с лесом – то егерь, то лесник. И так до самой пенсии.

В котелке уваривалась небольшая щучка, рядом на углях кипел чайник, шумно выбрасывая пузыри.

– Давай, Георгий, вечерять, – позвал Егор меня, зачерпнул ложкой золотистый навар, поднёс её ко рту и остановился. – Чу! Собака слаяла, ещё кто-то запоздал нонче.

Через пару минут на песок выкатился белый лохматый комок, встал в воинственную позу, но прозвучала резкая команда: «Цыц!» Собачка завиляла хвостом и бочком стала обходить нас. Молодой мужик лет тридцати с литовкой на плече подходил к нам.

– Здорово живёте!

– И вам тоже с кисточкой, – отвечал Егор. – А, старый знакомый. Здравствуй, Андрюха! Знакомься, Георгий, Андрей Кыласов с Увалу. Траву косил?

– Да, дядя Егор. Вчерась смену отстоял на мартене и сразу на Каму. Отмахал покос, вот и тащусь до дому.

– Садись. Вместе коротать время будем. Сено я уже поставил. Вот с Георгием на рыбалку ходил на щук.

– Ну и как, удачная рыбалка?

– Знатно половили!

Передо мной в одно мгновение прошли радостные часы охоты на щуку. Да-да, я не обмолвился! Пришли мы под Гари в полдень. Небольшое озерко соток двадцать прижалось к сосновому лесу узорчатой подковой.

– Давай, Георгий, руби два шеста для багров, я пригоню плотик.

Выехали на середину. Малёк огромными косяками нежился на поверхности под лучами солнца.

– Смекай щуку. На малька не гляди.

Огромная рыбина лениво всплыла у камышей. Нечаев выстрелил, и первая щука, судорожно ударив хвостом, всплыла кверху брюхом.

– Цепляй багром! – командовал Егор.

Часам к пяти мы выбрались на берег, достали соль, отрезали головы у щук, повыбрасывали кишки, посолили внутренности.

– Хороша рыбка, – одобрительно сказал Нечаев. – Пельмени, пирожки, да отвари просто, а потом с хреном, картошкой. Вкуснота!

Каждому досталось по девять щук, килограмм по двадцать на брата. На обратном пути заглянули на покос к Нечаеву, поправили зарод, остожье. И эта непредвиденная заминка задержала на час. Так мы опоздали на перевоз.

– Георгий, – прервал ход моих мыслей Егор. – Допивай чай и айда сказки сказывать. Где правда, а где неправда, сам кумекай.

– О чём баять будем? – спросил Андрей.

– А давайте про медведей, – предложил я.

– А ты медвежьи истории знаешь, Георгий? С тебя, чур, тоже история. Если небывальщина, то давай по книге, ты у нас человек учёный.

И припомнил я удивительную встречу на пароходе «Софья Перовская». А.С. Шишкин, шахтёр из Губахи, добирался до Ильинского к сыну. Рассказчик редкостный, и вот такую медвежью историю он мне поведал на перегоне между Полазной и Слудкой.

«Я паря не местный, не уральских кровей, из-под Троицка, на границе с казахами. Места там степные, лес и кустарник растёт по балкам, а всё остальное – ковыльная степь. Попали мои родители под раскулачивание, а всего-то была старая кобыла. Из-за неё нас, бедолаг, на поезд – и в Губаху, на реку Усьву. Посёлок построили среди леса и в шахту полезли. В свободное время в леса уходил, дивился природе Урала. Друзей завёл, все они лесники, егеря, охотники. Как-то прибегают ко мне домой соседские ребята:

– Дядя Саша, дяденьки из леса медвежат привезли, пошли посмотреть!

Выхожу за ограду, мои дружки говорят:

– Бери, Степаныч, на воспитание Топтыгина.

Загорелся я. Авось, на что-нибудь и годен. Беру медвежонка. Подращу, а там видно будет. Так и зажили мы с Мишкой душа в душу. Летом он всегда со мной, привязался, как ручная собака. И ласковый, и добрый, и не только ко мне, но и ко всем людям и животным домашним. Зимой я в рубленом предбаннике соорудил лежанку. Завалится медвежонок в

свою «берлогу», лапу сосёт во сне – так и зимует.

Любил Мишка со мной на мотоцикле ездить. В люльку залезет, сядет, как человек, и едет с ветерком, как важный барин. Я в пивную – он за мной, я в магазин – и зверь тоже. Смешных историй с ним было немало. Как-то едем из шахты в Губаху. Мишка в люльке дремлет. Заглушил мотоцикл и ушёл в лес. Слышу – крики, мат несусветный. Что случилось? Выбегаю на дорогу. На столбах два мужика-связиста (сеть проверяли) глядят вниз и трясутся. Ещё бы, Мишка вокруг столбов ходит, с ними знакомство завязывает. Позвал я его, он прыг в коляску и поехали. Один из мужиков бормочет: «Нечистая сила, нечистая сила, не верю». На четвёртый год друг мой заматерел, давай просить подругу. Я кинулся к учёным в Пермь. Нужда у него природная, ничего не поделаеть. Я к циркачам обратился. Спасибо доброму человеку, нашёлся один, дядя Ваня, дрессировщик, забрал его к себе и увёз. И более я своего друга не видал».

– Славно рассказал, – одобрил Егор. – Расскажу и я о моём первом медведе. Жил я

тогда в Романово, в колхозе робил. В свободное время ружьишко за плечо и в лес за рябками, косачами. Была у бригадира нашего лошадь выездная, вся в яблоках, резвая и лёгкая на ходу. Жатва на полях началась, бригадир лошадь забросил, отправил на луга пасти. Через пару дней прибегает пастух в деревню:

– Бяда, лошадь бригадирову медведь задрал.

Пошёл я с мужиками на медвежью пакость посмотреть. Обошёл всё вокруг, следы обследовал, и вот какая драма развязалась на лугу, на опушке леса. Медведь подстерёг кобылу, вскочил ей на спину и давай передними лапами лён ей ломать, морду к шее заворачивает. А задними лапами оплёл лошадь, мешая ей бежать. А она, бедная, в ельник рванула, чтобы со спины мишку сбросить. А он, зараза, за ёлушки цепляется, не даёт ей скорость набрать. Веришь, Георгий, какая сила у зверя, если ёлки по два метра высотой и более с корнями вырывал, чтобы кобылу затормозить. И так он её уморил, а потом шею заломал. Поел кое-что мягкое и вкусное у

лошади, ветками забросал и ушёл. Решили мужики сделать лабазы и зверя укараулить.

Лабазы они сколотили уже без меня. Я два дня в командировке был, за запчастями от МТС ездил в Пермь. Вернулся, спрашиваю:

– Убили медведя?

– Нет, – отвечают. – Две ночи сидели, зверь не вышел.

Отправился я с ними на третью ночь. И зря. Охотники они неопытные, на лабазе сидят, курят, переговариваются. Медведь – зверюга чуткий, его на мякине не проведёшь. Слышит он нас и не выходит!

Утром, когда все с лабаза слезли, я и говорю:

– Больше не ходите, медведь вас чует. Я один справлюсь.

Ушли мужики. Я изладил три петли из троса, замаскировал – вечером проверю. Вечером на закате подхожу, и вдруг меня кто-то кольнул в сердце, и так чувствительно, тревожно вдруг стало. Что же это значит? Оглянулся – метрах в пяти стоит огромный чёрный медведь и злобно следит за мной. Вскинул я ружьё и выстрелил. Медведь

повалился и затих. Погоди, зверюга, меня не проведёшь! Слышал я, много охотников «покупалось» на медвежью хитрость. Зверь так искусно притворится мёртвым, но подойдёшь поближе, он вскочит и на тебя. Прощай, охотник!

Я сделал два шага и выстрелил медведю в голову. Когда подошёл поближе, то увидел, что задняя лапа у него застряла в петле. Вот почему он не бросился на меня. Счастье моё охотничье! Ведь какой зверь сильный, он почти весь трос за день перегрыз, одна проволочка осталась. Если бы меня он опередил и опоздай я с выстрелом, он рванул бы проволочку, порвал её легко и так же легко со мной справился. Мне, неопытному медвежатнику, с ним не совладать. Счастье улыбнулось мне, а не зверю. Рассказал я в деревне эту историю, мужики только головой кивают: в рубашке, мол, ты, Егорша, родился.

Егор Нечаев свернул сигарку, набил её быстро самосадам, затянулся и продолжил:

– Этим же летом, точнее, уже по осени, в начале октября, повадился к нам ещё один косолапый. По дороге на Кыласово у Сухого

Лога на луговине пасли телят. Скот ночевал в лесу, в загороди. Медведь сначала задрал одного телёнка, через неделю второго. Бригадир ко мне:

– Егорша, спасай телят. Иначе придётся сниматься оттудова, а отава там шибко баская.

Взял я ружьё и к пастухам, где разбойничает медведь. Показали мне это место. Большой луг огорожен жердями со всех сторон. Мишка зайдёт из леса и гонит всё стадо в глухой угол, к развалившемуся сараю. Выбирал среди обезумевших телят жертву и задира.

Засел с вечера в сарае. Ночь была ветреная, с морозцем. К утру окоченел, но стойко ожидал кровавой развязки. Под утро, когда северный ветер сменился холодным дождём, стадо с тупым отчаянием пронеслось мимо меня и сбилось в страхе в углу у забора. Мелькнула тень медведя. Он мчался на четырёх своих лапах огромными скачками. Я прицелился, выстрелил, еще у меня была двустволка. Зверь рявкнул и кинулся на забор. Жерди разлетелись, как пушинки, и мишка исчез в лесном тумане.

Когда рассвело, я пошёл по медвежьему следу. Крови не было на земле, но я заметил, что зверь уходил очень тяжело. Побежал в деревню Дурчата к Семёну Можаяеву попросить собаку-лайку. Хозяйка пояснила:

– Вчерась уехал в Чёрмоз и не вернулся. Собака при нём.

Мне ничего не осталось, как пойти домой. На следующий год, весной, я с бригадой лесорубов прореживал просеку в этих же местах. Шёл за мужиками с бензопилой, подрезал деревья. Бригадир Алёша вдруг громко закричал, засвистал:

– Егорша, иди к нам, медведя твоего обнаружили!

Под корнями огромной вывороченной медведем ели виднелись череп и кости. Ранил я зверя, видимо, крепко. Почувствовал он, что слабеет, сделал себе берлогу и залёг навсегда.

Нечаев подкинул сучья в угасающий костёр и обратился к Андрею:

– Начинай, Андрюха.

– Что касается меня, я и лес люблю, и с ружьём побродить, но с другой целью. Видите ли, с малых лет увлёкся пчёлами. В нашей

деревне жил знаменитый пчеловод Селивёрст Оборин. Держал в огороде не более десяти ульев, а в лесу чурок-дуплянок имел немереное количество. И загорелся я мечтой стать вторым Обориным. Пришёл к нему и прошу:

- Дядя Селивёрст, подари чурку.
- На что тебе, парень?
- Хочу пчелой заниматься.
- Уговорил, – отвечает старый пчеловод.

Пошли в лес. И отдаёт мне дупла с пчёлами. Расставил я их на опушке вблизи деревни и стал наблюдать. Осенью снял первый урожай. Так пошло-поехало. Года через два у меня дуплянок во всех лесах много было. И первым нарушителем моего труда оказался медведь. Стал он по чуркам лазить, мёд воровать. Пришлось мне встать на охрану своего труда. Немало они, косолапые, мне крови попортили, ну и я им взаимно.

Прошлым летом у Новосёл на пасеке месяца два с медведем воевал. Медведь небольшой, рыжий муравейник, но очень способный на всякие хитрости, пакости, страшный любитель мёда. Весной и в начале лета на пасеку никто не захаживал, а вот когда

первый мёд созрел, тут мишка и пожаловал. До этого он, я думаю, провёл хронометраж моего рабочего времени. Утром я приезжал на мотоцикле, вечером часов в пять уезжал домой. Ночных сторожей не было. Это косолапый просчитал и на заметку взял. Я домой – медведь на пасеку. Я днём дежурю – мишка ночью. Я мёд умножаю, а он улья зорит и брюхо медком набивает. Каждую ночь два улья опрокинуты и очищены. Я ночью с ружьём – медведя нет. Так прошло полмесяца. Я взмолился: назначайте ночных сторожей, а то я на ходу сплю, и работа днём не ладится.

Дали мне ночного сторожа, деда Евгения Николаевича Дуракова. Договорились с ним, как он зверя будет пугать, повесили на зимовник рельсу, на домик пчеловода банки консервные на проволоке. Заходит медведь-грабитель на пасеку – шуми, стучи, свисти, пугай зверя. Уехал я, оставил деда.

Наутро приезжаю на пасеку и вижу такую картину. Валяются три улья пустые, рамки разбросаны, пчёлы потоптаны, на верёвке висят штаны, рубаха Дуракова, сапоги положены на поленницу дров, на печке-

буржуйке застыла несъеденная сковородка жареных грибов. Что со сторожем? Неужели его медведь сожрал? Кричу:

– Евгений Николаевич!

Никто не отзывается. Заглянул в зимовник: нашёл его в углу, в маленькой комнате. Дураков дверь забаррикадировал столом и железным чаном.

– Что стряслось? – кричу ему.

– Ноги моей больше не будет! – слышу в ответ. – Чуть не задрал он меня!

Я ему:

– Собака у тебя есть?

– Есть, сучка Жучка.

– Возьми её с собой, медведь на пасеку не пойдёт.

Договорились. Днём я, ночью Евгений Николаевич с двумя собаками (кобеля в аренду взял у соседа). Так мы морили медведя недели три, не подпускали к мёду. Но косолапый, не будь промах, нашёл лазейку. Я домой в пять часов, Дураков заступал в восемь вечера, хитрюга стал пробираться на пасеку с пяти до восьми часов. И опять разорённые улья.

Как-то поехал я домой, уже свернул на тракт, и вдруг вспомнил: фляги не закрыл с мёдом. Возвращаюсь, а он, разбойник, уже на пасеке медком балуется. Прогнал его, зверюга утянулся в лес. На следующий день я к Дуракову:

– Евгений Николаевич, собирайся, будем мишку ловить.

Приехали на пасеку в три часа дня, сидим у стола, ружьё я на лавку положил. В начале шестого в сосняке ветки закачались. Ага, идёт сладкое брюхо за добычей! Любитель мёда подкрался неслышно к краю пасеки, встал за сосны и наблюдает за нами. Соображает своей башкой: как это хозяин пасеки (это он про меня) оказался здесь в неурочное время? Я за ружьё, зверь отскочил в сторону и драпать. Тут я его и засёк! Пуля попала ему в спину, перебила позвоночник. Бедный мишка передними лапами скребётся, еле-еле ползёт, задние не шевелятся, не работают. Кричу Дуракову:

– Выходи смотреть нашего обидчика!

Старик, как медведя обнаружил, убёг в старое потайное место.

– Не верю, – твердит он. – Это ложь голимая!

– Выходи, не бойся! – успокаиваю деда.

Подкрался я к медведю и ещё раз выстрелил в ухо. Вздрогнул медведь, закрыл глаза и вытянулся. Так закончилась канитель с медведем-сладкоежкой. Жалко мне его стало, а потом подумал: если бы сила была на его стороне, он бы меня не пожалел, и Дуракова тоже. Зверь – он и есть зверь, не более.

Освеживали мы его, поделили мясо между собой, килограммов сто тридцать чистого мяса получилось. Дураков мясом полакомился, а я, ротозей, его проквасил. Гости понаехали из начальства, то да сё, хватился на второй день, а медвежатина с душком. Пришлось выбросить всё в реку: пусть налимы и щуки жируют.

– Да, – сказал Егор Нечаев, – встретился с медведем с глазу на глаз, так и знай, есть только два конца: или ты его, или он тебя, третьего не дано. Или бывает ни то, ни это, но это редкий случай.

Сказал Егор, словно в воду глядел, что так именно будет ровно через год с ним, но об этом позже.

За разговорами ночь пролетела незаметно. На востоке тёмно-синие облака, нависшие над нами, стали бронзоветь и краснеть, краешек солнца робко выглянул из-за туч. В синеве неба над нами обозначилась яркая полоса света, похожая на узорчатую причудливую лестницу, по которой отдохнувшее за ночь дневное светило, шагая по ступенькам, пойдёт к своему зениту. Подул свежий ветер, кусты и верхушки деревьев закачались, зашептались друг с другом. От чёрмозского берега одновременно отвалило два шитика. Трудовой день взял разбег. Через два часа мы были в Чёрмозе.

Через год я снова приехал летом на студенческие каникулы. Прошёлся по Сталинской, Ленинской улицам, заглянул в сквер у клуба металлургов. На скамье сидел пожилой мужчина, дымя самосадом, костыли лежали у него на ногах. Пригляделся: неужели Егор Нечаев? Не может быть! Трудно представить отважного охотника с костылями. Не ошибся! Это, несомненно, он!

– Здравствуй, Егор Петрович!

– Здорово, Георгий! На каникулах?

– Да. С вами что-то приключилось? Почему с костылями?

– Не поверишь, тот самый редкий случай, о котором я сказал год назад за Камой на берегу. Сорок первый медведь заставил взять в руки костыль.

Складывалось всё как бы удачно. Медведя нашли, подняли. Он бежать, мы за ним. А зверь, оказывается, заманивал. Со мной был Ерофей Питкин – охотник не промах. А вот промахнулись мы оба! Бросились за косолапым в погоню, а он не один. Это мы узнали, когда на нас второй выскочил. Ерофея он звезданул, ружьё вырвал, заметнул в кусты и на меня попёр. Я ему в морду заряд вlepил. Дальше, как в замедленном сне: ружьё он у меня вырвал и сломал надвое, кровь из морды медвежьей фонтаном бьёт, а он ещё сильнее стал на меня наседать. Что мне делать без ружья? Только сигать. Кинулся я на ёлку, кверху карабкаюсь – зверюга тут как тут! Хрясь по ноге и давай драть кожу с мясом. Еле оторвался я от него и уполз на верхушку дерева. Медведь взревел и отскочил от ёлки. Чую, смерть моя приближается. Но не

растерялся, собрался с силами, рубаху разорвал на полосы, ногу затащил, чтобы кровь остановить.

Через час, оглядевшись хорошенько, слез

с дерева, ищу Ерофея – жив курилка!

Медведь его не шибко помял. И

поплелись мы, горе-охотники, из леса. На

дорогу выбрались, навстречу машина-

полуторка из Чёрмоза бежит. Подобрали

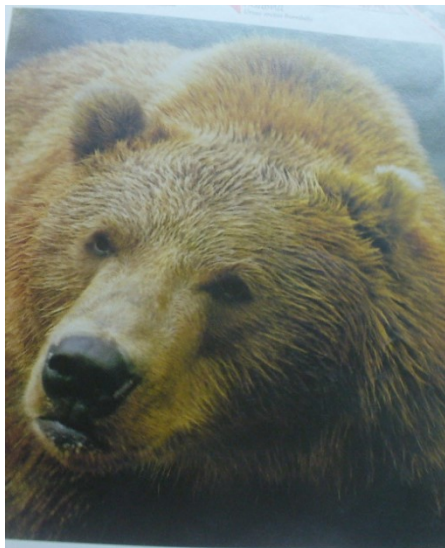
нас, и в город, в больницу. Вот и

лечимся потихоньку.

Ерофей уже почти здоров, а у меня нога медленно заживает. Ну

ничего, раз живы, то не помрём, дальше будем землю родную топтать. Как видишь, успеха

нет, старость подошла. А медвежья забава, Георгий, шутка серьёзная и опасная.

Жулька

Осень 1976 года меня поразила сильными морозами и отличной рыбалкой. Помню Лёвшинский порт 13 октября. Я возвращался в Чёрмоз из командировки. Быстрая посадка в «ракету», и мы отправились в путь. В салоне я заметил Георгия Борисова. Подсел, разговорились.

Несколько слов к портрету Георгия Фёдоровича. Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, после демобилизации учительствовал во многих школах Чёрмоза. Прекрасный физик, глубоко образованный, обаятельный и творческий человек. У Борисова было две страсти: техника и рыбалка.

Рыбак Георгий Фёдорович был удивительный. Если бы присуждали Нобелевскую премию лучшему рыбаку-любителю, то я бы, не задумываясь, отдал ему. Это был профессор рыбной ловли, рыбак редкой штучной породы. Я спросил у него, когда он рыбалкой увлёкся.

– После войны, – сказал. – В то время рыбу ловили в тёплое время года на удочки,

мерёжи, морды, другие летние снасти, а зимой по льду охотников не было. «Нет дураков носы в стужу морозить», – говаривали бывалые рыбаки.

Учился искусству зимней ловли с двумя-тремя товарищами в городе. На нас смотрели как на чудаков, бездельников, у которых дома работы нет. Блѣсны сами мастерили, с леской были трудности. Ну ничего! Всѣ одолели, всему научились. А в летнее время у меня тоже были проблемы. Учился у знатных рыбаков, книги читал, сам придумывал.

Помню, поженились с Татьяной Михайловной, корову купили. По молодости всякое бывает у молодожёнов. Никак не могли с женой отрегулировать животрепещущий вопрос: кому сегодня рано утром вставать, корову доить, в стадо гнать. Таня мне утром: «Иди, Горя, подои за меня, а я ещё полежу». А я вместо коровы в лодку и в запруд за лещами. Гребусь в лодке, сердце сладко ноет: сегодня непременно леща поймаю. Напрасно! Неумѣха был, опыта мало. Как приеду домой, Таня и говорит: «Где рыба, где ты пропадаешь? Я здесь с раннего утра с коровой, а ты культурно

отдыхаешь. Ни рыбы, ни отдыха мне. Так и знай, мой любимый, если за два утра не поймашь рыбу, конец рыбалке, и доить тебе корову всё лето по утрам и вечерам». Как ни старался, в первый день приехал с пустыми руками. На второй день взял с собой на утренний клёв Семёна Шипицина. И в это утро заудил я всё же небольшого подлещика. Гребусь обратно в лодке и думаю: «Не поверит мне Таня». И прошу Семёна: «Спросит жена моя про рыбалку – подтверди, что сам я поймал». Таня при виде рыбки страшно удивилась:

– Где купил? К чему такой обман?

Пришлось позвать Семёна, спасибо, он меня выручил! Таким способом утвердился в звании рыбака-любителя в семье.

– А второй случай, – Георгий Фёдорович на минуту задумался, – запомнился мне, когда поехал ловить щуку. Чёрмозский завод закрыли, а на Иньве на затопленных водою лугах вышла щука в огромном количестве. Весь Чёрмоз кинулся туда за рыбой. Решил и я. Сел в лодку, завёл «Стрелу» и отправился за добычей. Под крутым берегом села Усть-

Иньвы догнал Чуприянова Ивана Александровича. Он только что спустился по берегу из села.

– Куму Зинаиду попроведывал, – пояснил он. – Куда путь держишь? На Турьямор?

– Там видно будет.

– Будет так будет. Поехали!

Через полчаса мы бросили якоря в маленьком заливчике. Клёв был превосходный, щука жадно заглатывала блёсны. С первой щукой я провозился минут сорок, все руки исколол, пока вынул из зубастой пасти её блесну. Не бросать же рыбину обратно в воду. Посмотрел на Чуприянова, как у него дела, и удивился: четыре щуки лежали на дне лодки, чистые поленья!

– Иван Александрович, – поинтересовался я. – Околдовал ты что ли рыбу? У меня одна, а у тебя четыре!

– Смотрю я на тебя, Фёдорович, щуку ты не лавливал да повадки еённые не знаешь. Голыми руками её не возьмёшь, ещё сноровка нужна. Одними руками и блоху поймать трудно, а ты щуку! Щука – она хитрая и опасная бестия. На неё у меня инструмент

приготовлен. Вот деревянный молоток. Заволок рыбину, и по башке бряк! Готова, и не шеперится! А плоскогубцы зачем, говоришь? Блесну из пасти вырвать. Ты что, голыми руками блесну тащишь? – покачал головой Иван Александрович. – Ты, парень, не шути, без руки оказаться можешь. Кыласова с Белинской знаешь? Правильно! Прозвище «сундук». Сунул этой разбойнице руку в пасть и полгода руку на привязи носил. Вся разбухла до плеча, чуть хирурги её у Петьки не отрезали. На, возьми запасные плоскогубцы и будь осторожен!

После урока Чуприянова рыбалка моя пошла весьма успешно, и к вечеру двенадцать щук радовали мой глаз. В тот памятный день до меня реально дошёл внутренний смысл русской пословицы «Без труда не вынешь и рыбку из пруда».

Нашу беседу прервало срочное сообщение команды «ракеты»:

– Уважаемые пассажиры! За бортом теплохода восемнадцать градусов. Судно идёт только до Чёрмоза.

– Морозит крепко, – заметил Георгий Фёдорович. – Через неделю можно выходить на лёд.

– Рыбак вы отменный, а как охота? Любите побродить с ружьём по лесам?

– Дел много дома и на работе. Жаль время убивать на охоте. А стрелок я неплохой. Война проверила и доказала. На учебных стрельбищах и в бою был в первой пятёрке. Чудная история приключилась со мной на фронте. Ушёл на войну в очках, пришёл без очков, с отличным зрением. Очки помеха, если ты в очках живёшь и в атаку ходишь. В одном из боёв очки потерял. А где взять другие? Война... Харчи не каждый день были. А тут мелочь какая-то – очки, с точки зрения старшины. Так и приспособился воевать без окуляров. Демобилизовался, отдохнул и зашёл к окулисту за очками. Осмотрел меня врач и говорит: «Очки вам, молодой человек, не нужны, единица на оба глаза». Хотите – верьте, хотите – нет!

– Давайте, – предложил Георгий Фёдорович, – расскажу, как стал охотником поневоле. Кончался август. Последние дни

месяца были удивительно яркими, солнечными. Во всё небо голубая лазурь, ласковый ветерок рябит зеркальную гладь пруда. Эх, прокатиться бы сейчас на лодке!

– Таня! – кричу. – Я поехал за пруд мох заготавливать!

– Смотри, долго не езд, вечером идём в гости!

Мох я заготовил ещё на прошлой неделе. Была задумка пробежаться по лесу с корзиной, белых поискать. Вылез из лодки, подтянул её к берегу – и в лес, на широкие поляны. С час ходил по «оборкам» – одни ножки, гнилые шляпки. Пересёк полусухую лягу по жёрдочкам, которые нарубил из сушняка, и вышел на островок. Бог мой, что я там обнаружил! Красноголовки, белые сплошными рядами смотрели на меня, но все они были перезревшие, гнилые. Прошёл ещё одну лягу и нарвался на такой косяк коровяков, что даже пожалел, что не взял с собой мешок или кузов. Как говорят опытные грибники, пришёл, черпнул и домой! С белыми грибами двинулся другой дорогой и забрёл в густой можжевельник. Смотрю, в самой чаще на мху

лежит гигантский глухарь фунтов на пятнадцать, яркой ослепительной окраски. «Мёртвый, – мелькнула мысль, – а может, подранок?» Наклонился, чуть-чуть дышит, видимо, не жилец. Одно крыло перебито, из груди сочится кровь. Решил прибрать его. Скоро вышел к лодке, бросил глухаря на корму и ушёл в лесок мох проверить. Возвращаюсь и вижу: Сашка, мой племянник, стоит сам не свой:

– Дядя, как ты глухаря завалил, ружья-то у вас нет?

– Заколдовал я его! – смеюсь. – Мне все звери и птицы подвластны. Ты смотри, как экипирован: и патронташ, и новая двустволка, болотники, и одежда сшита на заказ, а добычи нет.

Посмеялся над ним, потом глухаря ему и отдал. А зачем мне он? Мне бы грибы как следует обработать по приезду домой.

«Ракета» глухо ударилась о помост.

– Приехали, – кто-то крикнул в салоне.

Вышли на палубу. Леденящий ветер гнал свинцовую волну на берег. На небе вызвездило. Подумалось: два-три дня такая

погода постоит, можно рискнуть на речку Пожевку съездить за окунями. Я распрощался с Георгием Фёдоровичем и договорился: как лёд на Каме нормально схватит, поедем рыбачить на Дурницу.

Весь октябрь погода стояла морозная, бесснежная. В середине ноября среди рыбаков Чёрмоза прошёл удивительный слух: на Косьве окуня крупного тьма-тьмущая, снасти рвёт, рыбак-новичок без труда заловить может десять килограмм, а бывалые рыбаки в пять-шесть раз больше. Ажиотаж и волнение чермозян быстро сменилось деловитым натиском на косьвинские просторы. На мотоциклах, аэросанях, буранах, а позднее на автомашинах легковых, даже грузовых, двигался рыбацкий люд за окунем.

В одну из поездок на Косьву меня удивили кыласовские рыбаки. Они лихо пересекали водохранилище на тракторе «Беларусь». Всё, что могло двигаться по льду и перевозить любителей-рыбаков, было брошено на подлёдный лов. Мы с Георгием Фёдоровичем тоже собрались на Косьву. И в этом деле незаменимой палочкой-

выручалочкой стала школьная кобыла Жулька.

Небольшого
росточка, резвая,
сильная, она за два
часа доставила нас к
месту рыбных
баталий. В ноябре, в
последнюю субботу,
уезжали мы на
Косьву. Школьный
конюх Пётр

Солдатов, отдавая Жульку, всегда наставлял:

– Бойтесь ключевин, провалиться можно!

Итак, мы в пути, нас трое: я, Георгий Фёдорович и Лёня Таскаев. В десять утра Жулька нас доставила на косьвинские луга. Тёмная линия рыбаков чётко указывала, где протекала Косьва. Река делала немислимые повороты, уходила вперёд, возвращалась назад, ныряла в сторону. И везде, где было русло, сидела, припав к лункам, рыбацкая братия, похожая на полярных пингвинов, которые выбрались из воды на лёд, чтобы погреться на солнышке и вдохнуть бодрящего морозного воздуха.

Первые лунки, первые окуни. Как раньше и как всегда. Я попытался посчитать, сколько же рыбаков добралось до этих заветных мест. Дошёл до тысячи и сбился со счёта. Местный житель из деревни Бор как-то в разговоре со мной пояснил:

– В отдельные дни собиралось на Косье до четырёх тысяч любителей зимней ловли. А каких машин я насмотрелся! С разных мест они – Перми, Добрянки, Березников, Чёрмоза, Пожвы.

Однако вернёмся к нашим окуням. Я облюбовал старую лунку, бросил блесну, но она никак не хотела идти ко дну. Дёрнул удилице кверху, и красивый окунь-горбач граммов шестьсот весело выпрыгнул на лёд. И началась рыбацкая потеха! Окуня подо льдом было так много, что мы не успевали сделать подсечку, как рыба, заглотив блесну, тянула её вниз. Леонид умудрился несколько раз вытащить по два окуня. За три часа я проудил две блесны, набил пестерь, наволочку. Всё! Рыбы под завязку! Огляделся. Мои друзья тоже закончили лов.

Довольные, мы уселись в сани, и Жулька рысью побежала отмерять ледяные километры. «Если бы знал, где упадёшь, соломку подстелил бы» – так, кажется, говорит русская пословица. Мы неспешно вели разговоры, а Жульке предоставили самой выбирать путь. К тому же знали, что лошадь безошибочно находит дорогу, по которой она бежала утром на Косьву.

Неожиданно впереди послышался треск льда и тревожное ржание лошади. Мы вывалились из саней. Жулька лежала плашмя на льду, передние ноги её судорожно скребли лёд, задние уходили под воду.

– Распрягайте Жульку! – скомандовал Георгий Фёдорович.

Мы кинулись освобождать Жульку от саней. Лошадь отчаянно пыталась вырваться из ледяной ямы, билась задними ногами... и медленно уходила под лёд. Георгий Фёдорович набросил на шею лошади верёвку-удавку и попытался вытянуть её из воды. Жулька захрипела и стала заваливаться на бок по ходу верёвки.

– Ослабь удавку! – крикнул я.

Георгий Фёдорович последовал моему совету.

– Что делать? Вот незадача! – метались мысли в голове. – Неужели утопим Жульку? Где выход?

– Вот что, – зачастил Леонид. – Давайте попробуем к ключевине, задние ноги лошади обхватим верёвкой и втроём дёрнем Жульку из проруби.

И вот наступил момент. Мы с Леонидом закрепили вожжи на ногах бедной Жульки и по команде Георгия Фёдоровича рванули разом лошадь на лёд. Рывок! Второй! Ещё усилие, и Жулька, распластавшись ногами на льду, как лягушка, выползла из воды. Мы дружно оттащили нашу лошадь подальше от ледяной могилы и перевели дух.

Жулька, неловко раскинувшись на льду, судорожно глотала воздух и благодарно косилась на нас своими чёрными глазами. Молча покурили, молча запрягли лошадь, молча поехали домой. Жульку погонять не нужно было. Чтобы согреться после ледяной купели, она буквально летела по льду. Даже по

городу Жулька пронеслась резвой рысью, с губ слетала пена, ритмично екала селезёнка.

На конном дворе нас встретил Солдатов.

– Молодцы! – похвалил он. – Не растерялись. Они шибко опасные, эти ключевины, а для дураков смертельные. Больше не поедете на Косьву?

Я хотел ответить Солдатову, но меня опередил Георгий Фёдорович:

– За битого двух небитых дают. Урок славный, на всю жизнь. А на Косьву мы обязательно поедем!

В следующую субботу Жулька, мощно разрезая северный ветер, увозила нас на заснеженные просторы рыбацкой реки Косьвы.

Безукладников По суше и воде

Люблю с детских лет охоту и рыбалку. Всю жизнь в свободное время ими занимался. Прошагал и проехал от Кривца до села Каргино, от Бадьи до деревни Тяпугино. Трёх

рысей убил, волка одного на двоих. Медведей не жаловал. А они меня!

Помню, с егерем Валентином под селом Сретенским на стройплощадке, на овсах, косолапого караулили. Сидим в лабазе, ждём. Перед нами на скошенное поле выходит медведь. Я за ружьё!

Выстрел! Медведь перевернулся и в кусты!

– Валька! – кричу, держи ружьё наготове, бей косолапого!

Мы выскочили из засады и за ним! А он, хитрюга, сзади нас оказался! Я выстрелил – попал в берёзу! Второй выстрел – мимо! А мишка рванулся ко мне! Рычит страшно, я ему в пасть ружьё толкаю! Он уцепился за ружьё и поволок меня! Я ору:

– Валька, стреляй!

А он медлит! Прозвучал выстрел, и мишка кинулся на егеря, сбил на землю его. Я к Валентину на помощь! Толкаю зверине ствол в морду. Валентин собрался духом и произвёл выстрел! Косолапый повалился на землю и затих...

– Вот и отстрелялись, – прохрипел Валентин. – Идём к машине. Паша, у тебя на щеке кровь! Вот гадина! Он оторвал часть уха! Поехали скорей в больницу!

Медведя с охами и вздохами по жердям с большим трудом заволокли в машину – и айда в село Сретенское. Перевязку мне сделали, и мы уехали домой. Дома медведя разделали, раздали мясо по родным и знакомым. Утром уехал в Пермь. Там меня основательно подлечили, часть уха пришили. После этого случая я убил ещё двух косолапых. А так медведей издали много раз видел. И это правильно. Недаром говорят: косолапый – хозяин камских лесов!

Волк

Вспоминаю случай, который произошёл в далёком военном детстве. Я ходил в деревню Зинки в клуб. Было это зимой. Возвращался тёмным вечером домой. Дорога, как всегда, санная, идти можно. К тому же какой-то добрый человек навтыкал вешки – ориентиры из хвойных веток и сучьев. Иду домой, в руках у меня фонарь керосиновый. Смотрю – впереди глаза чьи-то светятся! Неужели волк? Я закричал, затопал ногами, замахал палкой! Зверь молча отпрыгнул с тропинки и исчез в темноте! Ору благим матом! Успокоился немного и подумал: фонарь помог! Молодец, что взял его с собой! А так волчище меня бы задрал!

Охота на лося

Было это в Оханском районе у деревни Зелёная. Зима. Я преследую раненого лося. Со мной мой друг. Вижу голову сохатого среди

деревьев. Выстрелил и его спугнул. Мой товарищ в поле стоит. Лось бежит на него, мотает головой.

– Стреляй! – кричу ему.

А у него мандраж, но всё же он собрался и произвёл выстрел. У лося смертельны е конвульсии. Он уже не жилец!

Не спеша, мой товарищ достал из сумки нож и осторожно пошёл к зверю. А он вместо слова «здравствуй» лягнул своей мощной мускулистой ногой. Да так, что у моего друга шапка улетела на 10 метров! От такого «пассажа» мой товарищ застыл и окаменел! Я подошёл к нему, обнял крепко и прошептал:

– Всё, успокойся, сохатый мёртв! А тебе удивительно повезло! А если бы пришлось не

по шапке, а по голове, то как бритвой голову бы снял!

Бобры

На дворе Покров, четырнадцатое октября. Я отправился в лес на охоту. Река Мол покрылась крепким тонким льдом. Решил сократить дорогу. И река мне поможет. Иду по реке, настроение отличное. Охотничий азарт меня подгоняет и зовёт в лес. Вдруг лёд подо мной разошёлся, и я провалился по пояс в воду! Вылез на берег, бельё отжал и сказал себе: «Всё равно не брошу охоту! По дороге согреюсь! Вперёд,

вперёд, мечта меня гонит в лес!»

И опять пошёл по реке. Через полчаса снова провалился!

В чём дело, почему мне так не везёт? Пригляделся к полынье, а там, не поверите, бобры плотину сделали! Замёрз я крепко, плюнул на охоту и побрёл домой не солоно хлебавши!

Охотничьи байки

Однажды осенью пришёл на поле караулить медведя, залез на лабаз (5-6-метровая вышка на краю поля). Просидел минут сорок. Вижу, мужик с корзиной идёт по дороге вдоль поля всё ближе и ближе, рядом с лабазом проходит и меня не видит. Хотел было его окликнуть, потом подумал: «Пусть идёт своей дорогой, вдруг ещё испугаю его».

Мужик прошёл мимо, так меня и не заметив, и ушёл по этой дороге в сторону речки. Через минуты две на дороге по следам мужика появился небольшой медведь. Он шёл будто след в след за этим грибником, не торопясь. Мех у медведя лоснился. Медведь

прошёл мимо лабаза по дороге. Стрелять я по нему не стал, так как медведь был небольшой. И он, преследуя мужика, ушёл по дороге в сторону речки.

Однажды весной ехал я со своим другом по грунтовой дороге. Время было часов 10-11 вечера, темно. Вдруг в свете фар я увидел двух зайцев, сидящих на дороге. Один быстро убежал направо, второй смирно сидел на месте. Когда до зайца осталось метров 30-40, он вдруг побежал в сторону машины на свет.

Причём видно было, что он ускорялся. Я в этот момент испугался, нажал резко на тормоз и почти колом остановил машину. Мой товарищ крикнул: Гаси свет, а то мост вырвет! Я выключил свет, но в тот же самый момент мы оба почувствовали удар в бампер машины. По

результату ДТП бампер был расколот зайцем пополам. Заяц оказался самоубийцей.

Однажды на охоте на рысь произошёл курьёзный случай. Рысь вышла на номер к моему другу. Он смотрит – она идёт, осталось 40 метров. Рысь зашла за деревья. И тихонечко, как кошка, сначала с одной стороны дерева выглянет, потом с другой. Учюла запах охотника и тихонечко ушла обратно в загон. Так и не вышла на номера умная кошечка.

Однажды на охоте с гончаком произошла такая ситуация. Пегий гончак поднял зайца, гонял, гонял, а на чистое поле не выгоняет. Заяц ходит кругами по лесу, на опушки не выходит, через дорожки не перебегает. Я так и не мог выждать его. Решил идти в лес вставать. Стою, гон идёт на меня. Собака не добегает до меня метров 100-150, вдруг замолкает и начинает бегать челноком искать. Скололась! Минут пятнадцать искала, найти не может! Хотя всегда быстро искала, где заяц скалывал собаку. Я решил – помогу собаке, найду, где ушлый заяц сколол собаку. Ходил, ходил, два круга сделал. Заход есть, выхода нет. Собака, конечно, много избегала уже, но всё равно

выхода не вижу. И уже было плюнул и пошёл выходить на опушку, как взгляд мой упал на наклоненную берёзу. На ней в 3-4 метрах от земли сидел наш «профессор» – заяц, который обманул собаку и меня. Его я оставил, чтобы учил молодых скрываться от охотников.

Декабрь месяц, загонная охота на лося. Я стою на опушке леса. А загонщики ушли с собакой. Номеров стоит человек восемь, тишина, морозно, градусов -20. Вдруг недалеко от меня собака залаяла на одном месте. Проходит пять минут – выстрел. Потом слышен визг собаки. Через секунды крик загонщика:

– Ээээ!

И снова выстрел и тишина. Мы стоим на номерах. Команду дали снимать только через пять минут. Прихожу на место: что случилось? Загонщик рассказывает:

– Подхожу к месту, где лает собака, увидел, лось стоит, рогами кидается на собаку. Стреляю в лося, лось падает и рогами прижимает собаку к земле. Собака скулит. Я к лосю, хватаю его за рога и приподнимаю голову от земли. Собака выскакивает из-под рогов. А лось оказывается живым, ещё хватает меня за рукавичку зубами. Я вытаскиваю с трудом руку из рукавицы, зубами он сдирает мне кожу. Дотягиваюсь до карабина и добиваю лося. Вот такая история приключилась с нами.

Загадки Посёрского леса

Перестройка в СССР встряхнула людей. Многие почувствовали свободу и стали заниматься, кто во что горазд. Я в 1991 году вышла на пенсию по вредности и в 45 лет ушла в свободное плавание. Родом из деревни Посёр, поэтому зарегистрировала фермерское хозяйство на малой Родине. За плечами годы учёбы в Пермском сельскохозяйственном

институте. Пошла на курсы пчеловодов, овощеводов, нутриеводов и шитья головных уборов из шкурок. Всё попробовала: держала кроликов, ханориков, нутрий, пчёл, шила, но всё это было невыгодно. Меха, шапки стали завозить из-за границы.

Расскажу о некоторых причудах уральской природы.

Цирк да и только!

Развела целое стадо индеек. Росли хорошо – ни одна не сгнула. Только осенью их некуда было укрыть от холодов. Гуляли они по снегу и смешили детей. Ребяшня запольская повалила ко мне на угор покататься на лыжах и птиц заморских поглядеть. Скатывались дети по лошадиному извозу, кричали, дурачились. Индейки в количестве тридцати штук подходили к угору, занимали места болельщиков по обе стороны лыжни, громко гоготали и хлопали крыльями. Целое цирковое представление: и актёры есть, и болельщики тоже! Было на что посмотреть и посмеяться.

Кавалерийские гонки

Держали много кур. А тут другие напасти. Осенью, по первому снежку, норка повадилась. Штук по 15-20 за сезон загрызёт, пока в капкан не заскочит. Однажды коршун спикировал на курицу-хохлатку! Но она сильная оказалась, ему не поддалась и бегом в конюшню! Так его на себе и привезла! Я только дверь за ними успела закрыть!

Лиса Патрикеевна

Лисы часто доставали. Много их было. Слюнки текут – курочки хочется!

Шла как-то по картофельной гряде, жуков собираю, а лиса из-под ног – пшик, и была такова. И это было не раз. А однажды был случай, когда моя коза «привязала» лису на свой кол, за который была сама привязана. Видимо, долго бегали они друг от друга, коза умчалась, порвав верёвку, домой, а лиса осталась ни с чем! Я пришла к колу – а там хищница стоит, опутанная верёвками!

Подёргалась, подёргалась злая зверина несколько минут, вырвалась из пут и кинулась прочь. И была такова!

Любовь зла – полюбишь и ...

Ещё один случай запомнился с индюками. Дело это было в разгаре лета. Индюки уже подросли, и в это время к нам знакомый врач из Перми привёз овцу. И что было странно – она не умела самостоятельно есть. Сколько бы я её не угощала, она из ведер ничего не ела и не пила. Я её выгнала на улицу, чтобы она дома не сдохла! Овца примкнула сразу к индюкам, ела только зерно. Мешалки не пробовала. Было в стае три больших индюка. Одного овца выбрала и стала ходить с ним рядом.

Прошло два дня. Приехали гости и выпросили у нас индюка на мясо, им оказался друг овцы! Она так по нему ревела, бегала в тоске по угорку. Но, как говорится, время лечит. Овца успокоилась и выбрала себе другого индюка, отделила его от стаи птиц.

Если индюк хотел вернуться к птицам, овца топала на него ногами и подталкивала к себе.

Но жизнь берет своё. Овца потребовала барана, приняла его не сразу, но со временем сдалась. До родов она ходила с любимым индюком. Но жизнь овцы закончилась трагически: её загрызла собака во время родов.

В святки и не то бывает

Произошло это со мной два года назад на святках. Приехала я из Ильинского на автобусе в Посёр в семь часов вечера. Уже темно. Подхватила сумки с продуктами, а куда без них – живём с мужем Володей в лесу, и отправилась домой. А в голове мысли крутятся:

– Курочки меня заждались, покормить надо бы...

Зашла в дом, телевизор включила и кинулась в конюшню. Конюшня – наша семейная гордость! Вместе с мужем воздвигали её из отлично просмоленных брёвен амбара. В таких «хоромах» курочкам было вольготно и тепло. Но был всё же один недостаток. Двери

закрывались плохо. Мужа просила, он отмахнулся. И пришлось мне подпирать эту капризную дверь толстым берёзовым колом снаружи.

Приоткрыла дверь, а кол не скинула, протиснулась внутрь. За мной в конюшню ворвался ветер со снегом! Дернула я дверь машинально, и она захлопнулась! Полчаса я пыталась открыть дверь – всё напрасно! Кол намертво закрыл выход! Решила вылезть через единственное окно. Сломала в гневе стекло и полезла. И тут неудача: просунулась с охами до пояса – голова и грудь уже в ограде, а остальное в конюшне. Застряла!

А дальше как в знаменитом анекдоте про Чапаева, Анку и Петьку!

Окружили их белые. Они в баню – и учинили бой! Патроны кончились. Решили через дымовую трубу уходить от врагов. Чапаев вылез первым, Петька – второй. А Анка застряла в трубе.

– В чём дело? – возмутился Василий Иванович. – Сколько ещё ждать?

– Она лезет, – пояснил Петька. – Но таз её не пускает!

– Вот дура! – закричал комдив. – Пусть таз выбросит, если жить хочет!

Так и у меня: мой первородный таз из конюшни меня не выпустил! Застрjala основательно: ни вперёд, ни назад. С трудом вывалилась обратно, поругала себя, отдохнула, нашла в потёмках мешок, набила его землею и заткнула окно.

В середине ночи попыталась сделать подкоп. В руках твёрдая железная полоска, часа через три выкопала лаз под бревном, чтобы выбраться во вторую половину конюшни. И снова облом! Навозная куча с землёй так спрессовались, что мой железный тесак согнулся и превратился в ненужный хлам.

Володя, мой муж, уехал в Пермь за пенсией. Будет только вечером через сутки. Я выбрала место потеплее, капюшон на голову и задремала. Вечером наконец вернулся Володя. Зашёл в дом – телевизор работает, двери настежь – а жены нет! Кинулся во двор. Кричит:

– Мария, ты где?

А как услышал мой писк из конюшни, так и присел! Осторожно подошёл к конюшне, откинул кол, рванул дверь, и я очутилась в его объятиях!

– Что это было? – удивленно спросил он.

– Ничего особенного! – ответила я – Идут святки, и нечистая сила лютует!

М.Ф. Коркунова

Чернушка

Зимнее солнце алым кругом поднималось над горизонтом. Лучи его иногда вырывались из-за вершин деревьев и рассыпались мелкими блёстками на снегу.

Морозный покой нарушил визг санных полозьев. На подводе ехали рыбаки. Крутой спуск, и лошадь выбежала на Каму.

– Где остановимся? – спросил Леонид.

– У Чернушки, – ответил Александр. Он сидел впереди, правил лошадьё.

– Мы сегодня, кажется, первые. Впереди никого нет.

Мы – это учителя и воспитатели областной школы-интерната, страстные любители зимней рыбалки. Третий год подряд не без помощи смекалистого школьного конюха Петра Солдатова используем как средство передвижения по льду Камского водохранилища лошадей.

– Пересекать Каму надо с умом, – поучал Солдатов. – Жди, когда лёд будет сантиметров пятнадцать-двадцать, и айда! Запаситесь крепкой верёвкой, а то вдруг лошадь провалится под лёд. В пути будьте осторожны, сомнительные места, ключевины объезжайте, и с Богом!

Камское водохранилище в том месте, где мы спускались, было шириной восемь километров. Белая снежная пелена вокруг, пронзительный боковой ветер, гуляющий по Каме, утренний мороз не располагали к разговору. Леонид дремал, прижавшись ко мне спиной, а я подумал о Чернушке, и мысли мои перенеслись на двадцать пять лет назад, в пору моей юности.

* * *

Стоял август 1947-го года. Вечером к нам зашёл дядя Витя Палкин, немного поговорил с моим дедом Петром Михайловичем, а затем, обратившись ко мне, спросил:

– Пойдёшь со мной завтра на Косьву за клюквой?

– Да!

– Выходим рано, часов в пять, чтобы успеть к первому парому.

Я бросился собираться к походу. Река Косьва и её окрестности в нижнем течении всегда манили своей неизвестностью и таинственностью. Слышал много от бывалых рыбаков, охотников и ягодников рассказов, легенд об этих местах: Чёрное и Белое озёра, Чернушка, Палаусное, Бор, Сталинские казармы.

Мы переехали Каму, когда солнце ещё всходило над лугами. Шли дорогой вдоль Косьвы. Река серебристой лентой извиваясь, делая немислимые повороты, была у нас всё время слева, закрытая ивняком и дремучими зарослями шиповника. Иногда мы пересекали

луга, и Косьва подходила вплотную к дороге и манила нас водной гладью.

Начинался жаркий августовский день. На небе ни облачка. Справа от дороги берёзовые рощи сменялись липовыми, рябиновыми вперемешку с пустынными и покрытыми густой осокой болотами. Местные жители называли эти болота «араями». К полудню мы свернули вправо от Косьвы. Дорога сменилась тропинкой, которая привела нас к Чёрной реке. Грязь, чавкая под ногами, задерживала наше продвижение. Затем тропа пошла круто вверх. По обеим сторонам от нас стоял хмурый еловый лес. В лесу ни звука, ни шороха.

– Скоро трасса, а там подать рукой до Сталинских казарм, – сказал дядя Витя.

Сталинские казармы... Почему они так называются? В то время об этом не задумывался. А кто-то ведь назвал. Может быть, передовой лесопункт был, много давал стране леса? А может, некто окрестил их так иронически. Как знать.

К вечеру мы подошли к Сталинским казармам. Представьте огромную поляну, зажатую лесом. В центре её стоят длинные

бревенчатые бараки с заколоченными окнами и дверями. В самом ближнем из них живёт сторож, женщина-татарка с двумя детьми. На зелёной траве пасутся корова с телёнком, в огороде квохчут куры и заливается петух.

На крыльце появилась молодая женщина лет тридцати, в белом платке и цветастом сарафане. Она из-под ладони рассматривала нас.

– Здравствуй, Ибрагимовна, – приветствовал её дядя Витя. – Пусти переночевать. Нас двое, я и племянник. Заплачу.

– Рада, но не могу. Замуж недавно вышла, а муж у меня страшно ревнивый. Не только бранит, но и бьёт, и приговаривает: «Смотри, чтобы никаких гостей у нас не было». Тимофеем звать, недавно пришёл из заключения.

– А мужик у тебя где?

– В Чернушку убёг. Последние деньги от детишек оторвал: подавай ему, ненасытному, водку!

– Придётся ночевать на болоте, – подумал я.

– Игорь, пошли к костру, видишь, дымок курится у леса, – услышал я голос дяди Вити.

Подошли. У костра сидели два мужика. Один был лет сорока, с чёрной бородой, в фуфайке, кирзовых сапогах. Звали его Андреем. В ногах у него лежала двустволка. Рядом с ним сидел и усердно пёк картошку молодой парень в серой армейской шинели, с фетровой шляпой на голове, на ногах коты (так в наших краях называли лёгкую кожаную обувь).

– Добро пожаловать к нашему шалашу! – улыбаясь, крикнул он.

Мы уселись у костра. Молодого парня звали Ефимом. Он и его спутник были из села Усть-Иньва.

– Откуда вы? – спросил нас.

– Из Чёрмоза.

– За клюквой?

– Да.

– А мы тоже за ней. Видишь, ружьецо прихватили рябчиков пострелять.

Внезапно на лес, на костёр и Сталинские бараки опустилась ночная мгла. Стало холодно. Мы, чтобы согреться, жались к

костру. Но напрасно! Ноги, грудь обжигал жар, а спину охватывал такой холод, что уснуть едва ли смогли бы. Сначала разговор пошёл о болоте и ягодах, а затем перекинулся на разные истории.

– Почему здесь никто не живёт? – спросил я.

– Лес весь вырубил, вывезли, трассы наделали. Завтра пойдём на болото, ты увидишь. Лесопункт закрыли, а рабочих перебросили на Чернушку и Нижний Лух, – шевеля палкой угли, заговорил Андрей. – Бывал ли кто из вас на Чёрном и Белом озёрах? Нет? А я хаживал туда много раз. Загадочные озёра... Находятся в такой глухомани, что страшно туда идти одному. А тянет! На Чёрном озере сомы водятся такие, что морды у них с лошадиную голову. Не верите? Сам я не видал, но рассказывают старожилы, что в озере живёт царь-рыба, старый-старый сом, лет сто ему или более, на голове у него мох растёт. На середину озера выедешь, а сом под лодку нырнёт, и давай качать! Не любит он нашего брата-рыбака. Говорят, по его вине несколько рыбаков утонуло. На Чёрном озере вода

тёмная-тёмная, дна не видать. Рыба же всякая водится: что в Каме, то и в озере. Весной по большой воде рыба заходит по небольшой канаве и остаётся. А канаву, я слышал, Потап Нечаев с дружками выкопал. А на Белом озере вода светлая-светлая, дно видно на большой глубине, и живёт в нём, в этом озере, только один окунь с чёрной чешуёй.

– Окунь ведь хищная рыба. Ему нужен малёк. Чем же он питается? – удивился я.

– Крупный окунь поедает мелкий. Этим и живёт.

– Видать, кровожадный там окунь, раз поедает своё племя, – промолвил Ефим.

Помолчали.

– А знаете, что я ещё обнаружил на Белом озере? – опять заговорил Андрей. – Землянки вырыты в земле, сколочены нары, печки сложены, а дымоходные трубы уходят под землёй от землянки в сторону метров на тридцать. Это для маскировки, чтобы не нашли землянки. Сказывают, что во время войны дезертиры там хоронились. Били сохатых, медведей, глухарей, заготавливали грибы, ягоды. Хлеба не было, но изворачивались. Когда туго

было, шли на Каму, в деревни, доставали у знакомых, а то и воровали. За главного был у них Архип Карпов из Чёрмоза.

Разговор тянулся дальше, но я ничего не слышал. Сон мгновенно сковал меня.

Проснулся я от толчка в спину.

– Будем рыбачить на Дурнице? – спросил Леонид.

Ничего не понимая, я открыл глаза. Мы переехали водохранилище, и лошадь бежала трусцой вдоль левого берега. Впереди навстречу нам надвигался мыс, заросший лесом и окутанный молочной дымкой, за ним начиналась Косьва. Решили ловить окуня на Дурнице на обратном пути. А теперь – вперёд, к новым неизведанным местам!

И снова мои мысли перенеслись назад. Помню, как наступил долгожданный рассвет. Костёр догорал, больше нас уже не грея. Густой туман и лесная сырость вызывали дрожь во всём теле.

– Ничего, сейчас согреемся, – сказал дядя Витя. – Ноги в руки и быстрым ходом до болота, а там и солнышко обогреет.

Осеннее
солнце
приветливо
сияло в небе,
лаская нас
своими
лучами, едва
мы вступили
на болото.
Перед нами
раскинулась
необъятная

равнина, поросшая травой, карликовыми берёзками. Местами, горделиво вздымая в небо зелёные шапки, стояли одинокие сосны.

– Смотри, Игорь, – обратился ко мне Ефим. – Мы стоим на трассе, по ней возили лес. Пойдёшь на север – придёшь в Чернушку, в обратную сторону двинешься – аккуратно будешь на Нижнем Луху.

А вот и первые ягоды! Он наклонился, сорвал горсть алой клюквы и отправил её в рот:

– Хороша, ох вкусна ягода!

Мы последовали его примеру. В полдень, когда корзины наши наполовину заполнились, нашли сухое дерево, разложили домашнюю снедь и в охотку поели.

– Жара, – вздохнул Андрей. Он уже сбросил с себя фуфайку и в одной рубашке ходил по болоту.

Солнце пекло нещадно, как будто прощаясь навсегда с летом.

Я был одет в серые брюки и чёрную куртку, вспотел, ползая от кочки к кочке, захватывая горстями клюкву и торопливо отправляя её в корзину.

– Ну и печёт, – взмолился дядя Витя. – Чувствую, что у меня на спине между лопатками соль закипает!

Всех быстрее справился с клюквой Андрей. Он завязал корзину платком, поставил

её на тропу около нас, взял ружьё и направился в осинник, который тихо шумел на ветру:

– Пойду побалуясь ружьишкой.

Долго ничего не было слышно. Затем где-то в километре от нас раздался один выстрел, другой. Под вечер уже собирались домой, как недалеко в осиннике что-то затрещало – это возвращался Андрей.

– Всё путём! – радостно закричал он. – Ягоды насобирал и глухаря заарканил. Давайте совет держать. Уже поздно, на паром не успеем, а вторую ночь на болоте нам не выдержать. Предлагаю спуститься до Чёрной речки и свернуть к Косье. Там заимка на берегу стоит, а хозяин мне очень знакомый человек.

– Верно, – сказал дядя Витя, – вчерашнюю ночь я на всю жизнь запомнил. На Дальнем Востоке, в Манчжурии, приходилось в окопах сидеть на Большом Хингане, но такого не бывало.

Обошли стороной Сталинские казармы и спустились вниз к Чёрной речке. Заимка показалась из-за редких деревьев, когда солнце ушло за горизонт, оставив на небе багровую

ленту. Под сенью трёх могучих кедров притаилась небольшая избушка, рядом к ней прилепились покосившийся амбар и конюшня. Поодаль у самой реки красовалась новая баня со свежими бревнами и деревянной крышей. Приход наш был встречен разноголосым лаем собак. Скрипнула дверь, и на крыльце показалась худенькая старушка. Заметив нас, она ничего не сказала и ушла в дом. Дверь дома снова открылась, и мы увидели высокого старика крепкого сложения, с палкой в руках. Одет он был по-домашнему: холщовая рубашка обтягивала могучие плечи, широкие ватные брюки были подпоясаны солдатским ремнём, на ногах шерстяные носки.

– Здравствуй, Африканыч! – радостно заговорил Андрей. – Признаёшь ли меня?

– Кажись, Андрей. Здорово, однокашник! Проходи. А это что за люди?

– За них не бойся. С ними на болоте познакомился. Пустишь переночевать?

– Заходите.

Только теперь, вблизи, я заметил, что старик смотрит на нас странно, через нас, куда-то вдаль.

– Откуда идёте? – спросил Африканыч, как только мы уселись в доме на скамье.

– Со Сталинских казарм.

– Ну и как, есть ягода?

– Есть! – ответил Андрей. – Ещё не одна сотня людей уйдёт с болота с клюквой. А косачей, рябчиков на болоте страсть божья! Этой осенью будет славная охота!

– Спать будете на полу и кровати, а мы со старухой на печи и полатах.

В избе было темно, керосиновая лампа, висевшая в красном углу, освещала икону и стол.

– Будем вечерять, – сказал Африканыч. – Авдотья, угощай гостей.

На столе появилась картошка в мундире, солёные рыжики, копчёные караси, зелёный лук и двухлитровая кринка молока. Африканыч крикнул, полез в буфет и извлёк бутылку водки.

– Думал, на Октябрьскую разопью. Ан нет, гости у нас дорогие, по чести угостить следует.

Старик разлил водку в стаканы и произнёс:

– За встречу, Андрюша! – и, повернувшись к нам, добавил: – За знакомство!

Выпили. Закусывали пахучими карасями и скользкими рыжиками.

– С хлебушком трудновато, а так у меня все есть: и мясо, и рыба, и мёд, и разная огородная всякость, – начал Африканыч. – Слышал, в Чёрмозе коммерческий хлеб стали продавать.

В разговор вступил дядя Витя:

– Торгуют коммерческим хлебом на базаре, в татарском ряду. Один килограмм в одни руки. Очередь скапливается до полтыщи. На днях в толпе одну старушку задавили. Давнули в дверях, и она, милая, в магазине скончалась.

– Озверел за войну народ, – вздохнул Африканыч. – Ни старики, ни малые ему нипочём! Только своё брюхо норовит набить. Бога забыли. Ну, рассказывай Андрей, где ты был, как ушёл на фронт из шахты в сорок третьем году?

– Помнишь, Африканыч, октябрь сорок третьего? Меня вместе с Ванькой, твоим сыном, мобилизовали. Довезли до Кирова – и

на сортировку. Ваньку в артиллерию взяли, в учебку, а меня прямым ходом на Первый Украинский. До ранения всё в разведке был. Последний бой принял на венгерском озере Балатон. Два ордена, три медали привёз с войны и дырку в левой ноге. Ладно, хоть кость не задета. Возвращался домой в сорок шестом году. Так захотелось родное село повидать, отца, мать, близких! Сам-то я из Усть-Иньвы. Решил: еду! Сел на пароход – и до Чёрмоза, а потом пешком. Двенадцать вёрст отмахал меньше чем за час, словно на крыльях летел. Захожу в дом, а отца уже в живых нет, скончался за месяц до моего приезда. Хотел обратно на шахту, мать ни в какую, плачет: «Я осталась одна, сыночек, не бросай старую, не ездь на шахту». Так и остался там. Работаю в Иньвенском рейде на лесоповале.

– А как узнал про меня? – спросил Африканыч.

– Сосед мой Филипп Бородин сосняк строевой рубил на Косьве для нового дома и как-то к тебе заходил. Он и сообщил мне, что, мол, живёт на Палаусном знаменитый охотник

на всю Косьву. Вот я и подумал: не ты ли сюда перебрался? Расскажи, как ты здесь оказался?

– Вот как дело повернулось. Ванька с фронта пришёл, левое лёгкое простреленное, контуженный, припадки каждый день. Какая уж тут работа под землёй. Прощай, шахта! Прочитал где-то Ванька объявление, что нужны рабочие на лесопункт в Чернушке. Уехал, а через пять ден заходит и говорит: «Маманя, батя, собирайте вещи, поехали со мной, квартиру мне дали». Подумали, поразмыслили: «Куда Ванька – туда и мы. Кто нам на старости лет кружку воды подаст?»

Чернушка мне не понравилась: шум, суета. Я охотник, рыбак, люблю тайгу, зверя, рыбу. Подглядел эту избушку, купил и переехал со своим скарбом. Баню недавно новую поставили, дом с ремонтом зиму подождёт.

– А как с охотой, рыбалкой? – поинтересовался Андрей.

– Плохи мои дела, Андрюха. Прошлой осенью повадился к нам медведь-шатун. В берлогу не лёг, давай пакостить. Сначала телёнка изувечил, но утащить не смог: бык у

меня четырёхгодовалый по кличке Силач его отстоял. Силач у меня за сторожа и пастуха. Никого к стаду кроме нас не подпустит. Было это недалеко от дома, собаки шум подняли, да и я вовремя прибежал. Неделю выслеживал медведя. Чуткий и хитрый зверюга, понял, что я за ним слежу, и ушёл. Ну, думаю, ушёл, и слава Богу. Может, угомонился, в берлогу полез. А через несколько ден он быка Силача завалил. В ключья разодрал, забросал сучьями и ушёл. Побывал я на месте схватки. Насмерть бился мой Силач: кровища кругом, шерсть и от быка, и от медведя. Ладно, решил я, теперь не пугать тебя, а прикончить следует, раз ты такой злодей проклятый! Соорудил лабаз около того места, где бык лежал, и жду. Ночь тёмная была, хоть глаз выколи. Слышу: где-то справа ветка треснула. Опять тишина: чует мой медведице и осторожничает. Затем слева кто-то фыркнул – и бежать. Я ему вслед двустволку разрядил. Как рассвело, слез с лабаза и давай разбираться: задел я медведя или нет? Смотрю, кровь на траве и кустах. Ранен! Побежал домой, взял собак, зарядил ружьё, прихватил нож охотничий – и по следу медведя.

Нагнал его у Чёрной речки на краю оврага, в буреломе. Собаки кинулись на медведя, осадили его. Взял я зверя на мушку, а Снежок перед ним пляшет, стрелять мешают. Зашёл сбоку, выстрелил. И случилось же такое – сроду не бывало! – в молоко попал! Тридцать медведей положил, а тридцать первый какой-то заколдованный. «Ну, погоди, медвежья зараза, – подумалось, – подойду поближе и наверняка!» Выстрелил, медведь заревел от боли и бросился на меня. И схватился я с ним. В левой руке держу ненужное ружьё, в правой – нож. Поскользнулась нога, и повалился я на муравьиную кучу. Медведь лапищей меня по голове звезданул, и я потерял сознание. Очнулся и чую: медведь подмял меня под себя и норovit прикончить. Кровь заливает глаза, холодный пот всё тело прошиб, фуфайка разорвана на полоски: «Всё! Смерть ко мне подбирается!» Молодцы собаки, не дали медведю меня прикончить. Собрался я с силами, как мог, и всадил нож в левый бок зверя. Медведь шарахнулся в сторону, заревел и стал грызть ствол ёлки. Упал я навзничь и уже ничего не помнил.

Ванька, мой сын, потом рассказывал: «Лежишь весь окровавленный под медведем, вместо одежды одни лоскутья, собаки воют с надрывом». Если бы не Ванька, не жилец я на белом свете.

В то утро Ванька пришёл к нам и спросил мать:

– Где отец?

– На медведя пошёл.

– Что же ты его одного отпустила?

Кинулся на двор, прислушался: где-то в осиннике собаки от лая надрываются. Схватил берданку – и туда! Нашёл меня. Раны, как мог, перевязал, рубаху и подштанники свои изодрал вместо бинтов. Всю зиму я, паря, пролежал. Медведь здорово по мне прошёлся. Левая рука не работает, посохла, ноги зажили. А вот голова как не своя, всё время болит, трещит в ней что-то, и плохо видеть стал. На левый глаз ослеп, а правым плохо вижу. Тридцать первый медведь стал для меня последним, и с охотой я покончил. А хочется в лес пойти, собаки просятся, засиделись. Да куда теперь!

Африканыч вздохнул, достал кисет с табаком и стал сворачивать сигарку.

Помолчали, стараясь до конца осознать сказанное старым охотником.

– Правильно говорится: сколько верёвочке не виться, а конец будет, – продолжал Африканыч. – Давно это ещё было, под Губахой в лесах жил. Мне старый охотник Болотов Иван говаривал: «Ты, Сенька, поостерегись, не ходи в одиночку на медведя. Охота эта шибко опасная. Больно ты лихо на зверя прёшь. Не промахнись!» Э, да что и говорить. Сижу дома, мерёжу вяжу, карасей на озере сеткой ловлю, по дому мало-мальски шевелюсь под начальством Авдотьи.

– Ты бы гостей пожалел, – вмешалась Авдотья, – гляди, на ходиках второй час. Люди спать хотят, а малый давно носом клюёт.

Это она про меня сказала! Я спать не хотел: рассказ старого охотника потряс меня.

– Правильно, Авдотьюшка, поздно уже, будем спать.

Старик залез на печку и долго ворочался с боку на бок.

Мой крепкий сон прервал лай собак. Кто-то подходил к дому. В комнате я спал один, мои спутники встали и ушли куда-то. Выбежал

на крыльцо: солнце стояло в зените, было жарко, как и вчера. Дядя Витя у бани сушил выстиранные портянки, рубаху и носки. Ефим строгал срубленные удилища. В огороде гудела печка-буржуйка. Пахло ухой, лавровым листом и душистым перцем. Во двор вошли Андрей и Африканыч, в руках последнего были вёсла. Андрей скинул на землю большой брезентовый мешок:

– Вот и мы с рыбой. Карась отменный, рыба пуда на два тянет, две сетки проверили.

Авдотья пригласила нас за стол. Быстро поели и стали собираться на Каму.

– Заходите ещё, – взволнованно попросил Африканыч.

– Будем в ваших краях, непременно заглянем.

Старик разделил рыбу на четыре кучки:

– Забирайте рыбу, гостинцы от деда Семёна.

Когда уходили

по просеке домой, я оглянулся назад и, как бы прощаясь с этим таинственным уголком природы, подумал: «Живёт старик в таком прекрасном месте, всё есть: и рыбалка, и охота, и река, а здоровья нет!» На берегу Камы в ожидании парома я разделся, кинулся в воду, покачался на волнах, а затем уселся в тени берёз отдохнуть и обсохнуть, но в мыслях своих снова и снова возвращался туда, на заимку, в избушку Африканыча. Мне жаль было очень старого охотника.

Вот и паром. Но что это? Среди мужиков и баб, собравшихся на ближние покосы, я увидел трёх милиционеров с лошадьми. Первыми вступили на берег милиционеры и их лошади. Впереди шёл капитан милиции. Он приветствовал дядю Витю:

– Здравствуй, Виктор Афанасьевич!
Откуда идёшь?

– Здравствуй, Алексей Петрович! Со Сталинских казарм. На болоте клюкву собирали с племянником.

– Давно оттуда?

– Одну ночь ночевали в лесу у барачков, вторую на Палаусном.

– Знаешь ЧП на бараках?

– Нет.

– Сгорели они. Сожитель сторожа-женщины, некий Ивлев, напился, забуянил. Детей выгнал, а сожительницу зарубил топором. А потом бараки поджёг. Едем разбираться, да и поймать надо этого мерзавца.

– А как вы узнали? Мы на Палаусном были вблизи от барачков, ничего не слышали.

– С Чернушинского лесопункта мастер позвонил. Детей нашли в лесу, а Ивлев скрылся.

Мы зашли на паром, и он медленно поплыл на середину реки. Я посмотрел на закамские луга, на мужиков и баб, которые поднимались к Косье по тропинке, весело переговариваясь. Си́рневый закат протянулся через всё небо.

В начале сентября я встретил дядю Витю около рынка. Увидев меня, он улыбнулся и сказал:

– Знаешь, что завтра в Чёрмозе будет? – и, помолчав, добавил: – Показательный суд над Тимошкой Ивлевым! Да-да, тот самый, который бараки сжёг и женщину убил.

Поймали его милиционеры в одной деревушке на Косьве. Вчера видел капитана Быстрова, он мне и сообщил, что следствие закончено. Тимофей на себя вину взял: по пьянке, дескать, ничего не помню. Придёшь на суд?

– Постараюсь, – ответил я и кивнул головой.

На следующее утро я вместо суда ехал по направлению села Кыласово. Машина-полуторка, разбрызгивая воду и грязь, увозила меня и мой родной 8б класс на сельхозработы.

– Справа по борту Чернушка, – раздался голос Александра.

Мы проезжали мимо крутого берега, промелькнул небольшой сосновый бор.

* * *

– Прибыли, – весело произнёс Александр.
– Здесь и останемся.

По расположению берегов было ясно, что Косьва у нас под ногами. Справа она упиралась в обрывистый берег, где среди лесов и снегов притаилась деревушка Бор. Чёрные избы и постройки, сгрудившись, как малые дети

вокруг матери, окружили деревянную часовенку, гордо поднявшую в синее небо свой острый и одряхлевший шпиль.

Три местных мужика нашли бровку и, усевшись друг за другом в ряд, методично трясли удилица. Рыба не клевала.

– Ну как? – обратился я к старику, сидевшему вблизи от нас.

– Нет ничего. Рыба ещё спит. А вчерась окунь брал с рассвета до захода солнца.

Мы выгрузились из саней, привязали лошадь, прикрыв её попоной, набросали из саней сена. Пробурили первые лунки, закинули снасти. Клёв был вялый, рыба постоянно срывалась, но мы, настойчиво обследуя один участок за другим, распечатывали лунки, пытаясь согреться и наткнуться на окуневый косяк.

– Поедим и отдохнём, – предложил Леонид, вспотевший от такой бесплодной работы. – А затем снова за рыбалку.

Наконец незадолго до обеда попали на одно уловистое место. К счастью, здесь не было никого из рыбаков, и мы принялись за дело.

Окунь жадно хватал блесну. Не успевали опустить её, как снова и снова кивок удочки вздрагивал – это стая горбачей устремилась заглотить зазевавшуюся «рыбку». Спины наши взмокли от пота, но мы, не обращая внимания на начавшийся северный ветер, с азартом выдёргивали из лунок полосатых «матросов» и бросали их на лёд. В борьбе с окунями и не заметили, как вдруг оказались в середине многочисленных рыбаков. Последние, заметив, что мы напали на рыбу, бросали свои насиженные места и кинулись обуривать нас.

Ветер крепчал, погода хмурилась, пошёл крупный снег, напор окуневой стаи ослаб. Зимний день готовился к наступлению ночи, солнце медленно продвигалось к горизонту. Я смотал удочки и обратился к своим друзьям:

– Вы пока рыбачьте, а я поднимусь на берег и осмотрю Чернушку.

Не мог же я и в этот раз, через двадцать пять лет, опять обойти Чернушку. Какая же она? Уже знал, что лесопункт закрылся три года назад.

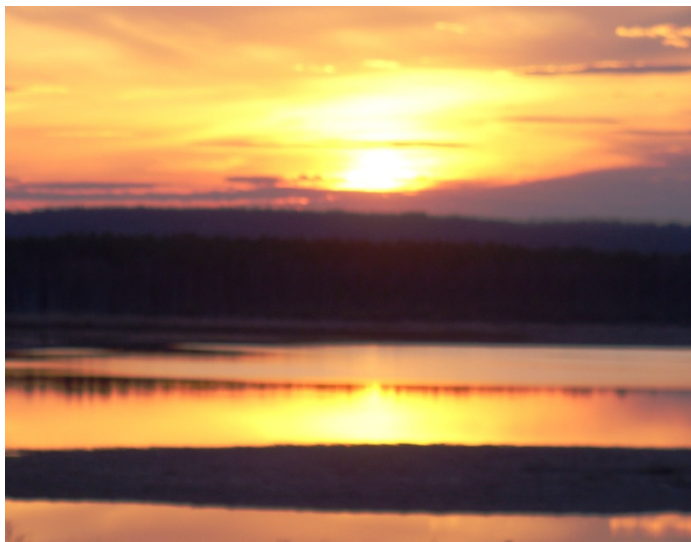
Узкая тропа привела меня на большую поляну. Слева берёзовая роща, справа пихтач с

ельником подковой защищали её от всех ветров, кроме северного. Бараки и дома смотрели на меня зияющими окнами и дверями. На многих зданиях не было крыш, потолков, полов. Предприимчивые чермозяне, как морские викинги, не раз появлялись здесь, ломали, что можно взять, грузили на баржу и увозили. Передо мной валялась телега без колёс, рядом стояла банька по-чёрному, без трубы, печки и дверей. Что это? Наклонился и поднял доску, на ней кто-то выжег: «Люблю Любашку».

Да, здесь жили, работали, радовались и любили, мучились и грустили лесорубы и члены их семей. Жизнь кипела, лесопункт работал и давал стране много леса. Где же эти люди? Молодой паренёк, который выжег имя любимой, Иван, сын Африканыча. Много и других, которых я не знаю и никогда не буду знать! Здесь жили с родителями мои ученики Витя Алексеев, Володя Максимов. Они, закончив среднюю школу, выучились на лесников. Где они теперь? Живы ли сейчас? А сколько лесных посёлков прекратило своё

существование вокруг Чёрмоза? Это и Напарья, 225-й, Северный и другие.

Я посмотрел на Косьву. Там, на том

берегу, в глубоких снегах в сосновом бору заснуло таёжное озеро Белое. Чёрное озеро затопили камские воды. Трудно теперь, через четверть века, найти какие-то ориентиры. Поглотили камские воды и избушку Африканыча. Ушли под воду живописные луга по берегам Камы, Косьвы, липовые, рябиновые, черёмуховые рощи, дивные и обширные покосы.

Вся Пермь двадцать-тридцать лет назад заготавливала на косьвинских лугах душистое сено, десятки барж уходили в разные края, увозя с сеном запахи и краски уральской природы. Своим изобретательным умом и руками человек погубил красоту камских лугов.

Снова бросил взгляд на Чернушку. Опустевшая и разграбленная, брошенная человеком, она вызывала у меня скорбное, щемящее чувство, подобное тому, когда ты вдруг увидишь старое, заброшенное всеми кладбище.

Возвращались поздним вечером, когда солнце закатывалось за сосновый бор, бросая прощальные лучи на лёд и рыбаков, которые продолжали упорно бурить лунки, надеясь на внезапную удачу, на стаю ворон, терпеливо ожидающих своего часа, на камский берег, покрытый багровой дымкой, и на всю зимнюю природу, медленно отходящую ко сну.

Нечистая сила

Город Чёрмоз, военное лето 1943 года в разгаре. После ягоды и грибы. Ребята с Советской улицы отправились за Каму по голубику. По берегам Белого озера еёросло видимо-невидимо.

По дороге к озеру зашли в сосновый бор. Донимала знойная жара.

– Немного отдохнём, – сказал наш вожак Георгий, – и снова в путь.

Зашли – и ахнули! На огромной поляне под шапками могучих сосен увидели неизвестные ягоды, похожие на малину. Попробовали с опаской – сладкая, ароматная!

– Рискнём, робя, – сказал Витя Новиков.

И все накинулись на ягоду! Рвали жадно, и сразу в рот. Голодные желудки ребят довольно урчали. Понятно – голод не тётка. Прошло около часа, ребята насытились, а точнее, объелись и улеглись на поляне. Мгновенный сон свалил ягодников. И они притихли на траве. Через час проснулись,

отдохнули. Шутки, смех и навязчивый вопрос занимал всех: почему они уснули? За всех ответила Тамара Зверева:

– Это проделки нечистой силы. Уходим отсюда немедленно!

По возвращению домой ребята целую неделю обсуждали удивительный сон в лесу. Георгий рассказал о лесном «проколе» деду. Дед ответил мгновенно:

– Леший и нечистая сила не при чём! Вы объелись переспелой морошкой, которая стала хмельной. Вот и разгадка! В старые годы бабушка Анисья из морошки делала хорошее вино. Вы, внучок, нажрались её – и опьянели!

Век живи, век учись!

Зигзаги школьной жизни

– Дима, семья у вас большая?

– Большая.

– Сколько братишек и сестрёнок?

– Не знаю, я не считал.

(Разговор между Светланой Ивановной и Новосёловым Димой)

– Как называется человек, который стоит в воротах?

– Воротник.

(Ложкин Вова, 1 класс)

– Осенью тараканы превращаются в двухвосток.

(Таскаев Слава)

– Третий ряд ищет имена существительные среднего рода. Можно подставить слова оно, моё.

– Оно моё, оно не моё, оно твоё.

(Кичигин Алёша)

– Ребята, какой праздник приближается?

– день Советской Армии.

– А как он теперь называется?

– 8 Марта.

17 марта.

Классная работа.
Изможение.
(Удавихин Ваня)

Основные части скелета:
– череп, плечи, позвоночник, рёбра, таз, ведро,
кисть, гусь – лапки.
(Ершов Саша)

Урок чтения. Сказка о мёртвой царевне...
«Откусила яблоко и уснула насмерть»
(Ершов Влад, 2 класс)

«Если болит лоб и переносица, то значит, там
скопился перегной».
(Субботин Никита, у него был гайморит)

– Какие бывают предложения по цели
высказывания?
– Повествовательные, вопросительные,
возбудительные.
(Петраш Никита, 1 класс)

– Как называется разговор между двумя
людьми?
– Эхо.
(Меринова Кристина, 1 класс)

– Вот посмотрите, что я нарисовала.

– Что это?
– Не знаю, не подписано.
(Зубова Марина, 1 класс)

– Что можно сказать о мягком знаке?
– Это звук немой
(Мудрых Дарья, 1 класс)

– У меня так в горле чешется!
– Наверное, заболел.
– Нет, читать так сильно хочется.
(Першин Даниил, 1 класс)

– А что это такое школьная линейка?
– А я знаю. Это когда в коридоре все стоят и всех ругают.
(Петраш Никита, 1 класс)

– Скоро зимние каникулы?
– Ещё четыре бани до каникул.
(Нагибина Надя, 1 класс)

Урок чтения. Беседа по рассказу Пришвина
«Ребята и утята».

– И для мамы утки, утята были дороги.
– Они всё-таки дорогие (Шилоносов Толя)
– А сколько стоят? (Варёнова Люда)

Урок чтения. «Федорино горе».

– Ой, я чуть-чуть не уснула.
– Почему? Разве неинтересно было слушать?
– Интересно, просто я под интересное всегда засыпаю.
(Нагибина Надя)

– Смотри, Кристина, читается што, а по-
честному пишется что. (Жунёва Юля, 1 класс)

– Светлана Ивановна, на сколько «двойка»
унижает оценки, что за четверть выйдет?
(Морозов Костя)

Получил «5» по математике.

– Жизнь налаживается. Был хорошистом, стал
пятишистом.
(Морозов Костя)

– Мы сегодня на уроке ИЗО рисовали части
богатырей. Я рисовал кольчугу.
(Морозов Костя)

– Парные звуки спорили, спорили. Вот и им
досталось по половинке. Слышится звук один, а
пишется буква другая.
(Суфиярова Азалия)

– У кого есть домашние животные?

– У меня только двоюродные домашние животные. Агата мне двоюродная сестра, значит её животные мне тоже двоюродные.

(Суфиярова Азалия)

– У меня рука устала писать палочки. Но это хорошо, значит, я иду к успеху.

(Антипина Агата)

– Если почувствуешь запах газа, нужно немедленно звонить куда?

– Спец по нюху.

(Суфиярова Азалия)

Урок математики. Затрудняется решить задачу.

Говорю:

– Было 5 яблок, 3 съел. Что скажешь?

– Ещё хочу.

(Морозов Костя)

Мухрянова Светлана Ивановна
учитель начальных классов ПСШ

Оглавление

Сказка о жадном рыбаке	2
Векша	7
Сашка Мороз.....	12
Бой-баба	16
Три дочери Рамона Пятого	22
Студенческий фольклор.....	25
Обезьяна	25
Змея	26
Дела студенческие	28
Терентий Жерносек.....	33
Курильская история.....	35
Дети войны.....	38
Страсти по авиации	38
Упрямая корова	54
Случай у парома, Чёрмозский район.....	60
Школа	65
История с пленными немцами.....	68
Студебеккеры	73
Лихие кавалеристы.....	77
Уроки военного дела.....	79
Уроки кино	80
Девушка с коровой	82

201-й, 1944 год.....	91
Подвиг генерала Карбышева.....	97
Катя Некрасова	104
Разведчица Клава	109
Трудное военное детство	120
Щавель конский (видение).....	127
Репей – репьюшка	128
Подарок маршала Жукова	135
Правильная женщина	143
Орден Ленина	160
Загадки и тайны камских лесов.....	167
Леший и Пера.....	167
Охотник и Лесовик	172
Шатун-гора	183
Тимофей Коняев	188
Охотник Алексей Романов.....	199
Упрямый заяц	207
Отчаянный заяц	208
Изворотливый заяц	209
И снова медведь!	211
Медвежьи забавы	212
Жулька	232
Безукладников По суше и воде	245

Охота на лося	248
Бобры.....	250
Охотничьи байки	251
Загадки Посёрского леса.....	255
Цирк да и только!	256
Кавалерийские гонки	257
Лиса Патрикеевна.....	257
Любовь зла – полюбишь и	258
В святки и не то бывает	259
Чернушка.....	262
Нечистая сила	292
Зигзаги школьной жизни	294